

001
У-917

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОРНО-АЛТАЙСК * 1961

xp.

311 312
313 314 315

xp

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

001
У-917.

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Горно-Алтайского
научно-исследовательского
института истории,
языка и литературы

ВЫПУСК 4-й

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Горно-Алтайск · 1961

Горно-Алтайская областная
БИБЛИОТЕКА.

хр. 158469
70

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

III
1111

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY
1111
1111
1111

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Примечание: Работа Е. М. Тошковой
„Женщина-алтайка в советский период“ напечатана в сокращенном варианте. Полный текст статьи будет издан отдельной брошюрой.

Е. М. ТОШАКОВА

ЖЕНЩИНА-АЛТАЙКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Горном Алтае произвела коренной перелом в жизни трудящихся алтайцев, обеспечила им путь к ликвидации вековой хозяйственной и культурной отсталости. Октябрьская революция уничтожила социальный гнет и национальное неравенство. Надежды, стремления и чаяния веками угнетавшихся трудящихся алтайцев из несбыточной мечты в прошлом превратились в реальную действительность после Октября. Алтайцы получили право свободного развития, как равные среди равных народов нашей страны.

Идея окончательного раскрепощения национальностей в нашей стране нашла практическое выражение в принципах советской автономии. Декретом ВЦИК РСФСР от 1 июня 1922 года была образована Ойротская автономная область (позднее область получила исторически более правильное наименование — Горно-Алтайской а. о.).

Но правовое национальное равенство само по себе еще не исключало фактического, т. е. хозяйственного и культурного неравенства. Как отмечал XII съезд РКП(б), народы, отставшие в культурном и хозяйственном развитии, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставленные им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития.¹ Сделать это было трудно потому, что национальное неравенство покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве.

Важнейшей задачей Коммунистической партии и Советской власти в Горно-Алтайской автономной области и во многих национальных окраинах бывшей царской России являлась ликвидация фактического неравенства алтайцев, т. е. уничтожение хозяйственной и культурной отсталости кочевых и полукочевых алтайских хозяйств и переустройство всей их экономической и культурной жизни на социалистических началах.

Несмотря на огромные трудности, связанные с особенностями установления советской власти на Алтае (как известно, она установилась здесь только после разгрома колчаковщины, в декабре 1919 года), а также вызванные борьбой с бандитизмом, с хозяйственной отсталостью, с разрухой и т. д., — эта задача была успешно разрешена. За годы со-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов», изд. 7, ч. 1, стр. 713—714.

ветской власти Горный Алтай из отсталой колониальной окраины царизма превратился в область социалистического многоотраслевого сельского хозяйства и промышленности. Былой отсталости алтайского народа навсегда положен конец.

Чрезвычайно важным результатом мероприятий Коммунистической партии и Советского государства явилось раскрепощение алтайской женщины.

Октябрьская революция уничтожила фактическое неравенство алтайской женщины, сделала её свободной, экономически самостоятельной и независимой от мужа. В. И. Ленин в речи, произнесенной на Московской беспартийной конференции рабочих, ещё в 1919 г. указывал: «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства её с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина»¹.

Это указание В. И. Ленина целиком справедливо и по отношению к алтайцам. Фактическое равноправие алтайской женщины наступило с того времени, когда она была вовлечена в общественное производство. На Алтае этот процесс протекал в особой специфической форме и несколько затянулся по сравнению с аналогичным процессом у ряда других народностей Советского Союза. Из-за отсутствия какой-либо промышленности, а также промысловых артелей в Горном Алтае, реальные возможности участия алтайской женщины в общественном производстве некоторое время были весьма ограничены и создались только в период, когда мелкие единоличные хозяйства кочевников объединились в крупные коллективные хозяйства.

Уже на заре колхозного движения алтайская женщина играла большую роль в сельском хозяйстве, особенно в главной его отрасли — животноводстве. Как видно из бесед со старыми алтайками-колхозницами и информации местной печати, женский труд стал широко применяться в колхозном животноводстве на товарных фермах с самого момента организации колхозов. Такие женщины, как Сарыбаш Аминич и Аланаш Мунатова (колхоз «13 лет Октября»), Ш. Сопонова (колхоз «Большевик»), О. Малташева (колхоз «Кызыл Алтай») и многие другие, с первых же дней основания колхозов включились в общественное производство и были заняты в животноводстве пастухами, чабанами, телятницами, доярками и т. д. Из среды женщин сразу же выявились прекрасные организаторы общественного хозяйства, как, например, заведующая МТФ колхоза «Кызыл Партизан» Шебалинского аймака К. Годошева, которая своим трудом содействовала интенсивному росту поголовья охота, или Мария Ябыкова (Усть-Канский аймак), явившаяся организатором колхоза «Светлый путь».

Уже тогда в колхозах с алтайским населением выявилось более четырёхсот женщин-ударниц. Это были первые ласточки новых работников и организаторов социалистического производства, показывающих пример сознательного отношения к труду.

Колхозная жизнь быстро уравнила алтайскую женщину во всех правах с мужчиной фактически. Однако экономическому раскрепощению алтайки предшествовала длительная и упорная работа по осуществлению мероприятий Коммунистической партии и Советского пра-

¹ В. И. Ленин, Сочинения т. 30, стр. 25.

тельности, направленная на раскрепощение женщины и на привлечение ее к участию в советском строительстве.

Попытаемся вкратце осветить этот вопрос по отношению к Горному Алтаю, исходя из доступного нам фактического материала.

С первых дней установления Советской власти в Горном Алтае, после разгрома белобандитов, партийные и советские организации повели борьбу за приобщение женских масс к участию в общественной жизни, за превращение женщины в равноправного члена общества. Коммунистическая партия и Советское государство придавали огромное значение раскрепощению женщины и привлечению ее к участию в общественной жизни. С этой целью создавались специальные центральные органы. Известно, что в 1920 г. был создан Отдел по работе среди работниц и крестьянок при ЦК ВКП(б), а в 1927 г. — Комитет Улучшения Труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК, сыгравшие исключительную роль в деле раскрепощения женских масс.

Первым проявлением участия женских трудовых масс в общественной жизни в Горном Алтае была Уездная женская конференция 1921 г. в с. Улала, созванная по инициативе Уездного Комитета Коммунистической партии, на которой присутствовало 180 человек.¹ Эта конференция положила начало организованной работы среди женских масс по их раскрепощению.

В 1922 году, после образования Ойротской (ныне Горно-Алтайской) автономной области, Отдел по работе среди работниц и крестьянок при Обкоме ВКП(б) возглавил работу по дальнейшему раскрепощению женщины и привлечению их к участию в общественной жизни через женорганизаторов райкомов партии и через организацию делегатских собраний при партийных ячейках.

Провозглашение закона Советской власти о равноправии женщины с мужчиной еще не означало, что женщина-алтайка сразу стала фактически равноправным членом в обществе и семье. Потребовалась длительная и упорная работа со стороны партийных и советских органов и специальных органов по работе среди женщин, чтобы осуществить на практике раскрепощение женских масс и привлечь их к участию в социалистическом строительстве.

Из писем и отчетов женотделов явствует, что организационная работа среди алтайских женщин-кочевниц началась только с 1925 и 1926 гг. Это объясняется своими причинами. В первые годы Советской власти работа по разъяснению советских законов среди алтайских женщин-кочевниц проводилась слабо и носила еще случайный характер. Для этого прежде всего не хватало подготовленных кадров, особенно среди самих алтайцев. Глубокая политическая, экономическая и культурная отсталость алтайского народа создавала трудные условия и требовала особо умелого подхода в массово-агитационной работе вообще и тем более в отношении женского вопроса.

В предыдущей работе нами было показано, насколько тяжелым было прежнее положение алтайской женщины в семье и обществе.² Вполне естественно, что преодолеть такое отношение к женщине, сложившееся веками, закрепленное рядом обычаев и традиций, религиоз-

¹ Г.-Алтайский партархив, фонд 1, арх. 2, л. 5.

² См. «Ученые записки» Горно-Алтайского научно-исследовательского института, вып. 2, 1958.

ными верованиями и т. д., путем лишь пропаганды и агитации было, конечно, невозможно.

Раскрепощение алтайской женщины было неразрывно связано с общим подъемом экономического и культурного уровня всего народа в целом. Партийные организации и местные органы Советской власти в Горном Алтае не остановились перед трудностями, то и дело встречавшимися в процессе борьбы за фактическое раскрепощение женщины.

Важным звеном по приобщению алтайских женщин-кочевниц к общественной жизни были, прежде всего, женские сельские собрания, аймачные и областные конференции, которые проводились в 1924 и 1925 гг. и на которых в числе делегатов были и женщины из урочищ. Эти мероприятия положили начало популяризации советских законов среди женщин-кочевниц и вызвали, в свою очередь, живой интерес к новому положению женщины, делавшему ее равноправным членом в обществе и семье. Как теперь вспоминает Катюк Тордокова, в то время, чтобы принять участие на сельском собрании, затем поехать делегатом на аймачную и областную конференцию, ей лично пришлось впервые за свою жизнь покинуть юрту, свой дом. «Больше всего нас волновало тогда то, — говорит К. Тордокова, — когда на собраниях и конференциях докладчики, а это были зачастую русские женщины, через переводчиков говорили о советских законах направленных на освобождение женщины-алтайки от того униженного и бесправного положения, в котором она находилась веками и о подлинном фактическом равноправии женщины с мужчиной». Эти законы, сформулированные просто и ясно, были понятны простым, отсталым в культурном отношении женщинам-алтайкам, так как они пробуждали в них чувство человеческого достоинства и отвечали их самым насущным жизненным интересам, вызвали в них общественно-политическую активность, желание учиться грамоте, работать на пользу общества.

Партийные, советские и специальные органы по работе среди женщин провели большую и трудную работу, чтобы вырвать женщину-алтайку из-под влияния враждебных сил — баев, камов и ярлыкчи. Старые силы отживающего мира упорно тормозили проникновение всего нового, что принесла с собой алтайцам Советская власть. Баи, камы, ярлыкчи всячески использовали отсталые взгляды алтайцев в борьбе против мероприятий Советской власти и оказывали яростное сопротивление раскрепощению алтайской женщины, цепляясь за сохранение вредных социальных и религиозных обычаев и предрассудков. Достаточно сказать, что такие дикие обычаи, как умыкание, калым, брак малолетних и многоженство, сохранялись здесь вплоть до коллективизации. Поэтому борьба с камами, ярлыкчи и байми была необходимым условием освобождения алтайской женщины-кочевницы от экономического и семейного гнета.

В приобщении алтайской женщины-кочевницы к общественной жизни, к участию её в социалистическом строительстве сыграли огромную роль Женотдел Ойротского обкома партии, женорганизаторы райкомов партии и делегатские собрания женщины, созданные при партийных ячейках, а также Комитет по улучшению труда и быта женщин, созданный в 1929 г. при Ойротском облисполкоме.

Начало активной деятельности первых делегатских собраний алтайских женщин-кочевниц относится к 1926—1927 гг. На женских сельских собраниях выдвигали делегатов из числа батрачек, беднячек

и середнячек. Правда, к 1927 г. по области было организовано всего лишь восемь делегатских собраний, в которых приняли участие 287 женщин-кочевниц. Но если учесть полукочевую образ жизни, разбросанный характер алтайских поселений по урочищам, что являлось серьёзным препятствием к широкой организации женских масс, то станет ясно, что и это было тогда немалым достижением и дало заметные результаты по дальнейшему приобщению женщин-кочевниц к участию в общественной жизни. Количественный и качественный состав делегатских собраний женщин-кочевниц к 1930 г. возрос уже до 536 человек. Партийные организации Горного Алтая придавали огромное значение делу раскрепощения алтайских женских масс и привлечению их к общественной жизни через делегатские собрания, опираясь на решения XII съезда партии, который определил роль делегатского женского собрания как самого «существенного аппарата, соединяющего партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок».¹

Постепенно вовлекаясь в общественную жизнь своего селения, женщина-кочевница повышала свой политический и образовательный уровень и стала выдвигаться на партийно-советскую работу. Женщины-делегатки, из числа наиболее передовых и активных, вступали в ряды Коммунистической партии. В 1922 г. членов и кандидатов РКП(б) насчитывалось 17 женщин, или 5 процентов к общему составу партийной организации области, а уже в 1932 г. их стало 355, что составляло 19 процентов. Таким образом, влияние Коммунистической партии на отсталые слои женского, в том числе и алтайского женского населения через делегатские собрания быстро усиливалось, встречало поддержку с их стороны и вызывало полное доверие, несмотря на сопротивление таким мероприятиям, которое оказывали классовые враги — бан, камы, ярлыкчи.

Нельзя не отметить и роль комсомола в политическом и культурном воспитании алтайской девушки. Алтайская молодежь воститывалась комсомольскими организациями в духе непримиримого отношения ко всему, что унижало достоинство алтайской женщины. Комсомол воспитывал в алтайской молодежи новое отношение к женщине. Особенно великой была роль комсомола по реализации советских законов о семье и браке и установлению новых семейных отношений между молодыми людьми, свободных от патриархально-родовых обычаев. Комсомольская организация явилась той школой для алтайской молодежи, где юноши и девушки учились общей борьбе за построение социализма, за раскрепощение своих матерей и сестёр.

В общей работе по раскрепощению алтайки в рассматриваемый период следует подчеркнуть значительную работу, проведенную среди женщин-кочевниц, по установлению новых семейно-брачных отношений, основанных на советском законодательстве. Как известно, охрана прав матери и ребёнка всегда составляла предмет особой заботы Советского государства и Коммунистической партии. Это нашло своё отражение в первых законах о семье и браке, распространившихся и на алтайскую женщину. Теперь, если возникал развод между супругами-алтайцами, дети оставались при матери, а отец выплачивал алименты. Проведение в жизнь упомянутого закона имело огромное значе-

¹ Резолюция XII съезда РКП(б). «КПСС в резолюциях...», ч. 1, 1953, стр. 754—755

ние для алтайской женщины-матери, ибо в прошлом алтайский обычай лишал её права на собственных детей.

В 1927 г. был издан закон о запрещении калыма, умыкания, многоженства, брака малолетних. Этот закон также был направлен на охрану прав женщины-алтайки.

Архивные данные и сообщения печати свидетельствуют также и о вовлечении женщин в общественную жизнь. Например, если в выборах членов сельсовета в 1924 г. по Ойротской автономной области приняли участие только 2849 женщин, что составляло по отношению ко всем избирателям 15,5 процента, то в выборах 1928 г. участвовало уже 15416 женщин. Женщина привлекалась к непосредственному участию в работе советских органов. Например, в 1928 г. было избрано в члены сельсоветов 783 женщины, аймакисполкомов — 10 женщин и облисполкома — 4 женщины. Это было уже большим достижением. Добавим к этому, что если на первом Областном съезде Советов из общего состава делегатов — 137 человек — женщины было только 9, то на VI Областном съезде в 1929 г. их было уже 27, среди делегатов на Краевой съезд — 4 женщины, а из них Тапыева Тообос была избрана делегатом, в том же 1929 г., на Всероссийский съезд Советов.

Таким образом, алтайская женщина-кочевница начинала приобщаться к общественной жизни с делегатского собрания, которое явилось для неё первой школой, и постепенно включалась в работу партийных и советских органов.

Массовое колхозное движение весьма способствовало укреплению в сознании алтайской женщины стремления к полному освобождению от патриархально-феодалных и религиозных обычаев и предрассудков. Именно в этот период К. Тордокова стала инициатором движения женщин-кочевниц за снятие чегедека — безрукавного костюма замужней женщины, который оставался символом былой приниженности и зависимости женщины. Это движение приняло в Горном Алтае массовый характер. Как рассказывала нам К. Тордокова, женщины-алтайки Яконура, испытавшие на себе в прошлом всю тяжесть гнёта в семье и обществе, с радостью обрасывали с себя чегедек, а некоторые бросали его в огонь. Движение за снятие чегедека быстро распространилось по аймакам области, при этом женщины-алтайки говорили: «Я обрасываю с себя знак бесправия и угнетения». Если кто и не решался расстаться с чегедеком, так это были, как правило, пожилые женщины, но и они постепенно освобождались от столь тягостного и неудобного костюма. В настоящее время чегедек совершенно исчез из быта алтайцев. И, как памятник старины, его можно увидеть только в местном музее.

Итак, в результате большой разъяснительной работы партийных, советских органов, женотделов и делегатских собраний, несмотря на яростное сопротивление представителей враждебных классов к 1929—1930 годам были достигнуты значительные успехи в деле повышения политического и культурного уровня алтайской женщины-кочевницы, что явилось важным фактором в повышении её роли в общественной жизни.

Но все эти мероприятия, сыгравшие большую роль в раскрепощении женщины, не достигали ещё главной цели — полного фактического, в том числе и экономического, раскрепощения алтайской женщины-кочевницы, ибо для этого требовались определенные условия. Такие

условия создались с осуществлением коллективизации. В условиях колхозной жизни для алтайской женщины-кочевницы открылись огромные возможности для участия в общественном производительном труде наравне с мужчиной. Таким образом, только в условиях колхозной жизни уничтожилось неравенство, и женщина-алтайка заняла равное положение с мужчиной.

Но чтобы осуществить полное уничтожение фактического неравенства женщины-алтайки, теперь потребовались другие формы и методы работы, которые способствовали широкому вовлечению женщины-кочевницы во все отрасли общественного хозяйства. Выполнению этой задачи способствовала Комиссия по улучшению труда и быта женщин, к характеристике деятельности которой мы и переходим.

В 1929 г. при Ойротском облисполкоме была образована Комиссия по улучшению труда и быта женщин (КУТБ). Эта комиссия была создана в соответствии с постановлением Советского правительства¹.

На КУТБ была возложена ответственная и важная задача осуществления «общего руководства работой по организации и расширению применения труда женщины, массовому вовлечению их в социалистическое строительство, повышению культурного уровня женщины и по переустройству быта».² В состав комиссии при Ойротском облисполкоме входили представители Облоно, Облзавотдела, Облпрофсовета и хозяйственных организаций. Вся работу комиссии координировал и направлял ответственный секретарь комиссии, утвержденный Президиумом облисполкома. В своей деятельности комиссия руководствовалась постановлениями Президиума ВЦИК по улучшению труда и быта женщин, в особенности женщины Востока, и по вовлечению их в советскую работу и Положением о Комитетах по УТБ работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИК и местных исполкомов.

Эта комиссия, для достижения поставленных перед ней целей, направляла и согласовывала работу органов, учреждений и организаций по проведению ими мероприятий по улучшению труда и быта трудящихся женщин; наблюдала за правильностью и целесообразностью расходования всех сумм, отпускаемых на дело обслуживания интересов трудящихся женщин; изучала условия быта и труда женщин; разрабатывала и проводила в установленном порядке законодательные предложения по улучшению бытового положения трудящихся женщин и наблюдала за исполнением законоположений, касающихся бытового раскрепощения женщины; содействовала вовлечению женщины в советское строительство, в работу советов, их комиссий и секций, в аппарат государственных учреждений и предприятий и в работу общественных организаций, осуществляла систематическую подготовку кадров из работниц, батрачек, беднячек и середнячек для выдвижения; содействовала поднятию производительной квалификации и улучшению условий женского труда; принимала меры к подготовке кадров для коллективного сельского хозяйства; содействовала проведению мероприятий по организации медицинских консультаций и учреждений по охране материнства и детства; организовывала правовую помощь

¹ Постановление Президиума ВЦИК об организации КУТБ женщины при исполкомах состоялось 20/VIII — 1926 г. Копия хранится в архиве Горно-Алтайского обкома партии, ф. 1, арх. 38, л. 11. Судя по архивным материалам, в Ойротской области такой комиссии тогда не было создано, она была образована только в 1929 г.

² Извлечено из Постановления о КУТБ, Горно-Алтайский облархив, ф. 33, арх. 461.

путем популяризации среди женщин советского законодательства о семье, браке и опеке; разрабатывала особые мероприятия, имеющие целью скорейшее уничтожение пережитков бытового, экономического и правового раскрепощения женщин Востока (борьба с калымом, многоженством); содействовала поднятию их социально-культурного уровня и вовлечению их в социалистическое строительство, а также вовлечению женской молодежи в рабфаки, техникумы, вузы.¹

КУТБ при Облсполкоме, несмотря на ряд недостатков, провела значительную работу по улучшению положения алтайской женщины, по поднятию её культурного уровня и переустройству быта. С этой целью были использованы специфические формы работы по обслуживанию, главным образом, кочевого населения. К ним относятся: юрта-передвижка, передвижная консультация работников по охране материнства и младенчества и организация стационарного «Дома культуры алтайки».

Передвижные формы работы были заимствованы из опыта работы (в 1929 г.) юрты-передвижки Главполитпросветотдела и передвижной консультацией отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава, давшей положительные результаты по обслуживанию кочевого алтайского населения.

Главполитпросветотделом была командирована в Ойротию юрта-передвижка, оборудованная радиоустановкой, кино. При ней имелся кукольный театр, выставка по народному хозяйству. За месяц юрта-передвижка посетила 18 урючищ.

Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР летом 1929 г. направил передвижную консультацию для обслуживания сельского женского населения Ойротской автономной области².

Как показывают данные материалы 1931 г., в результате массово-разъяснительной работы и при активной поддержке самого населения, особенно женщины-кочевниц, в трех аймаках области — Улаганском, Оигудайском, Усть-Канском — обслуживанием было охвачено 37 колхозов. В них было, например, организовано 9 детских яслей. Медицинские работники провели большую работу среди алтайского населения, из которого 2117 человек прошли врачебный осмотр. Лекции и беседы проводились с учётом местных особенностей и условий по вопросам советского законодательства, семьи и брака, о положении женщины, об охране здоровья матери и ребёнка, о вредных последствиях социальных и религиозных пережитков. Кроме этого, проводилась большая работа по переустройству быта в связи с переходом на оседлость. Женщины-алтайки с большим усердием осваивали оседлый быт. Инструкторы по домоводству юрты-передвижки оказывали большую помощь алтайке в этом деле.

Можно с полным основанием утверждать, что эта форма работы вполне оправдывала себя. Кстати сказать, юрта-передвижка, получившая новое название — культпросветпередвижка, как специфическое политико-просветительное учреждение и в настоящее время местами используется в аймаках области по обслуживанию колхозников (Улаганский, Кош-Агачский). Однако сезонный характер её работы уже

¹ Извлечено из «Положения о Комитетах по улучшению труда и быта» от 30 мая 1936 г. Хранится в Г-Алтайском облархиве, ф. 33, дело 448, л. 19—20.

² Горно-Алтайский облархив, ф. 33, арх. 612.

не удовлетворял растущих потребностей населения. Юрта-передвижка в описываемое время сделала большое и полезное дело, когда она начала работу по внедрению нового быта в алтайский аил. Но по условиям работы она не была в состоянии закреплять полученные положительные результаты, к тому же для этого требовались определённые бытовые условия. Возник вопрос об организации стационарного культурно-просветительного учреждения, которое способствовало бы улучшению труда и быта алтайки-колхозницы. Таким учреждением стал «Дом культуры алтайки» или, как его обычно именовали, «Дом алтайки».

В целях закрепления результатов работы юрт-передвижек Комиссия УТБ Облсполкома открыла в 1930 г. «Дом культуры алтайки» в Онгудайском аймаке, в 1931 г. — в Улаганском и в 1932 г. — в Усть-Канском и Кош-Агачском аймаках. Задачей этих «Домов культуры» являлось комплексное культурно-бытовое обслуживание алтайских женщин: ликвидация неграмотности, агрозоотехническое обучение, привитие санитарно-гигиенических навыков, домоводство, основы охраны материнства и младенчества и политграмота.

Из приведенных данных видно, какой длительной, упорной и трудоёмкой была работа по оказанию помощи трудящимся алтайцам, и в первую очередь женщинам-алтайке, в процессе перехода на новый быт ещё в ранний период развития социалистического строительства у алтайцев. Первые результаты этой большой работы давались с трудом и буквально завоевывались.

Организованное в 1928—29 гг. в областном центре педагогическое училище качественно улучшило подготовку учительских кадров для национальной школы. В составе учащихся этого учебного заведения было немало и алтайских девушек, но подготовка учителей из состава женского кочевого населения шла всё же медленно. Это объяснялось в известной мере живучестью среди известной части алтайских кочевников отсталых представлений и старых взглядов на женщину. Во многих семьях родители старались удержать девушек для работы в домашнем хозяйстве. Поэтому некоторым девушкам приходилось поступать учиться против воли родителей и даже покидать для этого родительский дом. Л. Н. Терентьева сообщила нам, что, в бытность своей работы ответственным секретарем в Комиссии УТБ женщин при Ойротском облсполкоме, она была сама очевидцем бегства алтайской девушки из дома своих родителей в город для поступления на курсы, так как родители запрещали этой девушке учиться. Многие алтайцы ещё придерживались такого взгляда на обучение девушек: «*бичикке йренгенче, мал кабырзын*» — «чем учиться, пусть лучше пасёт скот». Это соответствовало старому взгляду на женщину, как на низшее существо, уделом которой должен быть тяжёлый труд в домашнем хозяйстве.

АЛТАЙСКАЯ ЖЕНЩИНА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА

Таким образом, в сравнительно короткий срок, в результате упорных и настойчивых усилий местных партийных, советских, комсомольских органов и специальных органов по работе среди женщин, несмотря на сопротивление баев и камов и отсталой части алтайского населения, к моменту коллективизации (1929—1930 гг.) были достигнуты значительные успехи по повышению политического и культурного уровня

алтайской женщины-кочевницы, что создало условия для успешного привлечения её к дальнейшему хозяйственному и культурному строительству.

Успешно проведенная коллективизация сельского хозяйства и ликвидация алтайских камов и беев, общий рост материального благосостояния алтайских трудящихся и улучшение условий труда и быта в связи с оседлостью — создали новые благоприятные условия для экономического раскрепощения женщины-алтайки в рамках семьи.

Как известно, основные успехи и достижения в вопросе раскрепощения женщины были закреплены в Советской Конституции.

Статья 122 Советской Конституции гласит: «Женщины в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

Алтайка выросла в политическом отношении и осознала своё новое положение, как осознала и всю тяжесть и несправедливость своих жизненных условий в дореволюционный период. Политическая зрелость алтайской женщины явилась серьёзным фактором не только в улучшении её положения в семье и обществе, но особенно в развитии её общественно-политической активности, в её большом участии и в её серьёзной роли в деле социалистического переустройства экономики, культуры и домашнего быта алтайского народа.

В результате победы колхозного строя Горно-Алтайская автономная область добилась значительных достижений в экономическом развитии. Достаточно указать на тот факт, что за две первых пятилетки на развитие народного хозяйства в области было израсходовано 88 миллионов рублей, а местный бюджет в 1937 г., по сравнению с 1923 г., вырос в семь раз.

Победа колхозного строя обеспечила безусловный подъём сельского хозяйства в довоенный период. По сравнению с 1934 г. в 1939 г., например, поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 35 процентов, лошадей — на 58 процентов, овец и коз — на 36 процентов. В колхозах области появилось 886 животноводческих ферм. О возросшей товарности и доходности общественного животноводства можно судить по данным денежных доходов, которые в 1938 г. достигли суммы 15,3 миллиона рублей, что составило 70 процентов колхозных доходов.¹

С повышением продуктивности скота и ростом его поголовья росли и денежные доходы этого колхоза, обеспечившие колхозникам зажиточную жизнь. Стоимость трудодня в 1939 г. составляла 4 руб. 20 коп. деньгами и 2 кг хлеба. Можно показать, как это отражалось на бюджете отдельной семьи. Например, доярка этого колхоза Ч. Овчина выработала 600 трудодней и получила из этого расчета 2520 руб. деньгами и 12 центнеров зерна. С ростом денежного дохода колхоза росло и материальное благосостояние отдельной колхозной семьи, повышался уровень культуры. В вышеназванном колхозе население выписывало в то время 150 экземпляров газет и 80 экземпляров журналов. Это означало, что каждый двор получал газету. Дети колхозников учились в семилетней школе. При колхозе имелись: почтовое отделение, изба-читальня, детясли, колхозный клуб, сыроваренный завод. Учителя и

¹ Извлечено из доклада на пленуме обкома, напечатанном в «Красной Ойротии» 22 сентября 1939 г.

и служащие этих учреждений составляли значительный отряд сельской интеллигенции.

О росте материального благосостояния алтайских колхозников можно судить по данным некоторых местных торговых организаций. Яконурским (Усть-Канский аймак) отделением потребсоюза, например, находящимся в центре алтайских селений, было продано только промышленных товаров в 1936 г. на 152 433 руб., в 1938 г.—на 366 801 руб., а в 1939 г. только за 9 месяцев—на 372 118 руб. Эти данные убедительно говорят не только о росте материального уровня, но и о возросших потребностях алтайских колхозников.

Из сказанного видно, что в предвоенные годы значительно повысилось материальное благосостояние трудящихся Горного Алтая, а это в свою очередь не могло не сказаться и на положении алтайской женщины.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Горного Алтая своим самоотверженным трудом внесли свой вклад в дело победы над фашистскими захватчиками. В этом немалая заслуга принадлежит и алтайской женщине, труженице колхозного производства, которая трудилась во время войны на различных участках, заменяя мужчин, ушедших на фронт, начиная от колхозного чабана и пастуха до председателя колхоза или заведующего фермой.

Наибольшего развития, по сравнению с довоенным периодом, в отношении экономики и культуры трудящиеся алтайцы достигли в годы послевоенных пятилеток.

Выполняя решения Советского правительства и Коммунистической партии о восстановлении народного хозяйства в послевоенный период, трудящиеся Горного Алтая добились значительных успехов. Уже в 1946 г. по сравнению с 1932 г. поголовье скота в колхозах выросло почти вдвое. «Сейчас на каждый колхоз приходится в среднем 3—4 фермы с общим количеством в 1 236 голов. Десятки колхозов области имеют от 3-х до 5-ти тысяч голов скота и больше. Колхозы «Путь к социализму» и «Кызыл Мааны» насчитывают по 15 тысяч голов скота, колхоз «Мухор Тархата» имеет 22 тысячи голов скота».¹ Таковы были некоторые итоги, подведенные к 25-ти летию Горно-Алтайской автономной области.

Колхозы области из года в год укрепляют свое хозяйство. Вместе с ростом поголовья скота и повышением его продуктивности увеличиваются и доходы колхозов, повышается материальное благосостояние колхозников. Возьмем колхоз «12 лет Октября»² (Онгудайский аймак) и селение Ело, в котором он расположен. Они возникли одновременно в 1929—30 г. Здесь быстро растет поголовье скота, особенно тонкорунных овец. Только за 1953 г. колхоз увеличил поголовья скота на 1 260 голов и довел стадо до 8 750 голов, а стадо тонкорунных овец увеличилось с 6 020 голов до 6 630 голов. Это, конечно, весьма заметно отразилось на экономике колхоза.

Рост настрига шерсти с 2 кг 25 г в 1950 г. возрос до 2 кг 920 г с каждой овцы. Доход только от животноводства в 1953 г. достиг 380 тысяч рублей, а в 1950 г. он составлял всего 75 тысяч рублей. Весь

¹ «Дела и люди социалистической Сйротии» Облгиздат, Ойрот-Тура, 1947, стр. 6.

² Ныне это ферма Тельгинского овцесовхоза.

доход от животноводства по сравнению с 1952 г. возрос в два раза и в 1953 г. составил около 600 тысяч рублей. Заметим, что этот колхоз исключительно животноводческий. В этом колхозе стоимость трудодня в 1950 г. составляла деньгами 2 руб. 40 коп., а в 1953 г. она возросла до 4 рублей.¹ Это значительно повышало материальный уровень жизни алтайских колхозников.

В общественное животноводство широко внедряется механизация, в значительной степени облегчающая труд, в первую очередь, труд женщины в стрижке овец, дойке коров. Теперь пожилая алтайка только вспоминает о первобытном способе стрижки овец срезанием шерсти ножом.

С внедрением механизации в процесс стрижки овец резко повысилась производительность труда и обеспечивается высокое качество стрижки. Если обычными пожницами алтайка в день стригла до 8—9 овец, то электрической машиной — до 40—50 овец. У алтайцев-колхозников появились новые специальности: стригали, точильщики, наладчики машин, мотористы и др. Внедрение механизации в социалистическое животноводство повысило благосостояние колхозников. Вот примеры.

В колхозе-миллионере «Кызыл Мааны» (Кош-Агачский аймак) стоимость трудодня в 1953 г. деньгами равнялась 11 руб. 50 коп. Средний доход колхозника составил 5200 рублей, а семья колхозника Тебекова получила деньгами 17 тысяч рублей, чабана Еженекова — 11 тысяч рублей и т. д. Сюда не входит дополнительная оплата. Старший чабан колхоза «Заветы Ленина» (Шебалинский аймак) Кара Улашкина получила в 1953 г. только деньгами 13 тысяч рублей и в качестве дополнительной оплаты — 42 ягненка. Это кроме хлеба и других продуктов.

Укрепление колхозного строя у алтайцев создало новые и наиболее благоприятные условия для полного раскрепощения женщины-алтайки.

Только в условиях колхозной жизни алтайская женщина вообще, кочевница в особенности, получила полное фактическое равноправие как в экономической, так и в общественно-политической жизни. В достижениях в развитии сельского хозяйства, особенно животноводства, большая доля участия принадлежит женщине. Женщина в колхозе представляла и представляет в настоящее время большую силу. Для подтверждения этого обратимся к довоенному периоду. В 1933 г., например, из 10 601 трудоспособных участвовали в бригадах колхозов 8 634 женщины. Эти данные показывают, что труд женщины широко применялся в общественном хозяйстве колхоза уже в довоенный период. Это же можно подтвердить данными 1951 г. Из общего числа занятых в общественном хозяйстве 62,6 процента составляют славные женщины-труженицы.

Уже тогда на животноводческих фермах сохранение молодняка и борьба с падежом скота были в основном в руках женщины. Будучи чабанами, пастухами, телятницами, зоотехниками и т. д., они умело выращивали молодняк и этим способствовали увеличению колхозного стада. Из числа работников животноводства выдвинулось много замечательных тружениц, имена которых до войны были известны за пределами колхоза. Вот Майдгыр Маймысова, чабан колхоза им. М. И.

¹ Данные мы получили от председателя Елиского сельсовета т. Р. К. Чурмешевой.

Калинина (Усть-Канский аймак). Постановлением Главного Комитета ВСХВ в 1940 г. она награждена серебряной медалью за прекрасные образцы производительности труда, за улучшение породности овец, а животноводческая ферма этого колхоза занесена в Книгу Почета. Участником ВСХВ в 1939 г. была Сарыбаш Анчина, пастух колхоза «13 лет Октября» (Онгудайский аймак), которая за высокие показатели по сохранению молодняка занесена в Книгу Почета. Участница ВСХВ в 1939 г. Чурбан Кошкambaева, чабан колхоза «Кызыл Мавны» (Кош-Агачского аймака), выступила в местной печати с лекцией на тему «Как сохранить полностью ягнят».

Среди более чем ста участников ВСХВ в 1939 г. было много женщин и русской, и алтайской национальности разных специальностей. Это наглядно показывает, какую огромную роль женщина играет в сельскохозяйственном производстве. Вот некоторые имена: Е. Н. Великанкина — зоотехник, Е. Н. Ефтифеева — телятница, Е. М. Белкина — доярка, Т. Куртова — чабан, Ч. Очкина — зав. МТФ, З. И. Лучкина — научный сотрудник и многие другие.

Много женщин уже в довоенные годы стояли во главе животноводческих ферм. Это — М. Селекова, зав. ОТФ колхоза «Дыш Корбо», Я. Алдашева, зав. МТФ колхоза им. Сталина (Онгудайский аймак), Ч. Очкина, зав. МТФ колхоза «Кызыл Алтай» (Шебалинский аймак), Е. И. Тордокова, зав. МТФ колхоза им. Карла Маркса (Усть-Канский аймак), В. Кеденова, зав. МТФ (Улаганский аймак), З. Керексебесова, зав. МТФ колхоза «Мухор Тархата» (Кош-Агачский аймак) и др.

Следует отметить большую помощь в повышении зоотехнических знаний работников животноводческих ферм со стороны русских женщин-зоотехников, веттехников и ветврачей, научных сотрудников Горно-Алтайской опытной зональной станции. Научный сотрудник Окулич-Козарина много лет проработала вместе с чабанами колхоза «Мухор Тархата» по улучшению породности овец и жез.

В результате колхоз-миллионер «Мухор Тархата» является постоянным участником ВСХВ, а ныне — ВДНХ, где были широко представлены достижения колхозных труженников.

Большую помощь алтайским животноводам в развитии общественного хозяйства оказывали также специалисты, как зоотехник С. И. Гриб, А. И. Кошкарлова, Г. Мулявка и др.

Участие алтайской женщины в социалистическом земледелии было связано с освоением новых приемов труда и новой техники. Алтайская женщина вместе с русской женщиной внесли свой вклад в дело победы советского народа. М. И. Калинин отметил: «Мы видим, как развились организаторские и хозяйственные способности советских колхозниц, как богато проявились их душевные и моральные качества».¹ Эти слова с полным правом можно отнести и к женщине-алтайке, моральные качества которой раскрылись со всей полнотой только в эпоху социализма.

Многочисленные мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на развитие экономики и культуры всей нашей страны, весьма способствовали улучшению труда и быта алтайской женщины, и это дало свои положительные результаты в переустройстве отсталого кочевого быта. Оседлость прочно вошла в

¹ «О колхозном строе и колхозницах», 1950, стр. 7.

современный быт алтайцев. Образовались новые колхозные поселения по типу русских деревень, где обязательно имеются школа, изба-читальня, сельсовет, клуб, ветпункт, медпункт, ясли, магазин. Работники этих учреждений входят в состав местной интеллигенции.

Возьмем для примера с. Яконур, населенный пункт Усть-Канского аймака. В семилетней школе с интернатом работает более десяти учителей и воспитателей. Здесь имеются также работники почтовой конторы, ветпункта и медпункта, избы-читальни, сельсовета, служащие и рабочие сыроваренного завода. Колхозники живут только в рубленых домах (избах), в большинстве случаев однокомнатных, с русской печью, зимой же пользуются и железной. Но как пережиток кочевото быта сохранилась и до сих пор еще местами сохраняется юрта, которая используется как подсобное помещение.

Женщина-алтайка умело сочетает свою работу в колхозном производстве с работой в личном хозяйстве. Теперь условия домашнего быта в корне изменились. Отпала необходимость заниматься, например, изготовлением кожаной посуды, т.к. посуду покупают теперь в магазинах. Нет необходимости выделывать овчины, шить на всю семью одежду и обувь.

Конечно, это не значит, что современные алтайцы полностью перешли на ношение готового покупного платья. Дело в том, что из алтайской одежды до сего времени довольно стойко сохраняется мужская, женская, и детская шуба (тон) и головной убор (бөрүк). Л. П. Потанов по этому поводу справедливо заметил: «Они вошли в современный быт алтайцев как наследие старой культуры, причем такое наследие, которое весьма приспособлено к довольно суровым местным природным условиям».¹ Надо отметить, что шьют такие шубы и готовят для них материал старыми приемами. Заняты этим, главным образом, пожилые женщины, которые не утратили этих навыков. Однако покупная одежда городского типа, — как мужская и женская, так и детская, — приобретаемая в магазинах, входит все прочее в быт современных алтайцев. Как правило, верхнее платье и нижнее белье шьют из фабричной ткани. Этому ремеслу алтайки учатся в «Домах алтайки», где под руководством мастериц они производят раскрой и пошив на швейной машине, но нередко дома шьют еще на руках. За последние годы швейная машина широко входит в быт алтайской семьи. Отдельные колхозы, например, колхоз «Большевик» Шебалинского аймака, в 1953 г. приобретают швейные машины для «кружков», в которых колхозницы-алтайки учатся шить. В некоторых колхозах такими кружками руководят алтайки, окончившие курсы в «Доме алтайки». Молодые женщины все-таки предпочитают покупать верхнее платье в магазинах, оно удобнее и красивей.

Много времени у женщины-алтайки отнимает еще и теперь приготовление пищи для семьи. Правда, отпала необходимость производить заготовку продуктов впрок, потому что колхозники и рабочие совхоза на заработанные деньги могут приобрести мясо, хлеб, масло и другие продукты. Это значительно облегчило труд женщины-алтайки.

В уходе за скотом, находящимся в личной собственности, теперь принимает участие и мужчина. На долю мужчин падает подвозка сена и дров, дача корма скоту, постройка пригона. Таким образом, женщи-

¹ «Одежда алтайцев», см. МАЭ, т. XIII, стр. 56.

на теперь освобождена от многих работ, связанных с домашним хозяйством. Это объясняется тем, что и женщина, и мужчина одинаково трудятся в колхозе или совхозе и за свой труд получают равную оплату. Такое равенство поставило алтайскую женщину в благоприятное положение. Теперь труд женщины в колхозно-совхозном производстве, как и труд мужчины, стал источником материального благосостояния алтайской семьи.

В связи с ростом общего материального и культурного уровня, возрастали и продолжают возрастать потребности и запросы трудящихся алтайцев. Жизнь в маленькой избе времен 30-х годов уже не удовлетворяет колхозников. Еще в довоенный период они приступили к строительству типовых домов. Строительство таких домов возобновилось уже в послевоенные годы. Был поставлен вопрос об обеспечении всех колхозников новыми домами с тем, чтобы окончательно вытеснить из быта первобытный тип жилища — юрту. Теперь алтаец-колхозник строит обычно двухкомнатное и даже трехкомнатное жилище с теплыми сенями и кладовой, с высокой двухскатной тесовой крышей, с большими окнами. К дому, как правило, примыкает огород.

Характерной чертой нового быта является то, что алтаец-колхозник полностью заимствовал тип русского жилища и его убранство по образцу русского колхозника. Вместе с тем в быт алтайских колхозников прочно входят такие новые вещи, как динамик, радиоприемник, книги, не говоря уже о швейной машине или самоваре. Настанет время, когда и телевизор в быту алтайцев будет обычным явлением.

Таким образом, за годы Советской власти материальные условия жизни алтайцев (пища, одежда, жилище) претерпели коренные изменения и являются свидетельством высокого культурного уровня. Это не могло не оказать большого влияния на все стороны жизни алтайского населения.

152469
Работа, которая проводилась органами охраны материнства и младенчества, а также сельскими медицинскими работниками по санитарно-гигиеническому просвещению, дала положительные результаты. Тот факт, что в каждом колхозе имеется медицинский пункт, обслуживаемый акушеркой или фельдшером, свидетельствует о том, что медицине прочно вошла в быт и стала обычным явлением. Теперь алтайская женщина пользуется родопомощью в больничных условиях, а если это невозможно из-за дальности расстояния, то прибегает к помощи квалифицированных медицинских работников.

Огромное значение для алтайской женщины-колхозницы имеет оплачиваемый двухмесячный отпуск по материнству, установленный Уставом сельскохозяйственной артели. В период отпуска женщина-колхозница имеет возможность подготовить всё необходимое для содержания ребенка, а после родов обеспечить нормальное кормление и надлежащий уход.

После выхода в свет закона о государственной помощи многодетным матерям, к началу 1940 г. в Горно-Алтайской области выплачено пособий 4 млн. 936 тыс. рублей. Кроме того, к этому времени работали 35 детских садов, 104 колхозные детплощадки и 50 постоянных яслей.

Как отразились законы Советского государства о материнстве на благополучии алтайской женщины-матери, видно из конкретных примеров. Мерия Куранова, рядовая колхозница колхоза им. Калини-

на (Онгудайский аймак) имеет восемь детей. К основному источнику заработка (по трудовням) М. Куранова получает пособие по многодетности, что позволило ей дать всем детям образование. Или вот семья Мушетовой Аланаш: она — доярка, её муж — Чымдый — табунщик, оба работают в колхозе «13 лет Октября». Всего у них было одиннадцать детей, из которых четверо умерли ещё до революции. В живых осталось семеро. Они росли и воспитывались уже в советское время. Все они получили образование и теперь работают по избранным специальностям. Семи родители, в прошлом кочевники, научились грамоте в советское время.

Жизнь этих семей является показателем культурного роста алтайских колхозников, честный труд которых в общественном производстве обеспечил им культурную и зажиточную жизнь. Теперь алтайская женщина-мать спокойна за судьбу своих детей. Ясли, детсад, детплощадки в значительной мере освобождают женщину от домашних забот и дают ей возможность участвовать в общественном производстве и общественно-политической работе.

Уход и содержание ребенка у алтайцев уже не те, какими они были до революции, о чём подробно говорилось в предыдущем изложении.

Прежде всего изменилась обстановка, при которой происходит рождение младенца. Обычно роды протекают в больнице, реже в домашней обстановке, но с соблюдением санитарно-гигиенических правил и в присутствии медицинского работника. Отсюда первый результат — отсутствие смертности при рождении.

Старую алтайскую колыбель «кабай» повсеместно заменила колыбель русского образца. Алтайка теперь не кутает ребенка в овечью шкуру или кусок кошмы, а пользуется пеленкой, распашонкой, одеялом и др. Изменилась и система кормления ребенка. Дети подвергаются медицинскому осмотру и профилактическим прививкам против инфекционных заболеваний. В уходе за ребенком женщина следует советам врача. Всё это способствовало резкому сокращению, почти полному прекращению детокой смертности.

Отпала необходимость давать ребенку неприличное имя. Повсеместно принято давать русские имена, которые записываются в ЗАГСе, но вместе с тем дают и своё, алтайское имя, часто слово русского же происхождения. Приходилось встречать такие, например, имена, как Депутат, Экран, Колхоз, Социализм и т. п., наряду с чисто алтайскими именами: Кара-Кыс, Кучияк, Дылымчы и др. Дети, рождённые в послевоенное время, имеют, как правило, одно русское имя.

Все дети школьного возраста посещают школу. Во всех населённых пунктах имеется начальная школа. Семилетние школы имеются не во всех селениях, поэтому при них устраиваются интернаты с тем, чтобы здесь могли учиться дети из других селений на полном пансионе. Закон о всеобщем семилетнем обучении выполнен повсеместно. Дальнейшее образование алтайские юноши и девушки получают в средней общеобразовательной школе и средних специальных учебных заведениях области — педучилище, медшколе, зооветтехникуме, технологическом техникуме, торгово-кооперативной школе. Многие алтайские девушки и юноши окончили различные вузы нашей страны и, став учителями, врачами, писателями, научными работниками и т. д., значительно пополнили ряды советской интеллигенции.

До революции грамотный человек вообще был редким явлением в условиях Горного Алтая, а среди кочевого населения в особенности. В настоящее время мы наблюдаем противоположную картину: неграмотный человек составляет исключение. В колхозе «Большевик» (Шебалинский аймак) трудоспособных колхозников всего 73 человека, среди них в возрасте до 50 лет неграмотных вообще нет, причём среди грамотного населения этого колхоза большинство с семиклассным и даже со средним образованием. Такое же положение — в колхозе «Кызыл Алтай» того же аймака и в других местах. (Названные колхозы ныне являются фермами совхоза). Это убедительное свидетельство того, что в области осуществлена подлинная культурная революция.

Большие изменения произошли и в семейно-брачных отношениях среди алтайцев. Такие социальные обычаи, основанные на «обычном праве», как калым, умыкание, многоженство, брак малолетних и др. давно были запрещены советским законодательством. Некоторое время они продолжали бытовать лишь среди отсталой части алтайского населения. После успешно проведенной коллективизации и ликвидации остатков эксплуататорских классов были уничтожены и патриархально-родовые пережитки, принижавшие значение и роль алтайской женщины в семейной и общественной жизни. В сознании алтайского народа свершился переворот в результате претворения в жизнь ленинской национальной политики. Теперь уже прочно вошли в быт новые семейно-брачные отношения, основанные на взаимном чувстве симпатии супругов, на полном равенстве. Браки между молодыми людьми заключаются теперь по обоюдному согласию, хотя согласие родителей также играет в них существенную роль. Но девушка теперь самостоятельно решает вопрос о выборе мужа. В семье родителей мужа невеста теперь равноправный член.

Необходимо коснуться далее вопроса об участии современной алтайской женщины в общественно-политической жизни.

Для широкого участия алтайской женщины в общественно-политической жизни имеются благоприятные условия. Забота Советского государства о матери и ребенке (расширение сети детских яслей и детских садов, рост количества родильных домов и консультаций и государственной помощи многодетным матерям и т. д.) весьма разгружает женщину-алтайку от домашних забот. Повысился материальный уровень жизни алтайского населения, что значительно облегчило положение женщины. Оседлая жизнь также способствовала активному участию алтайской женщины во всех сферах общественно-политической жизни села.

Взросшая политическая сознательность и высокая активность алтайских женщин проявляется в таких важных событиях в нашей стране, как выборы в Верховные Советы СССР и РСФСР, а равно и в местные Советы. Вся подготовительная работа к этим важным событиям проходит при непосредственном участии женщин в окружных и участковых комиссиях, на собраниях по выдвижению и обсуждению кандидатов в депутаты и т. д. В ходе избирательных кампаний выросли кадры активистов-агитаторов женщин, в числе которых назовем Э. Чекурашеву, Р. Чурмешеву, Н. Султанову, Уксегешеву, Качканаккову. Выборы в Верховные Советы СССР и РСФСР показали высокую активность трудящихся Горного Алтая, в том числе женщин, единодушно голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартий-

ных. Некоторые из алтайских женщин удостоиваются чести быть избранными в высший орган нашего государства.

Депутатами в Верховный Совет СССР избирались, например, Е. Упаева, председатель колхоза «Дьяны дыол»¹, (Онгудайский аймак), в прошлом дочь бедняка-охотника, выросшая из рядовой колхозницы до умелого руководителя колхозным хозяйством; Е. С. Тюхтенева, М. Ф. Саруева, М. Табадиякова, а в Верховный Совет РСФСР — Кзыгародова Т. Д.

Десятки женщин избирались депутатами местных советов — сельских, городских, районных, областных и краевых. В 1961 г. в состав депутатов Областного Совета депутатов трудящихся было избрано 48 женщин, что составляло 48 процентов к общему числу избранных депутатов. В числе избранных депутатов немало тружениц сельского хозяйства, которые своим честным трудом умножают богатство нашей великой Родины, например: Байчыла Кестелова, Герой Социалистического труда, чабан колхоза «Ленинский наказ» (Усть-Келский аймак), М. А. Юхтуева, скотник Кумальерской фермы Шебалинского оленесовхоза, А. А. Тадышева, чабан колхоза им. М. И. Калинина (Улаганский аймак), О. Тайленкулова, чабан колхоза «Мухор-Тархата» (Кош-Агачский аймак) и многие другие.

Из общего числа депутатов, избранных в аймачные, городские, сельские и поселковые Советы, женщины составляют 42,47 процента.

Значительная часть женщин-алтаек состоит членами великой партии коммунистов и с большой ответственностью несёт это звание, оправдывая его практическими делами.

Так, в парторганизации крупнейшего колхоза им. XXI партсъезда (Усть-Канский аймак) секретарем является М. А. Аргокова, много лет проработавшая на партийно-советской работе. Несколько лет пропагандистом райкома партии работала Р. Чурмешева. Большая группа женщин-алтаек работает в партийных органах на различных участках, начиная с инструктора-пропагандиста до секретаря райкома партии. Это — секретарь Шебалинского райкома партии Е. В. Тарсамаева, Эликманарского — И. С. Кумандина, Усть-Канского — П. Ф. Селбашева. На XXII партконференции Горного Алтая в состав членов и кандидатов пленума избрано 10 женщин, в числе которых имеются женщины-алтайки. Женщины-алтайка непосредственно принимает деятельное участие в борьбе за мир. Так, в 1951 г. на Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве делегатами от алтайского народа были представлены: Тана Марчина — чабан Теньгинского овцесовхоза, а в 1952 г. — Т. М. Кергилова — учительница Областной национальной средней школы.

Но нельзя не отметить, что ещё мало женщин выдвигается на посты председателей колхозов и сельсоветов, в райисполкомы и др. В этом нельзя не видеть некоторой недооценки роли и значения женщины в современной политической, экономической и культурной жизни области.

Все вышесказанное показывает, какая огромная победа достигнута за годы Советской власти на пути освобождения алтайского народа в целом и, в частности, алтайской женщины от вековой отсталости и угнетения. Из забитого, приниженого и бесправного в прошлом

¹ Ныне ферма Теньгинского овцесовхоза.

алтайский народ превратился ныне в сознательного строителя коммунистического общества.

Алтайская женщина занимает теперь равное положение с мужчиной в хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни. Советский строй воспитал новый тип алтайской женщины, которая проникнута социалистическим сознанием и беззаветной преданностью делу построения коммунизма. Алтайская женщина идёт в ногу со всем народом нашей великой страны и своим творческим трудом в хозяйственном и культурном строительстве ускоряет движение к светлому коммунистическому завтра.

«Не может быть социалистического переворота, — писал В. И. Ленин, — если громадная часть трудящихся женщин не примет в нём значительного участия».¹ Эти прекрасные слова В. И. Ленина получили подтверждение и в отношении алтайской народности.

---

¹ В. И. Ленин, Соб. соч., т. 23, стр. 160.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУМАНДИНСКОГО ДИАЛЕКТА

1.

Кумандинский диалект является одним из наименее изученных диалектов алтайского языка. До настоящего времени нет ни одного опубликованного транскрибированного текста на этом диалекте. Нет записей по этому диалекту и в известных образцах академика В. В. Радлова.¹

Некоторые сведения о языке кумандинцев, главным образом по лексике, имеются в работах В. И. Вербицкого,² записи которого, однако, страдают неточностью. Единственным же источником ознакомления с образцами связанных кумандинских текстов мог служить изданный в Новосибирске в 1933 году Кумандинский букварь,³ представляющий собой также и свидетельство о первой попытке разработки письменности для кумандинцев, основанной на латинизированном алфавите.

Несколько лучше изучены кумандинцы в этнографическом отношении, хотя и по этому вопросу до сих пор нет специальных работ. К общим исследованиям, затрагивающим отношения кумандинцев к другим тюркским племенам Алтая относятся работы В. В. Радлова⁴ и Н. А. Аристов,⁵ которые считали северных алтайцев отуреченными енисейскими остяками (кетами) и самоедами. Сведения о кумандинцах даны также в трудах известных исследователей Алтая С. П. Швецова⁶, Н. М. Ядринцева⁷ и в новых работах советского периода С. А. Токарева,⁸ Л. П. Потاپова⁹ и С. В. Киселева.¹⁰

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, I—X, СПб, 1866—1910.

² В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований, Москва, 1893; ср. его же Словарь алтайского и аладатского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

³ Н. А. Каланак, К. И. Флатов. «Куманды букварь». Новосибирск, 1933.

⁴ W. Radloff. Aus Sibirien, Leipzig, 1884; ср. также В. Радлов. Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.

⁵ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... «Живая старина», т. IV, вып. III и IV, 1896.

⁶ С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. «Горный Алтай и его население», т. I., Барнаул, 1900; его же, там же, т. III, в. IV, Барнаул 1903.

⁷ Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы. СПб. 1892; его же, Об алтайских и черкеских татарах. Изд. Русс. Геогр. общ., т. XVII, 1881.

⁸ С. А. Токарев. Доклассицистические пережитки в Ойротии, М—Л, 1936.

⁹ Л. П. Потاپов. Очерк по истории алтайцев, М—Л, 1953.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М—Л, 1951.

Наконец, к более специальным этнографическим и экономическим очеркам, посвященным кумандинцам, относятся работы Н. Б. Шерра¹, Н. Богатырева,² Н. П. Дыренковой³ и некоторые другие.

Кумандинцы (куванды, жуванты, куманды) — одно из нескольких племен, вошедших после Великой Октябрьской социалистической революции в состав алтайской народности — основного населения Горно-Алтайской автономной области. Общая численность кумандинцев 6 335 человек (1926 г.). Они живут по р. р. Бии, Ише, Коже и разделяются на верховых (*орб куманды*), живущих в верховье р. Бии, и низовых кумандинцев (*алтына куманды*), населяющих среднее течение р. Бии.

У кумандинцев до настоящего времени сохранились названия их родовых подразделений, к которым относятся:

- 1) *Тас* (мн. число *Тастар*);
- 2) *Татар*;
- 3) *Телей*;
- 4) *Ток* (*Тоон||Тойын*) (мн. число *Тонар||Тоонар<Тоннар-Тоонлар*);
- 5) *Чабат* (*Чобот*);
- 6) *Чабараш*;
- 7) *Челибер* || *Гьедибер*;
8. *Чоты||чууты-Дьоты||Дьууты*.

По существующему административному делению кумандинцы населяют следующие районы и населенные пункты:

1. Турачакский аймак Горно-Алтайской автономной области: с. Санькин айыл, где кумандинцы смешаны с родом Комнош племени Туба; с. Турачак, районный центр, где встречаются только отдельные семьи кумандинцев; с. Сурбашево, где живут главным образом *алтына куманды* и меньше *орб куманды*; с. Шунаржак, главный центр расселения турачакских кумандинцев, в состав которых входят главным образом *орб куманды* и меньше *алтына куманды*.

2. Солтонский район Алтайского края: с. Тоныр (русск. Пешлер), где живут кумандинцы племени *Тоон* (*Тоныр||Тооныр<Тоонлар*, входящие в состав и верховых (*орб куманды*) и низовых (*алтына куманды*) кумандинцев; с. Кообийя (русск. Кубня), где живут кумандинцы рода *Тоон*, которые называют себя *Тойын куманды*; с. с. Тубе (русск. Тасток); Уртэй (русск. Кичек); Шабырдай (русск. Карасево), где живут смешанные роды кумандинцев и в том числе *орб Табыска* и *алтына Табыска*.

3. Бывший Старо-Бардвиский (ныне Красногорский) район Алтайского края: с. Кожа-бажы (русск. Алешино или Алешкин аил), где живут главным образом кумандинцы из рода *Тас* (*Тастар куманды* или *Тастар кижы*), а также с. с. Иртышкин, Кылташ, Елтош, Чеченинг (русск. Егона), Ак-кол (русск. Озерки), Курлек, Тайна, Нарлык, Челей (русск. Елей), Пужачак и др., где живут главным образом *Шабат куманды* или *Шабат кижы*.

Кумандинский диалект — один из диалектов алтайского языка

¹ Н. Б. Шерр. Из поездки к кумандинцам в 1898 г., Алтайский сборник, т. V. Барнаул, 1903.

² Н. Богатырев. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев, Алтайский сборник, т. IX, Барнаул, 1908.

³ Н. П. Дыренкова. Охотничьи легенды кумандинцев, Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XI, 1949.

вместе с диалектами туба и чалканским представляет группу северных диалектов, которая имеет значительные отличия от южных диалектов — теленгитского, телеутского и алтайского, являющегося основой современного алтайского литературного языка.

Отличие северных диалектов от южных настолько значительно, что по основным фонетическим и грамматическим признакам они относятся к различным классификационным группам: северные — к уйгурской группе тюркских языков, а южные — к киргизско-кыпчакской.

Однако вследствие консолидации алтайских племен, представляющих эти группы диалектов, и благодаря нивелирующей роли алтайского литературного языка, на котором ныне говорит уже большинство населения северных районов Горно-Алтайской автономной области, те и другие диалекты в значительной мере сблизились. В особенности это касается туба-диалекта (диалекта черневых татар), который занимает как бы среднее положение между южными диалектами, одной стороны, и северными — кумандинским и чалканским — с другой.

Кумандинский диалект и близкий к нему диалект чалканцев по ряду фонетических и грамматических особенностей сближаются с шорским и отчасти с хакасским языками.

Лексика кумандинского и чалканского диалектов в настоящее время подвержена значительному влиянию алтайского литературного языка и через его посредство (и непосредственно) влиянию русского языка. В то же время в них сохраняется много древних элементов, а отчасти и элементов монгольского, енисейско-остяцкого, самоедского и некоторых других этнических субстратов, о чем свидетельствуют отдельные слова, которые не могут быть отнесены к основному лексическому фонду тюркских языков, напр.: *эгир* «собака», *тастракай* «лысый» (*тас* — «лысый» — тюркское слово и *тыракай* — монгольское); *угус* — «сор, мусор», *аглых*||*алыг* — «глухой», *очор* — «сидеть» (ср. тюркск. *отур*).

Вместе с тем кумандинский диалект имеет ряд глубоко специфических черт, которыми он выделяется как внутри алтайских диалектов, так и вообще в составе тюркских языков.

В настоящей статье мы остановимся на фонетических особенностях кумандинского диалекта, на тех схождениях и расхождениях, которые характеризуют его как самостоятельный диалект алтайского языка.

2.

ГЛАСНЫЕ

В кумандинском диалекте 16 гласных звуков, которые в основных чертах являются общими с теми же гласными алтайского языка. Все гласные кумандинского диалекта по своей длительности разделяются на две группы:

а) краткие гласные: а, э, (е), ы, и, о, ö, у, ү.

б) долгие гласные: аа, ээ, (ее), ыы, ии, оо, öö, уу, үү.

Долгие гласные в кумандинском диалекте, точно так же, как и в алтайском языке, являются вторичными. Они образовались в результате стяжения двух или нескольких (гласных и согласных) звуков.

И долгие и краткие гласные классифицируются по трем основным признакам:

- 1) по степени раскрытия рта или подъему нижней челюсти и языка:
  - а) гласные нижнего подъема (широкие): а, аа; э, ээ; о, оо; ö, öö;
  - б) гласные верхнего подъема (узкие): ы, ыы; и, ии; у, уу; ү, үү.
- 2) по горизонтальному положению языка:
  - а) задние гласные: а, аа; ы, ыы; о, оо; у, уу;
  - б) передние гласные: э, ээ; и, ии; ö, öö; ү, үү.
- 3) по работе губ:
  - а) негубные гласные: а, аа; э, ээ; ы, ыы; и, ии;
  - б) губные гласные: о, оо; ö, öö; у, уу; ү, үү.

Таким образом, все гласные кумандинского диалекта образуют парные противопоставления друг другу и могут быть сведены в следующую таблицу.

Таблица гласных

Подъем	Широкие гласные нижнего подъема		Узкие гласные верхнего подъема		Степень лабиализации
	краткие	долгие	краткие	долгие	
Ряд					
Гласные заднего ряда	а	аа	ы	ыы	не губные
Гласные переднего ряда	э	ээ	и	ии	
Гласные заднего ряда	о	оо	у	уу	губные
Гласные переднего ряда	ö	öö	ү	үү	

1. Краткие гласные. Краткие гласные в кумандинском диалекте по своему характеру ничем не отличаются от соответствующих алтайских или киргизских кратких гласных. Они являются звуками более полного образования, более дифференцированными, чем соответствующие казахские гласные. Особенно показательны в этом отношении узкие гласные ы, и, у, ү, которые в отличие от соответствующих более широких гласных звуков ы, і, и еще более широких татарских гласных и, е, о, ö имеют более высокий подъем, т. е. являются более узкими, и по своей артикуляции вместе с алтайскими и киргизскими узкими гласными стоят ближе к соответствующим узким гласным огузских языков, чем языков кыпчакских и карлуцких.

Все краткие гласные в кумандинском диалекте имеют фонематическое значение только в корнях слов, т. е., иначе говоря, фонематически различаются только в первом слове слова.

В аффиксах фонематическое значение имеют только гласные а и ы, которые, впрочем, могут реализоваться благодаря регулярным фонетическим закономерностям: палатальной и губной гармонии в виде ы—а—а, о, ö и ы—ы, у, ү.

Образуя между собой по месту и способу образования парную взаимозависимость, каждый краткий гласный кумандинского диалекта характеризуется следующими особенностями:

а — широкий гласный, нижнего подъема, заднего ряда, нелабиализованный;

ы — узкий гласный, верхнего подъема, заднего ряда, нелабиализованный;

е — широкий гласный, нижнего подъема, переднего ряда, нелабиализованный;

и — узкий гласный, верхнего подъема, переднего ряда, нелабиализованный;

о — широкий гласный, нижнего подъема, заднего ряда, лабиализованный;

у — узкий гласный, верхнего подъема, заднего ряда, лабиализованный;

õ — широкий гласный, нижнего подъема, переднего ряда, лабиализованный;

ÿ — узкий гласный, верхнего подъема, переднего ряда, лабиализованный.

2. Долгие гласные. Долгие гласные в кумандинском диалекте, как и в алтайском языке, являются звуками вторичного образования, т. е. представляют собой результат фонетического стяжения гласных и согласных звуков. Своё название вторичные долгие гласные получили в противопоставлении с так называемыми первичными долгими гласными, которые встречаются в языках туркменском, тувинском и некоторых других тюркских языках и диалектах. Впрочем, и первичные долгие гласные исторически представляют собой те же фонетические стяжения гласных и согласных, возникшие, однако, в более ранние исторические периоды развития тюркских языков.

Вторичные долгие гласные кумандинского диалекта являются также самостоятельными фонемами, т. к. служат средством различения значений слова.

Характеристика их артикуляции является общей с артикуляцией кратких гласных. Долгие гласные отличаются от кратких гласных только количественной стороной, т. е. являются более длительными, чем краткие гласные.

аа — долгий гласный, представляющий собой чаще всего результат стяжения комплексов:

ага > *аа*: *караан* (<*караган* — «сжатый»); *каан* (<*каган*) — «хан»;

ягы > *аа*: *аар* (<*агыр*) — «тяжелый»; *о, кандыг аар пол калтыр!* — «о, какой тяжелый стал!»; *кысычаа* (<*кысычагы*) — «ее девочка, ее дочь»;

о, куртгыйачтынъ кысычаа — «дочка той старухи»;

акы > *аа*: *араа* (<*аракы*); *эки кÿн араа ичтилер* — «они пили араку (вино) два дня»;

апы > *аа*: *таап* (<*тапын*) — «найдя»; *сен кырык айу таап алзаны ÿгреде апаратым* — «если ты сорок медведей найдешь, то тогда я (тебя) отвезу»; *каап* (<*капын*) — «поймав, охватив зубами».

Реже долгий *аа* является результатом стяжения более сложных сочетаний звуков, например: *калара-кадара саак полгоды* — «ждали-ждали, внимательно прислушивались»; *уг сыртында чаарым ийтпек чаа чыт (ай)* — «над домом полбулки лежит (луна)»; *араа иче бердилер* — «они стали пить вино».

ээ — долгий гласный, чаще всего являющийся результатом стяжения комплексов:

эга||эйз; Чилбеснинъ (Чилбегеннинъ) эди күйген, а сөөги ле чышка чүйгүрп берген — «мясо Чилбегена сгорело, а с костями он убежал в лес»; ээриникъ (<Эгерининъ) кажы дьок — «у седла их нет деревянной основы»; ээги (<эйзги) чок койон капчай лы чбгүр чит (күйскүйлжүк) — «заяц без подбородка быстро-быстро бегаёт» (мышь); уг ээзи (<эгэси) — «хозяин дома»; чеер (<чэйэр) — «пожирающий».

эги||иге; нектинъ эмчеге||эмджеге (<эмчиги) — «вымя коровы»; кижее<||киже (<кижиге) — «человеку»;

эес, (< эгис) «высокий»; уг ээзи — «хозяин дома».

Реже долгий ээ является результатом стяжения иных сочетаний звуков, но главным образом звуков фонетически близких к конечному звуку данной основы слова, ср., например, дье меенъ (<менинъ) ачыйаан болор — «ну вот (теперь), он станет моим мужем».

оо — долгий гласный, представляющий собой чаще результат стяжения комплекса огы > оо; анъ пулген үч оол (< огыл) — «у него было три сына»; оол (< огыл) дьат калды анар барыйды (< барып ийди) — «парень остался, а зния ушли»; ср. также оолач — «мальчик»; сени ал оок салар — «тебя он возьмет и проглотит».

оо — долгий гласный, также вторичного образования, встречается как результат стяжения и компенсации выпавших звуков, например: черза тоок (< тогүн) турган — «она выливалась на землю», здесь долгого оо — результат компенсации выпавшего в результате стяжения сочетания уп; дьараш кеелинерим (<келиннерим) кообрер (< кообреге) келдим — «я пришел посмотреть своих красивых невесток — снох»; матпак оолак соолу (< соолу) (оймак) — «низкий мальчик с бородавками» (наперсток) и др.

уу — долгий гласный, являющийся результатом стяжения комплексов: уг > уу; огы > уу; агы > уу и проч., например: (суу < суг) — «вода»; уурла (< огырла) — «воровать»; уус (< агыс) — «рот» и др.

үү — долгий гласный — результат стяжения комплексов: үйү > үү; үгү > үү и проч., например: үүр (< үйүр) — «стадо»; үүн (< үгүн) — «стог, куча» и др.

ыы — долгий гласный — результат стяжения комплексов ыйы > ыы и ычы > ыы, встречается относительно редко, например: чыырчак (< чыйырчак) — «круглый, кружок, обод»; тыын (< тыгын) — «шуга, мелкий лёд в половодье».

ии — долгий гласный, встречающийся чаще всего как результат стяжения комплекса ийи, например: иик (< ийик) — «веретено»; киис «войлок»; түлкени үндицрге кем барар — «кто пойдет приглашать лису».

В кумандинском диалекте, как и в литературном алтайском языке, долгие гласные имеют тенденцию переходить в краткие гласные, ср., например: ньан таг (< ньаан таг) — «большая гора»; Чилбен (< Чилбеген) кирип келде (< келгенде) Машпарах айчын — «когда вошел Чилбеген, Машпарах сказал ему»; тье, тени алты мостич (< мбостиг) сыгын ма айтып бер, бу кагдыг кижилер — «ну, марал с шестью рогами, скажи мне, что это за люди»; пүньюне (< пүньюне < пүгүнги) — «давешний, прежний»; эртенне (< эртенге) — «завтрашний»; түлке мурелерди огорот са экелип чап (< чаап < чадып) салды — «лиса отвела волков в огород».

Фонетические закономерности гласных

1. Сингармонизм гласных. Гармония гласных в кумандинском диалекте выражена последовательно как в плане палатальном, так и в отношении губных гласных. Однако в отношении лабиализации кумандинский диалект имеет существенные отличия от алтайского литературного языка, которые заключаются в том, что в нем (в кумандинском диалекте) лабиализуются только узкие негубные гласные второго и последующих слогов под влиянием губного гласного первого слога, например: *бурун* (<бурын) — «прежде, раньше»; *сөгүш сөз* — «бранное слово, брань»; *көрйп* (<көрип) — «увидев»; *чүрчүк* (<чүрчик) — «сказка». Что же касается широких гласных *а* и *э*, то последние, как правило, не подвержены лабиализации, хотя практически, в связи с воздействием алтайского литературного языка, встречаются случаи огубленного произношения *а* и *е* (после широких губных *о* и *ö* первого слога и не в первом слоге кумандинских слов), ср. например: *бөскөн* — «выросший»; *төрбөн* — «родившийся»; *оңоношпос* — «непохожий, неодинаковый»; *мөкө* — «силач»; *болгон* — «был»; *ат өлбөскө алтын ба, эр өлбөскө мөчин бе* — «разве конь золотой, чтобы не умирать, разве мужчина серебряный, чтобы не умирать».

Иногда, в отличие от литературного языка, огубление широких гласных второго и последующих слогов после широких губных *о* и *ö* происходит не до конца слова, ослабевая к концу слова, например: *өрөктөш турдылар* — «разговаривали»; *өббөгөнгү бир кыс болгон* — «у старика была одна дочь».

Но как в литературном языке, так и в кумандинском диалекте огублению не подвергаются широкие гласные *а* и *э* после узких губных гласных *у* и *ү* ср., например: *кичеч эгирек үрбөн чыт үзгө кижди божотбойт* (сомок) — «маленькая собачка не лает, а домой человека не пускает» (замок); *ол өбөгөнгү куртйыачы өлийен* (<өдүй ийген) — «старуха у того старика умерла».

В кумандинском диалекте (в разговорной речи) весьма часто встречаются фонетические стяжения слов, состоящих из нескольких слов с разным (по ряду) составом гласных. В этих случаях гармония гласных сохраняется, как правило, в пределах слога. Таким образом, в стяженных словах сочетаются слоги и с передними и с задними гласными, например: *Карамол келсын* (<келип салган) — «Карамол приехал».

2. Выпадение узких гласных. Явление выпадения узких гласных встречается чаще всего в позиции между глухим согласным и сонорным: *столында бир клаш* (<к (у) лаш) *кат дьадын дьат* — «на столе лежало письмо длиною в сажень»; или между двумя сонорными согласными: *кырда эки кулнач* (<кул (ы) нач) *ойнап чыт* — «на горе два жеребенка играют»; *барсым чоок* (<барысыр чоок) — «я не должен идти».

Реже наблюдается выпадение протетического узкого гласного в начале слова в позиции перед сонорными согласными: *нек* (<инек) — «корова»; *раак* (<ырак) — «далеко».

3. Сужение широких гласных. Для вакализма некоторых тюркских языков характерно сужение широких гласных, т. е. последовательное или спорадическое соответствие *а > ы*, *э > и*, *о > у*, *ö > ү*.

Явление сужения широких гласных характерно, например, для татарского и башкирского языков, где всем (кроме а) широким гласным других тюркских языков соответствуют узкие гласные: э > и, о > у, ö > ü. Это же явление в отношении последовательного перехода э > и характерно для хакасского языка и sporadически для языка орхонских надписей.

В чувашском и якутском языках это явление осложнено другими явлениями вакализма.

Особенно ярко, но не всегда последовательно это явление наблюдается в кумандинском диалекте, где весьма часто все четыре широкие краткие гласные: а, е, о, ö переходят в соответствующие узкие: и, у, ü. При этом переход а > и наблюдается только в словообразовательных и словозменительных аффиксах, переход о > у, ö > ü — только в корнях слов, а переход э > и — и в корнях, и в аффиксах. Как уже отмечалось выше, все указанные соответствия в кумандинском диалекте не являются последовательными и регулярными. Более часто они встречаются в говорах Красногорского района, и реже — в говорах Турачакского и Солтонского районов.

Переход а > и, э > и встречается только в аффиксах и чаще всего в следующих из них:

— ла — ле, — та — те, — да — де, образующим глагольную основу от имени, например: ат баглайтан (<баглайтан) кастыгына ат баглады (<багады — «он привязал коня к коновязи»; талйанка комысым таштавайын (<таштавайын) кагайын — «моя тальянка комыс, я не брошу (тебя), буду навстривать».

— ган — ген, — кан — кен, образующем причастие прошедшего времени, например: анынъ болгын (<болган) үч кызы — «у него было три дочери»; чаткан булгын (<булган) бир кижи — «жил был некий человек».

— за — зе, — са — се, образующем условную форму глагола, например: аспанар (<аспаганлар) болгон болзы (<болза) менин үйүм угуп келерлер — деп сананды — «если не заблудились они, то, услышав мой голос, придут — подумал он»;

анар барзы (<барза) барарым, анар барбазы (<барбаза) барбазым — «если они пойдут, то и я пойду, а если не пойдут, то и я не пойду»; үйге кел кир келген көрзе ле (<көрзе ле) — «приходит он домой и видит...»; апчийач тыгылийен, турагалзы куртыйачы чок — «старик упал, а когда поднялся, то старухи уже не было».

— лар — лер; — дар — дер; — тар — тер, образующем форму множественного числа, например: салганыр (<салганлар) — «положили»; шелгенир (<шелгенлер) — «бросили, швырнули»; дүйргенир (<дүйргенлер) — «побежали»; ачыканыр (<алып чыкканлар) — «внесли наверх»; качканыр (<качканлар) — «убежали»; тарак алганыр (<айганлар) — «взяли гребень»; анда агымнынъ (<агамнынъ) аттыр (<аттар) бар — «там кони моего отца»; апшийак ла куртыйак ишке барганыр (<барганлар) — «старик и старуха пошли на работу»; Делбен келген унынъ иджине анырны (<анларны) дындан (<тындаган) — «Делбеген пришел к ним в дом и стал их искать»; бу атту кайдан аланын (<алганыны) деп сурайтырлыр (<сурайтырлар) — «Откуда ты взял эту лошадь — спрашивают они».

— да — де, — та — те, образующем форму местного падежа,

например: *ырактын гьргенди* (< *ырактан гьргенде*) — «когда посмотрели издали».

алыг карындаштыраны сьге апырке шиллийтир и кайды (< *кайда*) *аныр* (< *анар*) *тйичинири уктыр* — «дурак побросал своих братьев в воду и послушал, как они тонут»; *ойдо ньанчынарды* (< *ньанчынарда*) *кйзилер бие алыг аттынъ ойлыт келчин* — «когда они возвращались домой, видят, что тот дурак мчится на лошади»; *кырза шыкканды* (< *шыкканда*) *дьылгабас кырдын тйишкенди* (< *тйишенде*) *дьылгайтын (шаны)* — «если в гору поднимаются, не жатятся, а если с горы спускаются, то жатятся» (лыжи); *усак сынга шыкканды* (< *шыкканды*) *ат челерге санайтыр* — «когда взбираешься на длинный хребет горы, лошадь стремится идти рысью».

Этим же явлением сужения а > ы может быть объяснено наличие узкого варианта аффикса исходного пидежа: — *дын* (— *дин*, — *тын*) — *тин* в кумандинском, а также в некоторых других тюркских языках (ново-уйгурском, старо-узбекском и проч.).

Переход э > и характерен для всех позиций, как в корне или основе слова, так и в аффиксах. Выше были приведены примеры на переход э > и в некоторых наиболее характерных аффиксах. Однако сужение э > и, в отличие от а > ы, характерно и для корней слов, хотя закономерность эта не является последовательной для всех случаев.

Примеры: *мин* (< *мен*) — «я»; *син* (< *сен*) — «ты»; *ийтпек* (< *этпек*) — «хлеб»; *нинъ* (< *ненъ*) — «рукав»; *пши* (< *пши*) — «пять»; *кил* (< *кел*) — «приходить»; *пил* (< *пел*) — «поясница»; *бычакты алке койлорнынъ бутарын* (< *буттарын*) *бес кисс алтыр* (< *кесип алып тыр*) — «взял нож и всем овцам обрезал ноги»; *койлор сьгени кичпинчилер* (< *кечпинчилер*) — «овцы не пошли через реку»; *сага пистинъ ирлери-бис кысыл пйрик, супак армьк акеле бербестер* — «тобе ишши мужья не привезут и не дадут красную шапку, сапоги и армяк»; *ики* (< *эки*) *кас ээк дьалгашчыт [пасак* (< *паспак*)] — «два гуся лижутся» (жернова); *бир тйи мин заа* (< *мен заа*) *келерзеер* — «по одной ночи вы ко мне (каждый) придете».

Переход о > у, последовательно наблюдаемый в языках татарском и башкирском, встречается в кумандинском также довольно часто, хотя параллельно с у в одних и тех же словах может встретиться и гласный о. Соответствие о > у для большинства кумандинцев, а в особенности в старобардинском говоре, является как бы факультативным, т. е. часто в одном и том же населенном пункте, а иногда и одним и тем же лицом может употребляться безразлично в одном и том же слове и о и у.

Ниже приводятся примеры на употребление у вместо о: *углы* (< *оглы*) — «сын»; *ул* (< *ол*) — «он»; *ньяаны йук* (< *йок*) *куйун* (< *койун*) *чааты сибир чит* (*кйл*) — «заяц, не имеющий боков, лежит и жиреет» (пепел); *анъ сонъ ййнибатылар* (< *ойнабатырлар*) *олачтыр* — «после этого мальчики уже не играли»; *кастынъ бажында ит чук* (< *эт чок*) *каран кажининъ так чук* (< *чок*) — «у гуся в голове нет мяса, а у состарившегося человека нет силы»; *парзым, парзым чулым чук* (< *чолым чок*), *килзим, килзим чулым чук* (*кибе*) — «если ухожу, нет следа, и если прихожу, нет следа» (лодка); *пулажа бирсин* (< *полажа берсин*) — «пусть поможет»; *анъ пулган* (< *болган*) *йч ол, икиси пулган кирсиге, а ййчйнчисы а (г) лых* — «у него было три сына, два из них были умные, а третий (сын) глупый»; *чйс салкой* (< *салкойбай*) *акча-*

лынъ пулганчы (<болганча), чүс күрүштинъ пул (<бол) — «чем иметь сто рублей, лучше быть со ста друзьями»; ол аны пушатан (<бошатып ийген) — «он освободил ее».

Переход *ö* > *ü* имеет те же закономерности, те же особенности сравнительно с другими тюркскими языками, что и переход *o* > *u*.

Примеры: чүрчүк, чүрчик (<чөрчөк) — «сказка»; сускыла суг пүлүшерде (<бөлүшөрдө) — «когда воду ковшом делили»; чакты кысты күргенди (<көргөндө) сүс (<сөс) айтыра санайтыр — «когда увидишь хорошую девушку, хочется поговорить с ней»; пери гелсенъ кызычак күзиченъди (<көзичегинъди) күр алып (<көрүп алып) — «иди сюда, девочка, покажи свои глазки»; мен күзими күрбөн ми (<мен көзими көрбөген ми) саска үскен (<өскөн) кара тош — «мои глаза: разве ты не видел на болоте выросшие смородинки»; мени сен үлтирве (<өлтирбе) — деп айткан — «она сказала: не убивай меня»; куртыйа-чы үлийен (<өлүп ийген) — «его жена умерла»; киис пийилчит, кижги үсип чит (<өсүп дьят) — «кошма растягивается, а человек растет»; саска үскен (<өскен) төнъселек пасым десем сыны пош — «на болоте выросшая кочка, наступил бы на нее, да она слабая (вязкая)»; ат түрт (<төрт) бутгунъ кайыт буаы (<бойы) барчыт? — «лошадь с четырьмя ногами — почему сама ходит?»; кысыл пүрочти (<бөрүкчекти) ал перербис — «мы привезем тебе красную шапку»; түлке мурелерди (<мөрүлөрдү) озорот са экелип чап салды — «лиса отвела волков в этот род»; карчөчиктерни ала ла ул түнъиштерге (<ол төнъдөшбөргө) кийдис салбертир — «взяв горшки он надел их на пни».

3. **Опереднение гласных.**¹ Относительно редко наблюдаемое в других тюркских языках явление опереднения гласных является весьма характерным для кумандинского диалекта, в котором обычные для других тюркских языков задние гласные в корнях и аффиксах заменяются передними гласными, что иногда, но не во всех случаях, можно объяснить прогрессивной или регрессивной ассимиляцией гласных распространяющейся на соседние слова.

Опереднение *a* > *ä*: дье, тайы, немен де (<дыман да) болзы дьуртым бар — тийт — мен ньанарга дьыдым — «ну, дядя, хотя и плохой, но у меня свой дом есть, я хочу вернуться (домой)»; сууге (<сууга) кирзе мукъ тутам, тага шыкса бир тутам (чаш) — «если войдет в воду — тысяча горстей, если поднимется на гору — одна горсть» (волосы); эки пар адынъы коньп сал учкен (<учкан) куш ла тенъ ползын — «запряги две пары лошадей, пусть он летящей птице подобен будет»; тойлов ок турдылар, тойлов юк турдылар, тепшининъ түви тозыла (<тозыла) берди — «пировали, пировали, у деревянных чашек и донья продырявили (ложками)».

Опереднение *o* > *ö*: ол чүбеникъ ортозы көл (<коол); ол көлза (<коол за) сек кир терсин и дьер түбен заа түшерсин — «у той елки середина дуллистая, ты в то дупло войдешь и опустишься под землю».

Опереднение *u* > *ü*: алыг күдип койлорды сүг (<суг) кичиртир — «дурак пас овец и решил переправить их через реку; сүүге (<сууга) салара санап алганар — «они вздумали его утопить»; бу туз чок сүгни (<сугны) ичпинчит — деп — «он не хочет пить воду без соли, — сказал он»; үч кич (<учкыч) шытканда канадынынъ сызыны тозыл барган —

¹ Термин «опереднение» заимствован у С. Е. Малова, см. «Памятники древнетюркской письменности», М.—Л., 1950, г.

«во время ее перелета перья ее крыльев разлетались»; *Ай көк кыс көкөх болып йче берген* (<уча берген) — «Ай көк — девушка, превратившись в кукушку, улетела».

4. Деналатализация гласных встречается в единичных случаях, например, в слове *уг||ух||уу* (<ўг||ўй, ўй||эв||ип и проч. в других тюркских языках) — «дом, юрта».

5. Лабиализация коренного гласного также зарегистрирована только в одном слове *ула—||уула—||угла—* (<агла—||ыгла—||ыйла <ий-гла||жыгла||дьыгла и проч. в других тюркских языках — «плакать»; *брь көрпип углаб алды* — «они, посмотрев вверх, поплакали»; *бир кижи аш перзе улайтын, а бербез улабаз* — «если дашь некоему человеку пишу, то он заплачет, а не дашь — не заплачет».

6. Деллабиализация гласных, т. е. замещение губного гласного в корне слова в других тюркских языках негубным гласным, например: *кылын* (<кулун) — «жеребенок»; *түйжеп парзам кара байтал кара кылын* (<кулун) *салтыр* — *тийт ала пайтал ала кылын* (<кулун) *салтыр* — *тийт* — «вижу во сне, что вороная кобылица родила вороного жеребенка, а пегая кобылица — пегого жеребенка».

3.

СОГЛАСНЫЕ

В кумандиновском диалекте имеется 27 согласных звуков, которые представляют собой 14 самостоятельных фонем: п (б, в, о), к (к, х), г (г), т (д), ш (ж), с (з), й, л, м, н, нь, р, ч. (ч, ш, дь, ть, нь).¹

Состав согласных, точно так же, как и гласных звуков, различен в зависимости от их позиции в слове.

Для начальной позиции в слове характерны согласные звуки: п, к, (к), т, с, ч (||й||дь||ть||ш||нь), м, н, и реже л, р.

Для конечной позиции в слове — согласные: п, к||к, г (г, х), т, ш, с, й, л, м, н, нь, р, ч, (ш).

Согласные в середине слова, благодаря различным закономерностям озвончения, ассимиляции и проч., представлены в наибольшем количестве вариантов: п (б, в, о), к (х), г (г, х), т (д), ш (ж), с (з), й, л, м, н, нь, р, ч (ш, ч).

Все согласные фонемы и их варианты разделяются по месту образования на:

задне-мягко-нёбно-язычные: (к), (х), (г), нь.

задне-твёрдо-нёбно-язычные: к, г.

средне-нёбно-язычные: й, (дь), ть, (нь, ш).

передне-нёбно-язычные: ш, (ж), (ш), ч (ч), р.

передне-нёбно-язычные зубные: т, (д), с (з), л, н.

губно-зубные: (в).

губно-губные: п, (б), м, (в).

по способу образования на:

1). шумные: а) смычные: к, (к), г, т, (д), п, (б).

б) проточные: (х), (г), й, с (з), ш (ж), (щ), (в), (в),

аффрикативные: ч (ч), дь (ть).

¹ Здесь и в дальнейшем изложении в скобках даны варианты согласных фонем.

- 2) сонорные а) плавные л
 б) дрожащие р
 в) носовые м, н, (нь) нь.

Ниже приводится соответствующая таблица.

Таблица согласных

Место образования	Ш У М Н Ы Е						СОНОРНЫЕ		
	смычные		проточные аффрикат.				плав- ные	дро- жащ.	носо- вые
	глу- хие	звон- кие	глу- хие	звон- кие	глу- хие	звон- кие			
Задне-мягко-небно- язычные	(к)		(х)	г				нь	
Задне-твёрдо-небно- язычные	к	г							
Средне-небно-языч- ные				й	(ть)	(дь)		(нь)	
Передне-небно- язычные			ш щ	(ж)	ч	(ч)	р		
Передне-небно- язычные зубные	т	(д)	с	(з)			л	н	
Губно-зубные				(в)				м	
Губно-губные	п	(б)		(в)					

В скобках даны комбинаторные варианты согласных фонем.

Фонетические закономерности согласных

Фонетические закономерности согласных в кумандинском диалекте, как и в других тюркских языках, и в частности в тюркских языках Сибири, тесно связаны с общими законами сингармонизма звуков в слове. В зависимости от позиции согласного в слове закономерности эти различны. Так, для начальной позиции в слове характерны следующие особенности согласных: а) обычное отсутствие звонких согласных, кроме некоторых сонорных в абсолютном начале слова и озвончение их в связной речи под влиянием предыдущих гласных или звонких согласных; б) чередование начальных $ч \approx нь > й$, $дь$, $ть$, $ш$; в) переход начального $п \approx б > м$ в начале слова и некоторые другие.

Согласные в конце слова характеризуются преимущественным наличием глухих, некоторых сонорных и звонкого шумного согласного $г || (г) \approx х$, а также разнообразными стяжениями гласных различного типа и объема.

Для середины слова характерно, во-первых, озвончение конечных согласных корня слова, во-вторых, различные типы полной, неполной, прогрессивной и регрессивной ассимиляции, в-третьих, явление диссимиляции согласных, в-четвертых, палатализация согласных и некоторые другие фонетические закономерности.

Озвончение начальных согласных. В начале кумандинских заимствованных слов характерны главным образом глухие согласные: **к** (**к**), **т**, **п**, **с**, **ч**, (**ш**, **ш**, **ть**) и реже сонорные согласные: **м**, **н**, (**нь**), **р**. Прочие согласные в начале слов встречаются как исключения и чаще всего являются результатом диалектного чередования, ср., например, согласные **дь**, **ть**, **й** в начальной позиции вместо нормальных для кумандинского диалекта **ч** и **нь**.

Однако в связной речи исходные глухие согласные в начале слова, попадая в позицию после конечных звонких согласных или гласных, озвончаются, переходя в соответствующие звонкие согласные, которые, впрочем, не осознаются как самостоятельные фонемы.

Наиболее частным случаем является озвончение губно-губного **п** > **б**, которое иногда возникает и независимо от соседних гласных или звонких согласных. Это явление может быть объяснено влиянием письменного алтайского литературного языка, в котором из факультативно встречающихся в живом разговорном языке начальных **п** ≈ **б** (*пала* ≈ *бала* — «ребенок»; *паш* ≈ *баш* — «голова») приняты варианты со звонким начальным **б** (*бала*, *баш*).

Что касается озвончения других начальных согласных: **т** > **д**, **к** > **г**, **с** > **з**, то такие явления могут быть отнесены только к комбинаторным, т. е. зависимым от соседства с другими звуками.

Примеры: *дебир гайа* (<*тебир кайа*) — «железная скала».

Переход **п** ≈ **б** > **м** в начале слова. Характерной закономерностью кумандинского и некоторых других северных говоров алтайского языка является переход начального губно-губного **п** ≈ **б** в сонорный **м** в некоторых словах. Это явление не распространяется на все слова, начинающиеся на **п** ≈ **б**, оно ограничивается определенной группой слов, которая, однако, по своему количеству колеблется в зависимости от говора. Кумандинский и чалканский диалекты являются наиболее характерными в этом отношении.

Примеры: *мѳре* || *мѳри* (<*бѳри*) — «волок»; *мѳкѳ вѳе* (<*бѳкѳ лѳ*) — «с богатырем, с силачом»; *марс* (<*барс*) — «барс»; *майтал* (<*байтал*) — «кобыла»; *морсок* (<*борсук*) — «барсук»; *ак айаска агам магырчыт* (<*багырып дьат*) — «в морозную погоду мой отец ревет». *Машпарак* (<*Вашпарак*) — собств. имя алтайского «Иванушки-дурачка».

Эта закономерность распространяется и на слова, заимствованные из русского языка, причем благодаря неразличению русских звуков **п** ≈ **б** ≈ **в** ≈ **ф** как самостоятельных фонем **в** ≈ **ф** в кумандинском также переходят в **м**, например: *майлѳк* (<*русский валѳк*), ср. *тап тап табанынѳ табан бажы кайыжып* (*майлѳк*) — «топ-топ твои подошвы кривые» (*валѳк*). Наряду с этим встречаются также заимствованные из русского языка слова, в которых звуки **в** ≈ **ф** сохраняются в произношении, хотя в силу неразличения их как самостоятельных фонем часто один из этих звуков замещается другим, например: *фѳедьма* (вм. *ведьма*); *солдатка бир вѳедьма дьѳолго туштады*, *фѳедьма айтты...* — «солдату в пути повстречалась ведьма, она сказала...».

Переход **м** > **п** ≈ **б**. Обратное явление перехода **м** > **п** ≈ **б** является редким и встречается только в отдельных случаях, ср., например: *пултык* (<*мылтык*) — «ружье».

Чередование **дь** || **ть** || **ч** || **ш** || **щ** || ≈ **нь** ≈ **н** ≈ **й** в начале слова. Едва ли не

самым неустойчивым согласным в тюркских языках является начальный й, который, кроме представленных здесь вариаций только по кумандинскому диалекту, реализуется в других тюркских языках еще в нескольких вариантах: от нуля (в малжарском-белжарском языке) до **кь||гь** (в диалекте туба алтайского языка), **дж||ж** (в казахском, каракалпакском, киргизском и др. языках), **с** (в якутском языке), **сь** (в чувашском языке), **з||ц** (в балжарском языке, в барабинском диалекте татарского языка, в языке мариупольских тюркоязычных греков и проч.).

Нормативным вариантом для кумандинского диалекта является звук **ч** для большинства слов и **нь** для некоторых слов, по-видимому относящихся к очень древнему состоянию тюркских языков, по мнению финского тюрколога М. Рясянена, — к алтайскому праязыку.

Таким образом, начальному й других тюркских языков в кумандинском диалекте соответствует **ч** и **нь**, так же как в языках тувинском, хакасском, шорском и в некоторых других, в отличие от алтайского языка где начальный й замещается в живом разговорном языке — **дь**, **ть**. Примеры:

й > ч: *чат* = (вм. алт. *дыат*) — «лежать, жить»; *чаш* — «возраст»; *чыш* (<*дыш*) — «чернь, лес»; *чок* — «нет»; *чи* (<*дыи*) — «есть, кушать»; *чилек* (<*дылек*) — «ягода»; *чыл* (<*дыыл*) — «год»; *чет* (<*дыет*) — «достигать»; *чажыл* (<*дыажыл*) — «зеленый»; *чараш* (<*дыараш*) — «красивый»; *чети* (<*дыети*) — «семь»; *чылан* (<*дыылан*) — «змея»; *чол* (<*дыол*) — «дорога»; *чүр* (<*дыүр*) — «бегать, двигаться»; *чырга* (<*дыырга*) — «веселиться»; ср. *чег* (<*дые*) *ынданъ панда бис та сууге бар кирерис* — «ну, ладно, если так, и мы в воду бросимся»; *бар ийзе чолы чок* (<*дыолы дыок*), *кес ийзе каны чок* (*кее*) — «идет — следа нет, режет — крови нет» (лодка).

й > нь = н: *nyaгыс||ньанъыс* = *нагыс* (вм. алт. *дыагыс*) — «один, единственный»; *ньан* (<*дыан*) — «возвращаться»; *nyaан* (<*дыаан*) — «большой»; *ньаман* (<*дыаман*) — «плохой»; (ср. *манъж. нимань* — «козел»); *ньмыртка* (<*дымыртка*) — «яйцо (птицы)»; *ньон* = *нон* (<*дыон*) — «народ»; *ньензил* (*дыензил*) — «легкий»; *ньенъ* = *нынъ* (<*дыень*) — «рукав»; *ньамачы* (*дыамачы*) — «тряпка»; *ньунтурук* (<*дыудрук*) — «кулак»; *ньан* (<*дыан*) — «сторона»; ср. *алчыйак nyaгызан* (<*дыагыскан*) *тыадок турды, тыадок турды* — «старик один стал жить да поживать»; *мөрө барган черинден куру бош ньанды* (<*дыанды*) — «волк же возвратился ни с чем из того места, куда ходил»; *калыкнон* (<*дыон*) *өктөп калтыр мал балазы көп өстөр* — «народ стал спокоен, молодняк скота стал увеличиваться».

Однако в живом разговорном языке обычный для кумандинского диалекта начальный **ч** ≈ **нь** || **н** часто под влиянием литературного языка замещается согласным **ть** ≈ **дь**. Нередки случаи, когда в одной и той же фразе встречаются и **ч** ≈ **нь** || **н** и **дь** ≈ **ть**.

Примеры: *дыер||тыер* (≈ *чер*) — «земля, место»; *дыыл||тыыл* (≈ *чыл*) — «год»; *дыат||тыат* (≈ *чат*) — «лежать»; *дыай||тыай* (≈ *чай*) — «лето»; *дыылан||тыылан* (≈ *чылан*) — «змея»; *дыок||тыок* (≈ *чок*) — «нет»; *дыеен||тыеен* (≈ *чеен*) — «племянник»; ср. *пир де ние тили ле тыоктонбады* (≈ *чоктонбады*) — «чего только человеческий язык не говорил»; *улуг* — *ньан* (≈ *дыаан*) *калык анда дыат чыт* (≈ *дыатыр дыат*) — «великий народ там живет»; *дыүрегин кыстарга чедиш парыйсында* (<*парып ийип салганда*) *ол кыстар оток ла шелген* — «когда он стал их снова догонять, то те девушки бросили огниво».

Чередование $ч \approx ш || ш$. Обычный для кумандинского начальный $ч$ в некоторых говорах соответствует $ш$ или $щ$.

Примеры:

$ч > ш$: *шана* (< *чана*) — «сани»; *шык* (< *чык*) — «выходить, подниматься в гору»; *шолбон* (< *чолпон*) — «звезда»; *шын* (< *чын*) — «правда»; ср. *оолач орын сыртына шыгалбас* (< *чыга албас*) — «мальчик не может забраться на кровать»; *тегри тбзи торт шолбон* (< *чолпон*) — «основа неба четыре звезды»; *шынап* (< *чынап*) *ок таш чат чыт* — «(а там) и вправду лежат (одни) лишь камни»; *шыгып ла* (< *чыгып ла*) *келгенде* — «когда вышел»;

$ч > щ$: *щорлок* (< *чорлок*) — «капля»; *щыга сал* (< *чыга сал*) — «выходить»; ср. *тижи йок куртыдач кусук шийир чит* (*щорлок* < *чорлок*) — «беззубая старушка орехи щелкает» (капли); *эршенее кйн бле анънап-суулап шыга* (< *чыга*) *салды тайгазаа* — «на другой день они вышли на охоту в тайгу».

Согласные в конце слова

В конце кумандинских заимствованных слов характерны главным образом, либо глухие шумные согласные: $л, к, т, ш, с, ч$ либо сонорные согласные $л, м, н, нъ, р$. Из звонких согласных для конца кумандинских слов характерны только $й$ и $г$ ($г$).

Таким образом, в отличие от других тюркских языков, например, большинства тюркских языков Средней Азии, для кумандинского диалекта, так же, как и для алтайского литературного языка, не характерен конечный звонкий согласный $з$, который переходит в глухой $с$, например: *кыз* (< *кыз*) — «девушка, дочь» *сбс* (< *сбз*) — «слово», *ас* (< *аз*) — «мало» и проч.

Согласный $г$ ($г$) в конце слов и его модификация. Характерным отличием кумандинского диалекта (и всей группы северных диалектов) от алтайского литературного языка в отношении конечных согласных, является конечный $г$ ($г$), который в литературном языке (и в южной группе диалектов алтайского языка) соответствует либо глухому $к$ ($к$), либо долготу гласному, представляющему собой результат стяжения согласного $г$ ($г$) с соседним гласным, например:

суг (< *суу*) — «вода»; *баг||паг* (< *буу*) — «веревка»; *дъылыг||чылыг* (< *дъылуу*) — «теплый»; *дыаг* — || *чаг* (> *дъаа*) — «идти» (о дожде и снеге); *улуг* (> *улуу* > *улу*) — «великий, большой»; *айуг* (> *айуу* > *айу*) — «медведь»; *карлыг* (> *карлуу* > *карлу*) — «снежный»; *аттыг* (> *аттуу* > *атту*) «кованный».

тириг (> *тирүү* > *тирү*) — «живой» и проч.; ср. *кар дыагбас* — «снег не падает»; *улуг чол* — «большая дорога»; *суг агып чаг чабырап* (*мус*) — «течет вода, берега отваливаются» (лёд); *ма дыаан дыаг келзи кат ийзем ма барып, болуш эт* — «если придут на меня с большой войной, то я пошлю тебе письмо, выручай»; *дъенизина туштап кб-рип уулап дыатты* — «встретившись с тещей, наблюдали и слушали они».

Оглушение конечного $г > к \approx х$. В живых говорах кумандинского диалекта конечный звонкий $г$ ($г$) иногда оглушается и переходит либо в смычный $к$ ($к$), либо в проточный $х$, в редких случаях и главным образом после гласного $у$ согласный $г$ ($г$) может выпасть полностью, а гласный перейти в соответствующий компенсирующий долгий гласный.

Примеры:

г (г) > к (к): ук (<уг) — «дом»; так (<таг) — «гора»; сук (<суг) — «вода»; ирик (<ириг) — «гнилой, гнилушка»; ср. агам биске ук чуньбарга таш экилип чат — «наш отец нам приносит камни, чтобы укрепить дом»; сукка кирзе мун тутам такка шыкса бир тутам (чаш) — «если в воду войдет — тысяча горстей, а если в гору взберется — одна горсть» (волосы).

г (г) > х; чох (<чог) — «нет»; ук (<уг) — «дом»; козолух (<козолух) — «с колокольчиком, имеющий колокольчик»; мүйүстих (<мүйүстиг) — «с рогами, имеющий рога»; туйгактых (<туйгактыг) — «с копытами, имеющий копыта»; ср. ух сыртында тьарым калаш тьачылар (ай) — «над домом полбулки лежит» (месяц).

г (г) — удлинение предшествующего гласного, например: уу (<уг) — «дом»; су (<суу <суг) — «вода»; ср. суну уу зыртын зары ачыкканыр (<алып чыкканыр) — «они внесли воду на крышу».

Переход ч > ш в конце слова. Наименее устойчивым согласным в конце (и в середине) слова является конечный ч, который, как правило, спонантизуется и переходит в соответствующий проточный ш, например: чаш (<чач) — «волосы»; аш (<ач) — «открывать»; бш (<бч) — «месть»; кош (<коч) — «кочевать, перекочевывать».

Согласные в середине слова. Наибольшим изменениям подвергаются согласные в середине слова. К изменениям согласных в этом положении относятся:

а) исторические, спонтанные изменения, не зависящие от соседних звуков и б) комбинаторные изменения, зависящие от соседних гласных и согласных звуков.

Спонтанные изменения

Переход м > п || б ≈ в в середине слова. Характерной особенностью кумандинского диалекта и некоторых говоров других северных диалектов является переход сонорного м в смычные п/б, которые в свою очередь в интервокальной позиции спонантизуются и переходят в соответствующий проточный в, например:

м > п ≈ б: тебир ≈ тебир (<темир) — «железо»; кебе, кеве (<кеме) — «лодка»; себир ≈ себир ≈ себир (<семир) — «полнеть, жиреть»; кабыш ≈ капыш ≈ кавыш (<камыш) — «камыш»; звес (<эмес) — «не есть»; тьыгылвас (<дьыгылмас) — «не падающий»; туштавады (<туштамады) — «не встретился»; ср. агамнынъ бөрөннн (<бөрөгинн) обёр болбозым (тевир соко) — «шапку моего отца я не мог вывернуть наизнанку» (ступка); кел ийзе чолы тьок, бар ийзе чолы тьок (кеве) — «приходит — следа нет, уходит — тоже следа нет» (лодка); ньаны тьок койан тьат та себирди (кёл) — «не имеющий боков заяц лежит и жиреет» (пепел, зола); Машпарак себирин калтыр — «Машпарак растолстел»; севис (<семиз) эт — «жирное мясо»; себиз балык — «жирная рыба»; кабыш (<камыш) бла таг бскон, калап бла суг агар тужунда — «в те времена, когда гора заросла камышом, когда река текла с шумом»; кёрүскүчек ньымыртка салды теген звес (<эмес) алтын болгон — «курочка снесла яйцо не простое, а золотое»; ол дьер болгон дьылыг дьер кар дьагвас (<дьагмас) — «та страна была теплая, там снег не выпадает»; кун-көрүский дьакайак катап-катап дьайылвас

(< дьайылмас) — «цветы подсолнечника несколько раз не распускаются».

Спирантизации подвержены согласный п/б и в том случае, если последний является исходным, т. е. не представляет собой результат перехода м > п/б, например: *иш тавар* (<табар) *керек* — «надо найти (себе) дело».

Переход ч > с. Явление перехода ч > с встречается редко в живом разговорном языке отдельных лиц, например: *тье, тени мында апчыйлак* *ла Ваське тьатсыт* (<тьатчыт) — «да вот здесь живет старик и Васька (кот)»; *майталды сакил'савыс* — «мы приведем кобылу».

Переход с > дж: *йч кыз гебеге от салганыр суг иджиктенер* — «три девушки разожгли в печке огонь и согрели воду»; ср. *изитсаалчын*.

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

К комбинаторным изменениям согласных в кумандиаском диалекте могут быть отнесены: а) регрессивная и б) прогрессивная ассимиляция согласных; в) ассимиляция и выпадение согласных; г) диссимиляция согласных; д) удвоение согласных; е) палатализация согласных.

Регрессивная ассимиляция согласных. Регрессивная ассимиляция представлена главным образом закономерностями озвончения согласных в середине слова под влиянием последующих гласных и согласных.

Глухие согласные в кумандиаском языке, как и в алтайском литературном языке, попадая в позицию между гласными или между гласными и сонорными согласными, в силу закона регрессивной ассимиляции озвончаются. Иногда озвончению согласных сопутствуют также и другие фонетические явления — спирантизация, палатализация, лабиализация и проч.

п > б ≈ в: *атка минзе чаваган* (<чабаган<чапаган) — «если на лошадь сядет — свачет»; *тепшининъ туйи* — «дно чашки»; *рактаг корзъм тьалвак* (<дьалпак) *таш* — «если издали посмотрю — плоский камень»; *туйке кижэ тили вле тьоктон* (<тили биле) *туйревен* (<тура берген) — «лиса говорит человеческим голосом»; *артывалып* (<артып алып) — «навьючив»; *моко вле* (<моко биле) *кванывыйды* (<кванып ийди) — «вернулся с силачом»;

т > д: *майталдынъ эди* (<эти) — «мясо кобылицы»; *иди* (<ийти) — «его собака»; *Кызыл-дьерен ады* (<аты) *удура айдын дьат* — «Кызыл-дерен его конь отвечает»; *пара дашь* (<таш) — «черный камень»; к (к) > г (г) *собеи* (<сөөк+i) — «его кость, его род, его происхождение»; *дебир гайа* (<кайа) — «железная скала»; *кебеде гүл* (күл) — «в печке пепел»; *туйге* (<туйки) — «лисица»; *дьарым галач* (<калач) — «полбулки»; *сагыскан горген* (<корген) — «сорока увидела»; *кыз гебеге* (<кебеге) *от салганыр* — «девушка затопила печь»; *тьяары ээс, суйы тайыс, балыгынымъ собге тьок* (<айак, сардьюу) — «берег высокий, поверхность воды низкая, а рыба там без костей (чашка с маслом)»; *ол ары барган, мен бери гелген* (<келген) — «они туда пошли, а я сюда пришел»; *ол геиш* (<кеш) *болгон зан суйге дуйкен* — «когда он переправлялся, то упал в воду».

Тенденция более интенсивного озвончения может быть установлена также в явлении перехода г (г) > й под влиянием последующего гласного, ср., например: *улуйы* (<улугы) — «старший из них»; *улуйы ады*

Пётр болгон — «имя старшего из них было Пётр»; *уйы* ≈ *уйи* (< *уғы*) — «его дом»; *уйине дьетир келген* — «дошли до его дома».

с > *з*: *аразында* (< *арасында*) — «между»; *агач аразында элберсалбыр кижги тур тьыт (палтырган)* — «между деревьев стоит оборванный человек» (дятель); *бир кызыджак* (< *кысыджак*) *оорын бойлоп дьят (сыдырга)* — «одна девочка скамейку обходит» (метла); *уу зыргын зары* (< *сыргын сары*) — «на крышу дома».

Однако в отношении *с* > *з* следует отметить, что иногда по говорам заметно и противоположное явление — устойчивость глухого *с* в интервокальной позиции, например: *кысыл пурьчти ал перербис* — «мы приедем и дадим тебе красную шапочку»; *кысычактын анасы (кысычактын аназы)* — «мать девочки».

ш > *ж*: *дыажыл-дыажыл* (< *дыашыл*) *кушкадьяк* — «зеленая-зеленая птичка»; *каанын уг эжигине дьети* — «дошло до дверей дома хана»; *сугдынъ базында* — «в верховьях реки»; *дыада тужуйп* — «слежа»; *туштажып* (< *тушташып*) *болбойт* — «не могут встретиться»; *танак ажыра* (< *ашыра*) — «через нос»; *токтоожып* — «остановившись»; *дыажыл дьыт* (< *дыашыл дьыт*) — «разбрызгиваться»; *тажги чок* — «беззубый»; *тежик* — «дырявый, отверстие»; *кижи* (< *киши*) — «человек».

ч > *дж* ≈ *ж*: *чорджек* (< *чорчок*) — «сказка»; *кайджан* (< *качан*) — «когда»; *кызыджак* (< *кызычак*) — «девочка»; *йуймде ак кодже (тиши)* — «в моем доме белая ячменная каша» (зубы); *эзги чок койон капчайлы чбур чит (кискуджук < кискучук)* — «заяц без подбородка быстро-быстро бегаёт» (мышь); *Дьелбен келген уумынъ иджиге* (< *ичиге*) *анырны дындан* (< *тындаган*) — «Делбеген пришел к ним в дом и стал их искать»; *тегеринъ ижиге* (< *ичичге*) *шаган коп* — «на небе много звезд».

Прогрессивная ассимиляция согласных. Прогрессивная ассимиляция характерна для кумандянского диалекта в отношении сочетания: а) сонорных согласных; б) сонорных и шумных и в) шумных глухих с глухими и звонких со звонкими.

а) Ассимиляция сонорных согласных

нл > *нн*: *сарыннар* (< *сарынлар*) — «песни»; *салкынна* — (< *салкынла*) — «дуть» (о ветре); ср. алт. *салкында*.

нъл > *нън*: *анъна* (< *анъла*) — «охотиться», ср. алт. *анъда*; *эки коно анънады* — «он охотился двое суток»; *олънъне* — (< *олънъле*) — «пасться»; ср. алт. *олънъдд*; *кунънек* (< *кунълек*) — «рубашка»; *мага ай торго кунънек алпер* — *деп айткан* — «она сказала: привези мне шелковую рубашку»; *ньонъну* (< *ньонълы*) — «с народом»; ср. алт. *дъонду*; *тил онъошоп ньонъну болды, тук онъошопс малу болды* — «разноязычный народ у него был, разношерстный скот у него был».

мл > *мн*: *косойымнар* (< *косойымлар*) — «хозяйева»;

нъл > *нъд*: *танъда* (< *танъла*) — «завтра»;

нл > *нд*: *йнде* (< *йнде-*) — «приглашать», «звать».

б) Ассимиляция сонорных и шумных согласных

тл > *тт*: *аттыг* (< *атлыг*) — «жонный, с конем»;

тн > *тт*: *отты* (< *отны*) — «огонь, костер (винит. падеж)»; *улуг отты салтуры* — «разожгли большой костер»;

кл > *кт*: *арыкта* (< *арыкла*) — «похудеть, сделаться тощим»;

ен > *ед*: *бир тагды* (< *тагны*) *ашты, бир сугды* (< *сугны*) *кешти* — «перевалил гору, перешел реку»;

- лс > лз: *эзен дьакшы болзын* (<болсын) — «всего хорошего».
- в) **Ассимиляция шумных согласных**
 чд > чт: *чачтым* (<чачдым) — «я посеял»;
 се > ск: *биске* (<бисге) — «нам».

Ассимиляция и последующее выпадение согласных. Если в отношении долгих гласных, являющихся результатом стяжения (ассимиляции) гласных и согласных, наблюдается тенденция превращения их в краткие гласные, то в отношении двойных (долгих) согласных, являющихся результатом их ассимиляции, наблюдается соответствующая тенденция превращения их в одинарные (краткие) согласные.

Наиболее частые явления сокращения двойных согласных отмечаются в отношении согласных: *н, л, к, т, и г.*

Примеры:

нд > нн > н: *эки карындаш болганар* (<болганнар) — «жили два брата»; *эзенер* (<эзеннер) — «здравствуйте»; *дыраш сыных* (<сынныг) — «с красивым станом»; *урынынъ* (<уриннынъ) *карчыды* — «щели скамейки»; *куртыйач ла апчыяч тьатканар* (<тьатканнар) — «жили старик со старухой»; *койонынъ* (<койоннынъ) *эди* — «мясо зайца»;

лд > лл > л: *матпан оолач сбблиг* (<сбблilig) (*оймак*) — «низенький мальчик с бородавками» (наперсток); *тил онъошпос ньонъну болды*, *тйк онъошпос малу* (>маллу) *болды* — «разноязычный народ у него был, разношерстный скот у него был»;

кк > к > г: *танъ дьарып чыканда*||*чыганда* (<чыкканда) — «когда рассвело»; *ньан суг акан*||*аган* (<аккан) *болды* — «течет широкая река»; *чилеке* (<чилекке) *парды* — «они пошли за ягодами»;

тт > т > д: *шорды тарты* (<тартты) — «он заиграл на шоре»; *койонынъ эдини чий чырган чадылар* (<чаттылар) — «они едят мясо зайца и радуются»; *алты буту* (<бутту) *абра мйусту* (*таракан*) — «телега с рогами и шестью ногами» (*таракан*); *ай гына эрти* (<эртти). *эки ай да эрти* (<эртти) — «месяц прошел, два месяца прошло»;

рг > рр > р: *олор аны суйге салара* (<саларга) *санал алганар* (<алгандар) — «они решили утопить его в реке»; *чакины кысты кйргенди сйс айтыра* (<айтарга) *санайтыр* — «когда увидишь красивую девушку, то хочется поговорить с ней»; *ол аны атара* (<атарга) *санана ла труна айты* — «они задумали застрелить журавля, но он им сказал»; *ньанара* (<ньанарга) — «чтобы вернуться»; *кыстара* (<кыстарга) — «к девушкам».

гл > лл > л: *алых* (<аглых) — «глухой, дурак»; *улайтын, улабаз* (<углайтын, углабаз) — «плачет, не плячет».

Диссимиляция согласных. Явления диссимиляции согласных представлены следующими фактами:

лл > лт: *Машпарак келти* (<келди) — «пришел Машпарак»; *ол кызыкчак паз(а) ок чийлеке парты* (<барды) — «та девушка опять пошла за ягодами»;

лт: *пултык* — «ружье»; *ол арыктай калтыр* (<калып туруп) — «и он похудел»;

йт: *майтал* — «кобыла»; *айты* — «он сказал»;

кб: *корыкба* — «не бойся».

К явлениям диссимиляции следует также отнести и неозвончение глухих гласных в позиции между гласными, например:

к (<г): *texри шыка берген* (<шыга берген) — «вознесся на небо»; *токус* (<тогус) *морда йр'яан* — «девять морд (снастей) сплел»; *кара, кара, кара куш, каракай* (<карагай) *пашына тўней не* — «черная-черная птица на вершине сосны разве не ночует»; с (<з): *кысычак* (<кызычак) — «дочка, девочка»; *анасы* (<аназы) — «его мать»; *кысыл* (<кызыл) *пўрбч* — «красная шапочка».

Удвоение согласных. *кк* <к: *экки* (<эки) — «два»; *чч* <ч: *каччан* (<качан) — «когда».

Палатализация согласных. Спорадически в отношении отдельных согласных встречаются явления их палатализации. Явления эти в большинстве случаев объясняются позицией палатализованного согласного, находящегося на границе между словами, имеющими вокализм разного ряда (переднего и заднего) в сложном слове или в сочетании слов, например: *ол кысычак чийлек сачып алала йгз'а* (<йг саар) *парган* — «девушка та собрала ягоды и отправилась домой»; *торт салдыт пир бедерекс'а* (<бедерек саар) *сийип дьат* — «четыре солдата мочатся в одно ведро»; *сен бисти сўге шилий бис г'а* (<бис та) *ат капаларга* — «ты и нас брось в воду мы поймает (там) лошадей».

Стяжение гласных и согласных. Стяжение гласных и согласных в середине слова и на границе слова является весьма характерным и часто встречающимся в кумандинском и в других северных диалектах алтайского языка. Сокращению подвергаются отдельные звуки, а иногда слоги, имеющие в своем составе согласные *г, л, н, й, р, п*. В результате выпадения звуков на границе между слогами слова, чаще двух слов, а иногда и трех слов соединяются как бы в одно слово. В результате стяжения слов с разным (по ряду) вокализмом образуются слова с нарушением обычного сингармонизма в слове, сингармонизм в этих словах сохраняется только на границе слога.

1. **Стяжение гласных и согласных в середине слова.** а) Выпадение согласного *г* и сопряженных с ним гласных, например: *асыран* (<асыраган) — «он накормил»; *барбанчы* (<барбаганча) — «пока он не ушел»; *келбенчи* (<келбегенче) — «пока он не пришел»; *чыкпанчы* (<чыкпаганча) — «пока он не вышел»; *чешипенчи* (<чешипегенче) — «пока он не дошел»; *алыг карындажы кибе сыртына чаткан бир де иштебен* (<иштебеген) — «глупый из братьев лежал на печи и ничего не делал»; *суг дьолокчи* (<дьологончо) *ак чат кижы бойынынъ туганны тынъдыт чат* — *деп айтты* — «река течет по своей дороге, а человек ищет свою невесту — сказал он»; *анасы айтты кысычына* (<кысычагына) — «мать сказала дочери»; *Челбенинъ* (<Челбегенинъ) *эди кўйген, а сўги ле чышка чўгўрип берген* — «мясо Делбегена сторело, а кости убежали в лес»; *Челбен кирип келде* (<келгенде) *Машпарак айчын* — «когда Делбеген вошел, Машпарак сказал ему»; *кастынъ бажында ит чук каран* (<караган) *кижининъ шақ чук* — «у гуся в голове не бывает мяса, а у состарившегося человека — силы»; *таш очангы* (<очагынъны) *одорым* — «я разрушу твой каменный очаг».

б) выпадение согласного *л* или согласных *лг* и сопряженных с ним гласных, например: *бўн буйым кодые боп* (<болып) *кирчыбым* — «а сам я вхожу как купец»; *ынданъ понда* (<полганда) — «если так»; *бир да кижы алманар* (<алмаганлар) — «ни разу не женился»; *кара атты ал алган мин аан* (<алган) и *барчын* — «он взял вороного коня, сел на него и поехал»; *бес кижилерди чипсаан* (<чип салган) — «всех людей съел»; *койонды тудыван* (<тутуп алган) — «он поймал зайца»;

келде (<*келгенде*) — «когда он подошел»; *алпен* (<*алып келген*) — «он принес»; *чочпан* (<*чочуп калган*) — «он испугался»; *көрүлүшпөнер* (<*көрүлүшпөгенлер*) — «они не видят друг друга»; *сен эзирип баньда* (<*болганында*) *кандын* (<*кандый*) *сын* — «когда ты опьянешь, какой становишься»; *эзирип ле памда* (<*полганында*) — «когда я пьянею».

в) выпадение согласного *н*, *нъ* и сопряженных с ним гласных и согласных, например: *катына* (<*катынына*) — «его жене»; *дылач* (<*дылангач*) — «голый»;

казрап (<*канзырап*) — «быть подобным жану».

г) выпадение согласного *й* и сопряженных с ним гласных, например: *укта* — (<*уйыкта*) — «спать».

2. **Стяжение гласных и согласных на границе слов.** Чаще всего стяжение гласных и согласных на границе слов происходит в тех случаях, когда данное сочетание слов имеет тенденцию слиться в одно сложное слово. В частности, весьма сильное стяжение звуков наблюдается в сложных глаголах, где, как правило, наиболее слабым элементом, обычно выпадающим, является деепричастный аффикс (-*ып* -*ип*, *а-е-й*) основного глагола. Выпадение других элементов зависит обычно от состава звуков вспомогательного глагола.

а) Выпадение гласных и согласных в сложных глаголах с вспомогательным глаголом *кел-*, например: *кир кел* (<*кирип кел*) — «войдя»; *чочко кир кел* (<*кирип келип*) *вес'ачытказыны тывен* (<*тыип ийген*) — «вошла свинья и съела все его тесто»;

б) с вспомогательным глаголом *чат-*(*дыат*), например: *кадарчын* (<*кадарып чаткан*) *кижилер* — «ожидающие люди»; *мында ырак эвес бир апчийак тычыт* (<*тыадып чат*) — «здесь недалеко живет некий старик»; *ол барчын* (<*барып чаткан*) — «он отпразднелся»; *ол кончут* (<*конуп чат*) — «он ночует»; *турбайдым* (<*турбай дыадым*) — «я не жил»; *ол чедит* (<*чедип чат*) — «он достигает»;

в) с вспомогательным глаголом *ий-*, например: *уруйзе* (<*уруп ийзе*) — «когда высыпал»; *парийенде* (<*парып ийгенде*) — «когда он поехал»; *йге ньанкен* (<*ньанып ийген*) — «он вернулся домой»;

уруйенер (<*уруп ийгенлер*) — «они вылили»; *ол күйрийен* (<*көрүйп*) — «он посмотрел»; *куртыйачы үлийен* (<*өлүйп ийген*) — «его старуха умерла»; *аньзон апчийачы ньакен* (<*ньанып ийген*) — «затем старик вернулся»; *чылан суугсары кирийен* (<*кирип ийген*) — «змея вошел в воду»;

г) с вспомогательным глаголом *ал-*, например: *шыгаран* (<*шыгарып алган*) *ул атты мўнан* (<*мўнуп алган*) — «вывел того коня и сел на него»; *дбижип сойлап бо койонды тудыван* (<*тудуп алган*) — «прижавшись, ползком, она поймала этого зайца»;

д) с вспомогательным глаголом *кал-*, например: *сўди тогўлип калган* — «молоко пролилось»; *ньанчында көрзө дө чышта тўнъиштер кўйканыр* (<*кўйуп калганнар*) — «когда он возвращался то увидел, что в тайге обгорели пни»;

е) с вспомогательным глаголом *сал-*, например: *келсан* (<*селип салган*) — «он пришел»; *кар чахсын* (<*чагып салган*) — «выжал снег»; *Карамол келсын* (<*келип салган*) — «пришел Карамол»; *курушуйачы айтсын* (<*айтып салган*) — «старуха сказала»; *ары көрўп алган кийик атсын* (<*атып салган*), *бери көрўп четкен кийик атсын* — «туда посмотрел—шестьдесят оленей застрелил, сюда посмотрел—семьдесят»;

ж) с вспомогательным глаголом *бер-*, например: *алтын торго кўнъ-нек алпер — тең айткан* — *ол алпен* (< *алып берген*) — «привези мне рубашку из золотого шелка, сказала она, и он привез»; *кыс агасына письми ший ал келип ийебен* (< *ийе берген*) — «девушка написала своему отцу письмо»; *тўлке кижги тили вие тьоктон тўревен* (< *тьоктонып тура берген*) — «говорила лиса человеческим голосом»;

з) с двумя и несколькими вспомогательными глаголами, например: *мен апырсам* (< *алып барып салганым*) — «я проводил»; *карйчиктерни ала ла ул тўнъиштерге кийдис салбертир* (< *салып берип турур*) — «он взял горшки и надел их на пни»; *бычакты алке койлорнынъ бутарын бес кис'алтыр* — «он взял нож и обрезал всем овцам ноги»; *кўн за кўрзё кўн ач парыгин* (< *ачып парып ийген*) — «посмотрел он на солнце, а оно уже закатилось»; *Карамол чер тайанып кирийкен* (< *кирип ийип алган*) — «Карамол стал опираться на землю»; *суксалчин* (< *сугуп салып чатып ийген*) — «он наполнил, набил»; *шыкарычине* (< *шыгатып ийип чатканлар*) — «они выпустили» *эр кирпарит* (< *кирип парып чатыр*) — «наступает вечер»; *сўдўни кўдўчке олтосалчыт* (< *олтуруп салып чатыр*) — «он ставил молоко в кринках»; *чииргалчыт* — «он ловит мышей и ест их»; *апарийен* (< *алып парып ийген*) — «он отвез».

Метатеза

Перемещение внутри слов отдельных звуков или слогов — явление общее для всех говоров и диалектов алтайского языка. Оно встречается эпизодически наряду с вариантами с нормальным порядком звуков.

Примеры: *ййген* (< *ййген*) — «узда»; *ёксис олок* (< *ёксис олок*) — «мальчик-сирота»; *канмар* (< *карман*) — «карман»; *труна* (< *турна*) — «журавль»; *казорный турна* (< *труба*) — «подзорная труба»; *ёпкё* (< *ёпкё*) — «легкие»; *дыамыртык* (< *дыарымтык*) — «половина».

4.

Структура слога.

Слоги в кумандинском диалекте, как и в алтайском литературном языке, состоят из шести основных типов, составляющих две группы: а) открытых и б) закрытых слогов (г — гласный, с — согласный).

Открытые слоги:

1) — г, например: *э-ки* — «два»; *а-йуг* — «медведь»; *у-луг* — «великий».

2) с + г, например: *мб-ри* — «волк»; *ки-жи* — «человек»; *пала* — «ребенок».

Закрытые слоги:

1) г + с, например: *ёл-тем* — «смерть»; *ал + ты* — «шесть» *алды* — «он взял».

2) с + г + с, например: *чакишы* — «хороший»; *нектиг* — «имеющий корову, с коровой»; *сал-гын* — «ветер»;

3) $g + c + c$, например: *арт-ты* «он навьючил»; *айт-ты* «он сказал»;

4) $c + g + c + c$, например: *түртке* — «четырем»; *кайт* — «почему».

В связи со значительным заимствованием русских слов, которые остаются в произношении с сохранением своей структуры слогов, количество типов слогов в кумандинском диалекте значительно увеличилось, хотя новые типы слогов и встречаются только в заимствованных словах.

Ударение

Ударение в кумандинском диалекте не имеет никаких отклонений от ударения в алтайском литературном языке. Оно представлено двумя типами: экспираторным в слове и тоническим или музыкальным во фразе.

Ударение в слове фиксированное, оно падает как правило, на последний слог слова. В многосложных словах — двухполюсное, т. е. состоит, как правило, из слабого на одном из первых слогов и сильного на последнем слоге, например, *карындаш-тарынынъ үчинчизи* — «третий из братьев».

В зависимости от характера словообразовательных и словоизменятельных аффиксов ударение не всегда переходит на последний слог. Так, не переходит ударение на аффиксы лица в сказуемом, выраженном причастием будущего времени, например: *обур болбозым* — «я не мог вывернуть наизнанку»; на формант — *чат|чит* в III-ем лице настоящего времени: *ол баларынынъ (<балалатынынъ) үргедүчизи болчыт* — «он становится учителем детей»; *ол кусук шийрчит* — «она грызет орехи»; *киш шийилчит* — «кошма растягивается»; на аффиксе ограничения *ча ≈ чье*, например: *алаканчы черге кар чуклас (тунчук)* — «на место с ладонь снег не прилипает (нос); и проч.

Ударение во фразе является тоническим или музыкальным. Оно служит средством логического выделения основных по смыслу слов во фразе, которая в зависимости от смысла и содержания имеет определенную логическую мелодию, представляющую собой движение музыкального тона.

Основными типами интонации являются утвердительно-повествовательная, восклицательная, вопросительная, а также интонации незавершенной мысли, перечисления, противопоставления.

СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ В АЛТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В предыдущей статье¹ нами охарактеризована одна из категорий служебных слов современного алтайского языка — послелогов.

Как отмечалось, послелогов в алтайском языке как и в других тюркских языках в сочетании с именами или именными формами глагола, служат формой выражения синтаксической связи косвенного дополнения или обстоятельства, с одной стороны, и сказуемого — с другой.

Послелогов несут те же синтаксические функции, что и падежные аффиксы. Они развивают, дополняют и уточняют то значение, которое принадлежит самой падежной форме.

Наряду с послелогов в систему служебных слов включаются также союзы и частицы. Анализу их грамматической роли, значений и особенностей употребления в современном алтайском литературном языке и посвящается предлагаемая работа.

1 СОЮЗЫ

В системе других служебных слов алтайского языка союзы характеризуются рядом специфических черт.

В отличие от послелогов, которые служат формой выражения синтаксической связи косвенных дополнений или обстоятельств, с одной стороны, и сказуемого — с другой, союзы выражают разнообразные синтаксические связи, как между отдельными словами, так и между целыми предложениями. При этом союзы не влияют на формы отдельных слов внутри предложения.

Как послелогов и частицы, союзы исторически восходят к знаменательным словам. Однако, утратив с течением времени реальные значения, они перестали выражать понятия или наименования предмета и превратились в чисто служебные элементы синтаксиса.

Алтайский язык, в силу присущих ему особенностей структуры предложения, не имеет развитой системы союзов. Число собственно союзов в алтайском языке невелико. Это объясняется тем, что для соответствующих целей язык пользуется другими синтаксическими средствами. Так, например, при построении сложноподчиненного предложения

¹ См. Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ, выпуск I, 1956 г., стр. 18—19.

нередко используются причастные и деепричастные обороты, предикативные показатели которых выражают различные оттенки действия, соответствующие союзам в русском языке.

Кроме того, связь между отдельными предложениями в алтайском языке может быть выражена специальными аффиксами, например, аффиксом условного наклонения *за-са*, который помимо своего основного значения, выступает в качестве союза, например: *Ол барза, меге де барарга керек*, — «Если он пойдет, то и мне нужно идти».

Однако в современном алтайском литературном языке появляется тенденция к развитию сочинительных и особенно подчинительных союзов, которые образовались путем использования внутренних средств языка для передачи подчинительной связи при переводах русской художественной и др. литературы. Ср.: *Мал дьоголтпоско ол тунге-тунге уйуктабай дьурди*. — «Чтобы не растерять скот, (он) не спал дни и ночи». В этом предложении подчиненная часть выражена оборотом с аффиксом дательного падежа, который соответствует русскому союзу «чтобы».

Бессоюзная форма связи сохраняется преимущественно в языке произведений устного народного творчества. Язык алтайского фольклора охотно пользуется простыми предложениями, последовательно идущими одно за другим, в которых связь выражается внешними приемами изложения — интонацией и паузой, например: *Алтан куддучи дьылкызын куддуди, одус куддучи уйларын куддуди*. — «Шестьдесят пастухов лошадей пасли, (а) тридцать пастухов коров пасли».

Таким образом, из приведенных примеров можно видеть, что предложения, построенные такими синтаксическими приемами, не нуждаются в союзах. Сами приемы разговорной речи, не подвергшиеся сильному воздействию литературных языков, не нуждаются в более широком их (союзов, — Т. Т.) привлечении.

Это оказывается общим явлением. Там, где влияние литературной речи слабо, ослабленным остается также и развитие сложноподчиненных предложений с развернутым, при помощи подчинительных союзов, построением. Поэтому, даже в языках с богатой литературной традицией наблюдаются, в этом отношении, значительные расхождения между литературным языком, с одной стороны, и народной речью — с другой».¹

Как замечено выше, категория союзов постепенно наращивает свою продуктивность и в алтайском литературном языке, с развитием которого всё увеличивается количество сочинительных союзов, кроме основных средств связи придаточных с главным предложением, усиливается рост сложных конструкций подчиненных предложений с подчинительными союзами; в роли союзов нередко выступают целые фразеологические сочетания.

Надо иметь в виду и то, что в алтайском языке увеличивается число переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий — послелогов и частиц, ср., например: *ийне, анайып, ок, ла-ле, учун* и другие формы разных частей речи, которые обнаруживаются во многих союзах.

По синтаксическим функциям все союзы в алтайском языке делятся на сочинительные и подчинительные.

¹ И. И. Мещаннов, Члены предложения и части речи, 1945, стр. 317.

I. Сочинительные союзы служат для связи равноправных элементов речи (членов предложения и предложений) и обозначают:

- 1) соединительные отношения (база, ла);
- 2) противительные отношения (а, је, дезе, чы-чи);
- 3) разделительные отношения (эмезе... эмезе, бирде... бирде, та... та);
- 4) разделительно-перечислительные (да... да).

Ниже даются примеры анализа наиболее характерных союзов, имеющих несколько смежных оттенков значений в словосочетаниях и предложениях.

Союз **ла** обозначает:

а) соединительную связь между словами и предложениями, соответствуя русскому соединительному союзу «и»: *Кичемел ле Малчы чыкты* — «Кичемель и Малчи вышли»;

б) служит для указания на последовательность действий: *Ак-Шанкы јанып келе ле ада сөзін Малчыга айтты*. — «Ак-Шанкы пришла домой и передала Малчи слова отца»;

в) союз **ла** соединяет отдельные слова и соответствует русскому соединительному союзу «и», например, *кой ло эчки* — «овцы и козы»; *јаныс сен ле мен билерис* — «знаем только мы: ты и я».

Союз **база** совмещает различные оттенки соединительных и усиленно-присоединительных отношений между объединяемыми словами и предложениями:

а) соединяя слова и предложения, союз **база** по функции соответствует русскому соединительному союзу «и», ср.: *Энем ле эјем айылдап јуре берди*. — «Мама и тетя ушли в гости»;

б) присоединяя глагольные формы, союз **база** соответствует русскому союзу *тоже*, ср.: *Мен база онын учун*. — «Я тоже за него»;

в) к соединительному значению союза **база** примыкает функция подтвердительной частицы **база**, соответствующей русской частице *как же*, например: *Сүүнбей база, уулым јанып келген де...* — «Как же не радоваться, ведь вернулся домой мой сын...»

Противительная связь выражается группой следующих союзов: *а, дезе, је, чы-чи*.

Союз «а» употребляется: а) в начале реплик, в вопросительных предложениях — при возражении, при несовпадении мыслей. По значению он соответствует русскому союзу «а» в том же значении, ср.: *А сен кайдар барарын?* — «А куда ты пойдешь?»

б) при соединении предложений с пояснительным значением, например: *одус эмес, а бежен* — «не тридцать а пятьдесят»;

в) как союз присоединительный, например: *Эжиктин јанында чибі өзүп јат, а онын алдында скамейке туруп јат*. — «Около дома ель растёт, а перед елью стоит скамейка».

Противительный союз **дезе**, генетически развивавшийся от глагольного корня *де* — «говорить» с аффиксом условного глагола *за*, в значении союза имеет много смежных оттенков:

а) при сказуемом, выраженном положительной формой глагола, союз **дезе** выражает связь двух или нескольких противоположных суждений: *Бала уйуктап јат, сен дезе табыштанып јадың*. — «Ребенок спит, а ты шумишь»;

б) при сказуемом, выраженном отрицательной формой глагола, противительное значение союза **дезе** усиливается присоединением «а»

в начале предложения: *А ол десе неме айтады.* — «А он ничего не сказал».

ПРИМЕЧАНИЕ: в сложном союзном сочетании *ненин учун десе* — *десе* выступает уже с конкретным значением глагола — «если скажут».

Союз *је*, в отличие от союзов «а» и «десе», резко противопоставляет друг другу два сходных явления или действия. По синтаксической функции он соответствует русскому союзу «но», ср.: *Мен көп чөрчөк уккам, је мындый јараш чөрчөк укпадым.* — «Много сказок я слышал, но такой хорошей сказки не слышал»; *Бу јыл кыш карлу, је соок эмес.* — «Зима нынче снежная, но не морозная».

В начале предложения *је* употребляется как наречие: *Је, божогоны ол туру* — «Ну вот, все кончено».

Союзы *чы-чи* в значении «а» выступают в вопросительных предложениях: *Сен чи, кычырып болбозын ба?* — Ты-то (а ты), разве не можешь прочесть?

В сочетании с глаголом в условной форме союзы *чы-чи* образуют целые фразеологические сочетания, выражающие связь с чужим высказыванием: *Келзе чи* — «ну, и что же, что придет», или: «что из того, что придет»; *ас болзо чы* — «ну, и что же, что мало».

Союз *да* выражает связь, которая повторяется перед каждым из сцепляемых слов или словосочетаний. В одном случае союз *да* соответствует русскому соединительному союзу «и», например: *Уренерге тузалу да, јилбүлү де.* — «Учиться и полезно, и интересно». *Јараш та, чјмдү де.* — «и красивый и нарядный». В другом случае союз *да*, соединяя слова или словосочетания, одновременно отрицает их. В этом случае *да* соответствует отрицательному союзу «ни...ни», например: *мен де эмес, ол до эмес* — «ни я, ни он»; *мен де барып болбодым, ол до келип болбоды* — «ни я не мог прийти (к нему), ни он не мог прийти (ко мне)».

Разделительные отношения (*нередко с оттенком противопоставления*) выражаются союзом *бирде..бирде* который, соединяя составные элементы сложного предложения, обозначает последовательное чередование событий и соответствует русскому союзу «то...то» *Бирде ол меге эрке, бирде оны көрөр кјүним јок.* — «То он мне мил, то я его ненавижу»; *бирде соок, бирде изү* — «то холодно, то жарко».

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

С развитием алтайского литературного языка в нем всё чаще используются сложные конструкции предложений с подчинительными союзами.

В синтаксисе алтайского языка подчинительная связь формально выражается определительными сочетаниями слов, логически соответствующих целому предложению, которые и образуют сложные союзные сочетания. Например, союз *ненин учун десе*, выражает самостоятельную мысль и исторически представляет собой прямую речь, заключающую в себе условие, которое приблизительно по-русски передается так: «если скажут почему...»

В процессе развития эти части сложных союзных сочетаний потеряли знаменательное значение и превратились в средства связи.

К подчинительным союзам в алтайском языке относятся следующие

щие сложные союзные сочетания: деп, ненин учун десе, онын керегинде, онын учун, айдарда, анайдарда.

Союз деп исторически является деепричастием от глагола де — «говорить». По синтаксическим функциям этот союз служит связующим грамматическим элементом между главным и придаточным предложением. Замыкая придаточное предложение, он служит для характеристики действия и выражает:

а) после форм повелительного и желательного наклонения — целевую связь, соответствуя русским союзам «чтобы», «для того, чтобы», например: *Сени эжик ачыл берерге болушсын деп кычырдым.* — «Я позвал тебя для того, чтобы ты помог мне открыть дверь»;

б) после положительного причастия на ган и будущего отрицательного союз деп выражает изъявление. В этом случае деп соответствует русскому союзу «что»: *Јети јылдан одо берзем, блуш калган деп бодо-гор* (из эпоса). — «Если я задержусь больше семи лет, считайте, что я умер»;

в) союз деп замыкает собою прямую речь: *«Кара тайганын кырында кандый чолмон корјнет» — деп, јаан јеекен сурады* (из эпоса). — «Какая звезда видна на краю черной тайги?» — спросила большая россомаха.

Примечание. В современном литературном языке прямая речь осознается как косвенная, в которой слово деп, формально передавая прямую речь, становится союзом, соответствующим русскому союзу «что», «чтобы»: *Ол келбезим деп айткан.* — «Он сказал, что не придет»; *Мен келбезим деп айт.* — «Скажи, что я не приду».

Такой порядок оформления прямой речи стал обычным и объясняется влиянием русского языка, в котором косвенная речь передается придаточным дополнительным предложением с союзом «что», «чтобы».

При выделении в предложении собственных имен и названий деп является обособляющим элементом, соединяющим определение с определяемым, и заменяет кавычки, например: *Ол «Правда» деп газетке бичидип алган.* — «Он подписался на газету «Правда». В ряде случаев, главным образом, в разговорном языке, наблюдается отпадение деп, как обособляющего элемента: *Ол «Правда» газетке бичидип алган.*

Союз ненин учун десе по значению соответствует русским причинным союзам «потому что», «оттого что», «вследствие того что»; например: *Онын кобизи ого чынга билдирилген, ненин учун десе ол андый јурјумге јренип калган.* — «Многое ему казалось правдой, потому что он привык к такой жизни».

Во многих случаях придаточные причинные предложения с союзами легко подвергаются синтаксическому преобразованию. Особенно это присуще синтаксису разговорного языка, в стиле которого распространено бессоюзное сочетание придаточного причины с главным при помощи причастного оборота на ган с послелогамии, выражающими причину, — *учун* или *керегинде*: *Айтканы чынга билдирилген учун, ол ого бйткен.* — «Он поверил ему, потому что сказанное ему показалось правдой».

К союзам, выражающим следственную связь, относятся сложные союзные сочетания *онын учун, онын керегинде, айдарда, анайдарда.*

В буквенном смысле слова эти союзы выражают самостоятельную мысль: *онын учун* — «за него», *онын керегинде* — «из-за него», «из-за его дела»; *айдарда* — «когда говорил», а по значению они соответству-

ют русским союзам «так что», «поэтому»: *Былыыр соок эрте түүшкен, онын учун быыл яс эрте башталган.* — «В прошлом году зима наступила рано, поэтому и весна нынче началась рано».

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что в современном алтайском литературном языке союзы становятся все более продуктивной грамматической категорией в общей системе служебных слов.

II. ЧАСТИЦЫ

Частицы — служебные слова, которые вносят дополнительные оттенки в значение других слов или целых предложений и служат для выражения разного рода грамматических отношений. Как и союзы, частицы в алтайском языке сами по себе не имеют лексического значения. Свое лексико-грамматическое значение они получают только в составе предложения, когда характеризуют или уточняют в нем значение того или иного слова.

Частицы, как служебные части речи, не сливаются в морфологическое единство со словом, значение которого они характеризуют. Они могут выступать при любой части речи и в составе любого члена предложения. Фонетически частицы характеризуются безударностью и, как правило, имеют стандартный звуковой состав, за исключением частиц *ла, да, чы-чи*, которые имеют звуковые варианты.

Среди других служебных слов частицы выделены как категория с дифференцированным значением, отличным от значения послелогов и союзов. Однако этот процесс дифференциации не завершен окончательно и, наряду с частицами, которые вполне дифференцировались, есть и частицы, которые сходны не только с послелогом и союзами, но и с знаменательными словами.

С этой стороны их можно классифицировать по трем основным классам:

1. Лексически выделившаяся (*обособившаяся*) категория частиц, к которым относятся: *ок, чы-чи, ба-бе, не*.

2. Частицы, слабо дифференцированные с другими служебными словами (*с союзами и послелогом*), *ла-ле, да-де, база*.

3. Модальные частицы, слабо дифференцированные с знаменательными частями речи, главным образом, наречиями и междометиями, *та, ма-ме* и пр.

В семантико-синтаксическом отношении можно выделить следующие группы частиц:

а) усилительно-ограничительные;	г) утвердительные;
б) отрицательные;	д) вопросительные;
в) побудительные;	е) прочие частицы.

Последние по выполняемой функции близко подходят к разряду частиц.

В алтайском языке часто одна и та же частица семантически выражает не одно, а несколько значений, которые выявляются в контексте, в сочетании с теми или иными грамматическими формами.

Приведем характеристику каждого из выделенных разрядов частиц.

К группе усилительно-ограничительных частиц относятся частицы *ла*, *да*.

Частица *ла*, выполняя различные синтаксические функции, совмещает разнообразие оттенков значений, а также служит соединительным союзом. При именах существительных, прилагательных, местоимениях и числительных частица *ла* выражает:

а) значение ограничения в отношении количества, соответствуя русским частицам «только», «лишь», ср.: *Айылчылар беш ле кижги болгон*. — «Гостей было только пять человек»; *Он кулуннан јангыс ла кулун артты*. — «Из десяти жеребят остался только (лишь) один жеребенок» и т. п.;

б) в сочетании с деепричастием указывает на совершение только данного действия, напр.: *Јоруктап ла турар*. — «Всегда только путешествует»; *Кожондоп ло турар*. — «Всегда только поет»; *Мактанып ла турар*. — «Всегда только хвастает» и т. д.;

в) ограничивает качество предметов: *Ол кийим јараш па?* — «Красива ли эта одежда?»; *Јараш ла..* — «Ничего, красивая...»;

г) в обороте придаточного времени частица *ла* указывает на непосредственное и быстрое следование одного действия за другим, напр.: *Күн кырдан кӧдӱрилерде ле, Керек-Јок ойгонып келди*. — «Как только солнце поднялось из-за горы, Керек-Јок проснулся»;

д) выражая ограничительные значения, частица *ла* приобретает также и усилительные оттенки. В этом случае *ла* соответствует русской частице «ведь», ср.: *Је бис ӧскӧ улус эмезибис ле, бис сенин тӧрӧӧн карындаштарын*. — «Но мы ведь не чужие люди, мы твои родные братья»;

е) выражая утверждение, частица *ла* сочетается с модальной частицей *эди*, соответствуя русскому модальному слову «конечно», напр.: *Мен барар эдим ле*. — «Я, конечно, пошел бы»;

ж) выражая усилительные и утвердительные значения, частица *ла* по семантике соответствует частице *ок* в значении русской частицы «же»: *Эттин баазы ол ло тарый тӱжӱп тура берди*. — «Цена на мясо сразу же начала снижаться»;

з) частица *ла* в значении побуждения к совершению того или иного действия встречается в сочетании с различными формами сказуемого и также соответствует русской ограничительной частице «же», напр.: *Је капшаай барзаар ла*. — «Ну, идите же скорее»;

и) в сочетании с наречиями, а также с отрицательной частицей *эмес* частица *ла* соответствует русской частице «уж»: *Кӱч ле неме јок*. — «Уж не так трудно»; *Ыраак эмес ле*. — «Уж не так далеко»;

к) частица *ла*, сочетаясь с формой желательного наклонения, выражает известную решительность, соответствуя русской частице «так»: *Олзӧм ӧлгӧйим ле, ӧлбӧс мӧнкӱ кижги бар эмес* (из эпоса). — «Умереть — так умру, нет человека бессмертного».

Смысловый объем частицы *да* также очень разнообразен. Часто она одновременно является и частицей, и союзом. Сочетаясь с любой частью речи, частица *да* выделяет слово, к которому относится. В этом случае она выражает усилительные, ограничительные, разделительные и уступительные значения.

Частица *да* может соответствовать:

а) русской усилительной частице «и», напр.: *Сенин де тӧгӱнин бажынан ашкан*. — «И твоя лож перевалила меру»;

б) русской усилительной частице и присоединительному союзу «даже»: *Сынаруга ѓн де чыгарарга бергилебеди* (Улагашев, Сынару). — «Не давали Сынару даже слова сказать»; *Быяксу деп келинегин, јерге де тийдирбей, колтуктап, ак ѓргѓѓ јаар апардылар* (Улагашев, Ак-Тайчи). — «Молодую женщину Быяксу повели под руки в белый дворец, не давая ей даже прикоснуться до земли»; *Адан сенин кайдаар барган? Айыл-јуртын кайдаар кѓчкѓн? Айактын оодыгы да јок, калбактын сыныгы да јок.* — «Куда ушел твой отец, куда перекочевала твоя семья? На прежнем месте не осталось даже сломанной чашки, не осталось даже обломка от ложки» и т. п.;

в) в сочетании с глаголами в условной форме частица *да* соответствует русской ограничительной частице-союзу «хоть», «хотя и», «хотя бы», напр.: *Ас та болзо, тапканымды Арслан-Каан кайныма берип ийеер* (Улагашев, Арслан-Кван) — «Хотя и мало, но то, что я добыл отдайте моему тестю Арслан-Квану»; *Андый да болзо, бир сурагым бар.* — «Хотя и так, но у меня есть одна просьба».

Примечание. Особыми являются случаи, когда частица *да* выступает в роли отрицательной частицы, соответствуя русской частице «ни», например: *Уч келинин бирѓзи де ийне тудуп кѓктѓп билбеди.* — «Ни одна из трех женщин не умела шить и взять иголку в руки».

Примыкая к вопросительно-относительным местоимениям, частица *да* придает им значение неопределенности и по существу является словообразующим элементом. Образованные сочетания соответствуют русским отрицательным местоимениям и отрицательно-местоименным прилагательным «никто», «нигде», «никакой», «ничего»: *Кем де келбеди.* — «Никто не приходит»; *Меки не де тудуп болбос.* — «Меня ничто не удержит»; *Кандый да шылтак бодонбос.* — «Никакие причины не будут приняты во внимание»; *Нени де айтпады.* — «Ничего не сказал».

В сочетании с отрицательным причастием на *ган* частица *да* выражает степень субъективной оценки к кому-либо суждения и соответствует русским словам «если», «когда б», «раз», напр.: *Аларга турган бала слердин бала болгон, келишпеген де канайдар* (Улагашев, Козын-Эркеш). — «Девушка, на которой я хотел жениться, была ваша дочь, но раз не пришлось, что ж поделаешь».

Побудительные частицы «да» и «не» соответствуют русской частице «-ка» в случаях, вроде: «посмотри-ка», «принесите-ка», и т. п. Чтобы выразить побуждение, обращенное к собеседнику, употребляется частица *да* в сочетании с глаголом повелительного наклонения 2-го лица единст. и мн. числа, напр.: *Кѓрѓн дѓ, кем келип јат.* — «Посмотри-ка, кто идет»; *Бери келзеер де.* — «Идите-ка сюда!»; *Бу бичикти кычырзаар да.* — «Прочитайте-ка это письмо»; *Бери јуук отурзан да!* — «Садись-ка сюда поближе!».

Чтобы выразить побуждение, обращенное к самому себе, употребляется частица *не* в сочетании с глаголом повелительно-желательного наклонения 1-го лица ед. числа, напр.: *Кайда берзен, кѓрѓйин не.* — «Посмотрю-ка я»; *Айылыма барып кѓрѓйин.* — «Пойду-ка я домой»; *Бу бичикти кычырып кѓрѓйин не.* — «Почитаю-ка я эту книгу».

К группе утвердительных частиц относятся частицы *ок*, *чы-чи*.

Частица *ок* служит для утверждения или уточнения того или иного слова, а также для утверждения действия, совершаемого тем или иным

лицом. По синтаксической функции *ок* соответствует русской частице «же», напр.: *Ол ойто ок кызы керегинде санана берди.* — «Она опять же начала думать о своей дочери»; *Слерден ок укнай кайтым.* — «Я ведь от вас же узнал (услыхал)».

После глаголов частица *ок* по семантике соответствует союзу *база* в значении «тоже», ср.: *Мен бу ббстбн аларым ок.* — «Я тоже куплю этого ситцу».

Частица *чы-чи* выражает в одном случае утверждение: *Сен чи.* — «А ты-то»; в другом случае — сожаление: *Ол керегинде мен билген болзом чы...* — «О, если бы я знал об этом...» и в третьем случае — указывает на предмет, который логически выделяется в высказывании, напр.: *Бу чы.* — «А это что».

К группе вопросительных частиц относятся частицы *ба-бе, беги, не.*

Вопросительная частица *ба-бе* соответствует:

а) в сочетании с утвердительным глаголом — русской вопросительной частице «ли», напр.: *Алтайына басты ба, айгырлу малык алды ба?* — «Ходил ли (он) по твоему Алтаю, взял ли (он) твои табуны?» (из эпоса);

б) при отрицательных глаголах — русской частице «разве», ср.: *Сен ого былтырдам бери туштабаган ба?* — «Разве ты с прошлого года не встречался с ним?»

Частица *ба-бе*, в составе высказывания сочетается не только с формами сказуемого, но и с любой частью речи. В этом случае она соответствует русскому вопросительному местоимению «что» с частицей «ли» — «что ли»: *Оны кем айтты, сен бе?* — «Кто об этом говорил, ты что ли?» *

В сочетании с аффиксом глагола прошедшего времени частица *ба-бе* образует частицу *беги* с оттенком вежливого вопроса. В сочетании с личными местоимениями частица *беги* имеет форму лица и по значению соответствует вопросительной частице «разве» в русском языке, напр.: *Слер бедеер?* — «Разве это вы?»; *Ол беги?* — «Разве это он?» и т. п., ср.: *Айлу кундү Алтайына атанып жүре берген беги?* (из эпоса). — «Разве он уже уехал в свой солнечный Алтай?»

Когда вопрос задается самому себе, про себя, причем нерешительно, с оттенком раздумья, тогда частица *ба* заменяется частицей *не*, которая соответствует русским «ли» и «же», ср. примеры: *Күрежип оны јенгерге кичин сенит јеткеј не, тынын онын кыйарга јлдүнин мизи чыдагај не?* (из эпоса). — «Хватит ли твоих сил победить в борьбе, выдержит ли лезвие сабли разрезать его душу?»; *Сагышта јаман болды не, көксинде оң турды не?* — «Было ли в уме его что плохое, держал ли он в сердце злобу?» и т. д.

Кроме рассмотренных случаев, в лексическом составе алтайского языка выделяется категория слов с полулексическим и полуграмматическим значением, которая может быть отнесена к частицам только условно, поскольку эта категория не окончательно обособилась от знаменательных частей речи и представляет собою смешанный тип слов (переходный разряд), совмещающих функции, с одной стороны, частиц, а с другой — глаголов, наречий, междометий и пр.

Эту категорию частиц по функции можно подразделить на:

1. Частицы-междометия (т. е. слова, средние между частицами и междометиями) *та, ма-ме, је.*

В роли модальной частицы *та* выражает полное отрицание, отрицательный ответ, в соответствии с русским «не знаю». В этом случае *та* несет на себе ударение и всегда находится в начале предложения, напр.: *Та, кайдан кӧрбӧйн*. — «Не знаю, откуда мне знать».

Частица *ма-ме* выступает в значении русских слов: «на», «возьми», «вот тебе», напр.: *Ме, бу бичигинди ал*. — «На, возьми свою книгу»; *Ме, алганын ол ба?* — «Вот тебе, получил, что хотел».

Частица *је* присоединяется препозитивно к повелительному наклонению глагола для придания оттенка позволения, допущения, принуждения и т. п., ср.: *Је, бар*. — «Ну, иди»; *Је, капшагай бичи*. — «Ну, пиши скорее».

Частицы-наречия и частицы-местоимения (т. е. слова, средние между частицами и наречиями или местоименными словами).

Так, частица *байла* выражает модальный оттенок логической оценки достоверности, соответствуя русским модальным словам «наверное», «пожалуй», напр.: *Бу јердин улусы, байла, ончозы бичикчи* (Кучияк, Аза-јалан). — «Жители этой местности, наверное, все грамотные»; *Бӱгӱн мен, байла, келбезим*. — «Сегодня я, наверное, не приду».

Усилительная частица *эн* выражает интензивную степень качества. Её модальный оттенок соответствует русской приставке «наи-» и слову «самый». Ставится *эн* впереди качественных имен, напр.: *Эн јакшызын талдап алган*. — «Выбрал самое лучшее»; *Эн јоктулары сол јанына турды (из эпоса)*. — «Самые бедные встали на левую сторону».

Частицы *эш*, *чек* и *чат* служат в качестве частиц, усиливающих и обобщающих отрицание всего высказывания. Они соответствуют русскому отрицательному местоимению «ничего», ср.: *Ол эш неме балбей отурды*. — «Он ничего не знал»; *Чат болјада койдым*. — «Ничего не мог сделать».

Частица *там* усиливает высказывание в целом, соответствуя русскому сочетанию «еще сильнее», напр.: *Ол там оорый берди*. — «Он заболел еще сильнее»; *Ол там јарана берген*. — «Он еще больше похоронился».

Конечно, вопрос об отнесении всех вышеупомянутых слов полностью к частицам не ставится категорически, так как в них обнаруживаются черты знаменательных слов, хотя в приведенных примерах они во многом утратили лексическую значимость.

3. Частицы-связки, средние между грамматическими формами глагола и модальными частицами.

Разнообразные оттенки глагольной модальности выражаются формами глаголов *э*, *ий*, *бол*. Частицы-связки этого типа выражают не связь между синтаксическими группами, а передают модальные оттенки возможности, желательности и условности высказывания в целом. К этой группе частиц относятся глагольные формы *эмтир*, *эмеш*, *эди*, *эмес*, *ийне*, *эмей*, *болбой*.

Частица-связка *эмтир* — форма от недостаточного глагола *э*, входящая в сложное сочетание с глаголом *тур*¹. Частица *эмтир* имеет форму лица, выражает оттенок вероятности или неожиданности и соответствует русским модальным словам «оказывается», «будто», напр.: *Бир эмеген аарчы јайып, кӱнге кургадып аларга турган эмтир*

¹ См. Н. А. Баскаков. «Очерк грамматики ойротского языка», стр. 287.

(Улагашев, Малчи-Мерген). — «Оказывается, одна женщина разложила творог, чтобы высушить (его) на солнце»; *База ла көрзөм, кўр бут алдынан јўре отурган эмтир* (Кучияк, Алтайда). — «И вижу я, что будто мост уходит из-под моих ног».

Кроме сочетания с формой сказуемого, частица *эмтир* прибавляется к любой части речи, напр.: *Удура келип јаткан кижги менин таныжым эмтир*. — «Человек, который шел мне навстречу, оказался моим знакомым».

Частица *эмеш* выражает неуверенность, удивление, соединенное с любопытством. В этом случае она употребляется с вопросительной частицей *пе* (*эмеш пе*) и соответствует русским вопросительным частицам «неужели», «ли», ср.: *Ол эмеш пе?* — «Неужели это он?»; *Көргөн эмеш пе?* — «Неужели он мог видеть?».

Частица *эди* в форме прошедшего определенного времени от глагола *э* имеет форму лица и выражает:

а) оттенок сожаления по поводу несостоявшегося намерения, соответствуя русской частице «бы»: *Анаар барган болзом, ого туштаар эдим*. — «Если бы я поехал туда, мог бы его встретить»;

б) напоминание уже известного факта, в соответствии русской частице «было», напр.: *Мен ого айткан эдим, ол тообой салды*. — «Я было говорил ему, но он не принял во внимание»;

в) оттенок неуверенного вопроса, связанного с вежливым осведомлением или сообщением: *Кайдан келген кижги эдеер?* — «Откуда вы прибыли?» (букв.: «Откуда прибывший человек вы есть?»);

г) предположительное условие, допускающее возможность действия в представлении говорящего; в этом случае частица *эди* сочетается с глаголом будущего времени, например: *Мен атту болгон болзом, одынды слерге тартып берер эдим*. — «Если бы я имел лошадь, то я мог бы привезти вам дрова»;

д) в сочетании с отрицательным причастием настоящего-будущего времени частица *эди* выражает раскаяние или досаду, ср.: *Андый болотонун билген болзом, анайда мендебес эдим*. — «Если бы я знал, что будет так, я не торопился бы».

Частица *эмес* структурно является отрицательной формой причастия будущего времени от глагола *э*. В качестве частицы *эмес* отрицает только то слово, которое непосредственно предшествует ему, будь это имя или глагол. *Эмес* имеет форму лица. По значению соответствует русской отрицательной частице «не», напр.: *Кабымда олөн эмес*. — «В моей суме не трава». Или: *Олөн кабымда эмес*. — «Трава не в моей суме»; *Мен оны көргөн эмезим*. — «Я же не видел его».

Частица *эмес* в сочетании с отрицательной частицей *да*, вне контекста, образует полное отрицание, соответствующее русским отрицательным местоимениям с предлогом «ни с кем», «ни у кого» и др.: *кемде де эмес* — «ни с кем»; *кемде де эмес* — «ни у кого»; *кайдар да эмес* — «никуда»; и др.

Частица *ийне* в сочетании с именами усиливает утверждение, как отдельных слов, так и целых высказываний. По синтаксической функции она соответствует русской частице «ведь» (*ведь ... это; ведь ... еще; ведь ... уже; ведь ... же*), напр.: *Ол туру ийне*. — «Ведь это он стоит»; *Ол кече келген ийне*. — «Ведь он еще вчера приехал»; *Ончозы јўре берген ийне*. — «Ведь все уже уехали»; *Ол институт божодып салган ийне*. — «Ведь он окончил институт».

Частица *эмей* — форма, восходящая к сложному сочетанию недостаточного глагола *э* с формой отрицательного причастия. По значению частица *эмей* соответствует частице *ийне*.

Так же, как *ийне*, частица *эмей*, заканчивая предложение, выражает решительное утверждение, направленное против явно высказанных или предполагаемых возражений или мнений. По синтаксической функции она соответствует русской частице «ведь», напр.: *Озогы менин јшит чагымнын ат саадагым эмей* (Кучияк, Алтайда). — «Ведь это (мой) конь и лук времен моей молодости и силы».

Частица *болбой* выражает неуверенность. Происходит от глагола *бол* — «*быть*». Кроме основного значения настояще-будущей описательной формы *болбой*, в качестве частицы, означает предположение, неуверенность высказывания. По синтаксической функции соответствует русским модальным словам «*наверное*», «*кажется*», ср.: *Кара-боро атту келген кижжи Канкай-Кара баатыр болбой*. — «Приехавший на коне Кара-боро, наверное, богатырь Канкай-Кара».

Таким образом, союзы и частицы имеют формальное служебное значение. Однако между служебным значением их устанавливается некая разница, напр.: мы видели, что послелоги входят в смысловую структуру предложения и несут те же синтаксические функции, что и падежи. Они развивают, дополняют, усиливают то значение, которое принадлежит самой падежной форме. Значение союзов определяется ролью выразителя того или иного сочетания. Они раскрывают значение словосочетаний и, тем самым, приобретают значение необходимого связующего элемента. Частицы же лишены лексической самостоятельности и выполняют чисто служебную роль в составе предложений, слов и словосочетаний, усиливая или оттеняя те или иные грамматические формы.

Таким образом, проведение границ между союзами и частицами представляется делом довольно сложным. Основным грамматическим принципом частиц является их несамостоятельность при отсутствии определенной синтаксической функции. Будучи служебными словами, частицы в качестве члена предложения выступать не могут. Союзы же выражают синтаксические отношения как между словосочетаниями, так и между однородными членами предложения и между частями сложносочиненного предложения. Союзы характеризуются тем, что они в речи не имеют словесного ударения.

ТЕЛЕНГИТСКИЙ ДИАЛЕКТ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Алтайский язык состоит, как известно, из двух групп диалектов — южной, куда входят алтайский, теленгитский и телеутский диалекты, и северной, которая включает также три диалекта: туба, кумандийский и челканский.¹

Изучение всех этих диалектов, являющихся главной питательной артерией общенародного алтайского языка, представляет большую ценность. Оно дает возможность правильнее и глубже уяснить закономерности современного алтайского языка, осмыслить его историю, проследить пути развития его звукового строя, лексического состава и грамматических категорий.

Данная статья посвящена описанию одного из диалектов южной группы — теленгитского — по материалам двух экспедиций, организованных Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы: в Улаганский аймак (1956 г.), в Қош-Агачский аймак (1959 г.). Описываемый диалект, на котором говорят жители — алтайцы этих двух аймаков, освещается в литературе впервые, хотя носители его занимают значительную территорию области.

Материалы, собранные во время двух экспедиций, позволяют сделать вывод о том, что изучение диалектов улаганских и кош-агачских теленгитов представляет несомненный научный интерес.

Значительное расхождение теленгитского диалекта с алтайским литературным языком выступают в долготах гласных, в законах губной и небной гармонии, в своеобразном употреблении гласных и согласных фонем в той или иной позиции, в некоторых грамматических категориях и в лексике.

Указанные особенности диалекта рассматриваются ниже, главным образом в плане их сопоставления с нормами литературного языка, в следующем порядке: 1) фонетические особенности, 2) морфологические особенности и 3) лексические особенности.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

По своему звуковому составу теленгитский диалект не имеет существенных отличий от литературного языка. В нем имеются те же восемь

¹ Подробно о группировках алтайских диалектов см. работу Н. А. Баскакова «Алтайский язык», М., 1958.

гласных фонем¹, что и в литературном языке: *а, э, (е), о, ъ, ы, и, у, ү*.
Согласных фонем, как и в литературном языке, двадцать три: *б, в, г, д, ж, й, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*, причем фонемы *ф, х, ц, щ* употребляются только в заимствованных словах.

Необходимо отметить, что согласные фонемы *ф, х, ц, щ* и в заимствованных словах наблюдаются преимущественно в речи молодежи и интеллигенции, а в речи стариков они, как правило, не встречаются.

Согласная фонема *в*, которая в литературном языке употребляется только в заимствованных словах, в теленгитском диалекте является самостоятельной фонемой, например:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>болвой</i>	<i>болбой</i> — возможно
<i>илвек</i>	<i>илмек</i> — вешалка
<i>куваар</i>	<i>кугарган</i> — побледневший

Наличие данной фонемы, возможно, является результатом влияния тувинского языка, в котором фонема *в* является самостоятельной, ср.:

<i>довурак</i> — земля, почва	<i>тавак</i> — тарелка
<i>кавай</i> — колыбель	<i>тово</i> — верблюды
<i>ковей</i> — много	<i>шиви</i> — ель
<i>сава</i> — посуда	

Хотя, как замечено, звуковой состав описываемого диалекта мало чем отличается от звуков литературного языка, теленгитский диалект обладает рядом таких фонетических особенностей, которые присущи только ему.

1. Долготы гласных

Долгих гласных фонем в теленгитском диалекте, как и в литературном языке, восемь: *аа, ээ, (ее), оо, ъъ, ыы, ии, уу, үү*, причем эти гласные встречаются как в основах, так и в аффиксах.

Имеющиеся материалы показывают, что в данном диалекте существуют долгие гласные трех типов:

а) образованные в результате стяжения двух слогов в один слог, вследствие выпадения согласного, стоявшего между гласными, ср.:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>кажаа</i>	<i>кажаган</i> — скотный двор
<i>капчаай</i>	<i>капчагай</i> — быстро, скоро
<i>јабаа</i>	<i>јабага</i> — жеребёнок
<i>караан</i>	<i>карган</i> — старик, престарелый
<i>боо</i>	<i>бого</i> — здесь, тут
<i>бозоо</i>	<i>бозого</i> — порог
<i>буун</i>	<i>бүгүн</i> — сегодня
<i>кудаай</i>	<i>кудагай</i> — сватья
<i>кечааады</i>	<i>кечегидий</i> — как вчерашний
<i>экинчеаа</i>	<i>экинчиге</i> — во второй
<i>тöртинчеаа</i>	<i>тöртинчиге</i> — в четвертый

¹ Как гласные, так и согласные фонемы рассматриваются с акустической точки зрения, т. е. как они воспринимаются на слух. Артикуляционные характеристики опускаются за отсутствием точных данных.

б) образованные в результате выпадения конечного согласного, которые в тюркологической литературе называют заместительными долготами, ср.:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>суу</i> (<i>суг</i>)	<i>суу</i> — вода
<i>уул</i> (<i>огул</i>)	<i>уул</i> — сын
<i>туу</i> (<i>таг</i>)	<i>туу</i> — гора
<i>буу</i> (<i>буг</i>)	<i>буу</i> — пар
<i>туу</i> (<i>туг</i>) — родить, нестись	<i>туу</i> — нестись (о птицах);

в) корневые долготы,¹ например:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>баажым</i>	<i>бажым</i> — моя голова
<i>баарды</i>	<i>барды</i> — ушел
<i>чаалын</i>	<i>чалын</i> — роса
<i>тежип</i>	<i>тежип</i> — продырявив
<i>боош</i>	<i>бош</i> — досуг, пустой, свободный
<i>кõбзѳм</i>	<i>кõзим</i> — мой глаз

Следует сказать, что слов с последним типом долготы гласных удалось записать немного.

Таким образом, рассмотрев типы и пути образования долгих гласных в теленгитском диалекте, можно сказать, что в лексике диалекта, хотя и в небольшом количестве, имеются слова с корневыми долготами. По степени употребления долгот теленгитский диалект также несколько отличается от литературного языка. В речи теленгитов преобладает, сравнительно с литературным, употребление слов с долгими гласными (ср. примеры выше).

2. Гармония гласных

В теленгитском диалекте существуют оба вида сингармонизма: нёбная гармония гласных и губная гармония.

Из двух видов сингармонизма более последовательной является губная гармония гласных в именных основах. Законам нёбной и губной гармонии, по нашим наблюдениям, не подчиняется аффикс причастия настоящего-будущего времени — *аар*, стяженный аффикс причастия прошедшего времени — *аан* и отрицательная частица *би/пи*. Правда, это положение требует дополнительного изучения.

Примеры на губную гармонию в именных основах:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>мултук</i>	<i>мылтык</i> — ружьѳ
<i>мойун</i>	<i>мойын</i> — шея
<i>койун</i>	<i>койын</i> — пазуха
<i>орун</i>	<i>орын</i> — место, кровать

¹ Термин «корневые долготы» принимается условно для обозначения долгот, которые встречаются в словах основного лексического фонда и пока не могут быть разъяснены как долготы, образованные в результате стяжения слогов или как заместительные.

одун
суску
күрүк

бойун
мүрү
колум
өдүгүм

одык — дрова
суску — ковш
күрүк — инструмент для выделки
шкурок

бойун — себя
бүри — (его) листья
колум — моя рука
өдүгүм — моя обувь

Примеры на губную гармонию в глагольных основах:

теленгит. диалект

көдүре-аар
jүрзе-аар
көрзе-аар
jөптөбе-аан
көстөлбе-аан
коркаре-аан
көшпе-аан
өшпе-аан
jул-би-й jат
түш-пи-й jат
өс-пи-й jат

литературный язык

көдүр-ер — будет поднимать
jүрзе-ер — заходите
көрзө-гөр — смотрите
jөптөбө-гөн — не утвердили
көстөлбө-гөн — не выдвинули
коркы-ган — испугался
көчпө-гөн — не переехал
өчпө-гөн — не погас
jул-ба-й jат — не теребит
түш-пе-й jат — не спускается
өс-пө-й jат — не растёт

Примеры на нёбную гармонию:

теленгит. диалект

jетире-аар
белете-аар
не боле-аар-ды
ишпе-аар
чачыйе-аар
эдилбе-аан
билбе-аан
саларе-аан
jamда-би-й jат
ашкар-би-й jат
чык-пи-й jат
кичеаа-би-й jат

литературный язык

jетир-ер — доставьте
белете-ер — будем готовить
не болерди — что случилось
ичпе-ер — не пейте
чачып ийгер — забросьте
эдилбе-ген — не сделано
билбе-ген — не знал
сала-бер-ген — уехал
сибир-бе-й jат — не метет
азыра-ба-й jат — не кормит
чык-па-й jат — не выходит
киче-бей jат — не старается.

Таким образом, отличительной особенностью теленгитского диалекта в области гармонии гласных является резко выраженная и последовательно проводимая губная гармония гласных в именных основах и нарушение в целом ряде случаев нёбной гармонии гласных.

3. Звуковые соответствия

Собранные материалы показывают, что имеются разного рода соответствия звуков теленгитского диалекта и литературного языка.

Без сравнительного исторического изучения этого вопроса трудно говорить о каких-либо языковых явлениях. Необходимо дальнейшее специальное исследование соответствующих данных. Поэтому мы приводим лишь некоторый фактический материал.

а) Соответствия в области гласных:

теленгит. диалект	литературный язык
	ы-а
арый	арай — медленно, осторожно, едва
агыш	агаш — дерево
кайынгыш	кайынаш — берёзонька
	ы-и
ымдап ийди	имдеп ийди — подмигнул
чий	чий — сырой, недоваренный, недоспелый
	у, ү-и, ы
муну	мыны — этот, эта, это
мултук	мылтык — ружьё
улбан	ылан — подошва, подметка
ураады	ыраады — удалился
мјндјур	миндир — посадить верхом
	уу, үү-оо, өө
суук	соок — холод, мороз
мббс	мјјс — рога

б) Соответствия в области согласных:

теленгит. диалект	литературный язык
	ч-ј
чети	јети — семь
частык	јастык — подушка
чектеаан	јектеген — забраковал
	ч-т
чыкаары	тышкары — наружу, наружный
чышкаары	тышкары — наружу, наружный
	ч-ш, ж
шонкор	шонкор — сокол
шибе	шибе — шило
капчаай	капшагай — быстро, скоро
чылаан	шылаган — расспрашивал, допрашивал
чурум	шурум — аппарат для перегонки араки
чјлјзин	шјлјзин — рысь
топчуур	топшуур — двухструнная балалайка
алчийак	апшийак — старик
чулмус	шулмус — циклоп, злое существо
јачык	јажык — пенный, вялый
чынгыр	шынгыр — лязг

ш-ч

йиш	йч — три
пышкак	бычкак — кожа ног животных и зверей
шадыр	чадыр — шатёр, палатка
кйиш	кйч — сила, мощь

м-б/п

јемрен	јебрен — древность, древний
маргаа	баргаа — сочная трава, бурьян
маатыр	баатыр — богатырь, герой
мйр	бйр — лист древесный
мышкыр	бышкыр — фыркать
мечке	печка — печка
тонмос суу, тонмо суу	тонмос суу — незамерзающая вода

б/п, в-м

јаба	јама — починить
быйта, мыйта	мынайда — так, таким образом, вот так
пыкынын	мыкынын — боковая часть
илвек	илмек — вешалка

з/с-ж/ш

болгозин	болгожын — когда будет
кйргёжин	кйргёжин — когда посмотрит
јелгезин	јелгежин — когда поедет рысью
айдыспаанча	айдышпанча — не говорить нельзя

к/г

агып чат	агып јат — течёт
карагай	карагай — сосна

4. Прочие изменения гласных и согласных

а) В теленгитском диалекте, как в литературном языке, имеются беглые гласные, которые в безударном положении иногда выпадают. Обычно выпадению подвергаются узкие гласные, но в теленгитском диалекте, наряду с узкими гласными, встречаются случаи выпадения широких гласных, например:

теленгит. диалект	литературный язык
бёрки	бёрйеги — шапка
арјанда	ары јанында — находящийся по ту сторону
кай креде	кажы киреде — в какое время
аркы	аракы — вино, водка

В отдельных словах теленгитского диалекта встречается обратное явление с беглыми гласными, ср.:

теленгит. диалект	литературный язык
кйрймес	кйрмёс — бес, дьявол, чёрт
унудуп	ундып — забыв

б) В изучаемом диалекте — в результате слияния послелога *была/биле*, *пыла/пиле* с предшествующим собирательным числительным в одно целое слово, по существующим фонетическим законам выпадения гласных и согласных в тюркских языках, — образуется интересное стяжение, значительно отходящее от исходной формы слов, например:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>экилбези</i>	<i>экилези</i> — оба, обе, двое
<i>үчүлбези</i>	<i>үчүлези</i> — трое
<i>төртүлбези</i>	<i>төртүлези</i> — четверо
<i>бежүлбези</i>	<i>бежүлези</i> — пятеро

Надо полагать, что первоначально указанные числительные с послелогом *била/была* употреблялись в такой форме: *эки биле + зи* — оба, обе, двое; *үчү биле + зи* — трое; *төртү биле + зи* — четверо; *бежү биле + зи* — пятеро. Позднее вследствие выпадения узкого гласного и в послелого *биле/была* произошло стяжение в виде сочетания *бл/ези/*.

Сочетание согласных *бл/ези/* для теленгитского диалекта является неупотребительным, поэтому здесь проявляется имеющееся в тюркских языках явление метатезы, т. е. перестановка звуков *бл/ези/* вместо *бл/ези/*.

Таким образом, специфические фонетические преобразования, которые произошли в послелого *биле/была*, изменили структуру собирательных числительных в теленгитском диалекте.

Подобные же преобразования произошли в словах:

алтыртынан — снизу
үстүртүнен — сверху

Здесь, видимо, первоначально было *алты турартынан* или *кедертинен*, *үстү турартынан* или *кедертинен*.

Потом, в процессе слияния двух самостоятельных слов в одно целое, произошло выпадение первой части *тура* или *кеде* в словах *турартынан* или *кедертинен*, в результате чего образовалось интересное словосочетание *алтыртынан*, *үстүртүнен*.

Морфологические особенности

Грамматический строй теленгитского диалекта в основном совпадает с грамматическим строем литературного языка. Однако и здесь можно отметить некоторые особенности, в частности морфологического характера.

1. Одна из особенностей проявляется в падежных окончаниях имён существительных.

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Единственное число

Множественное число

Падежи.	Теленгит. диалект.	Лит. язык.	Теленгит. диалект.	Лит. язык.
Основ.	<i>төө «верблюд»</i>	<i>төө</i>	<i>төөлөр</i>	<i>төөлөр</i>
Родит.	<i>төө-дин</i>	<i>төө-нин</i>	<i>төөлөр-дин</i>	<i>төөлөр-дин</i>

Дат.	тõбгõ	тõбгõ	тõблõргõ	тõблõргõ
Винит.	тõб-ди	тõб-ни	тõблõр-ди	тõблõр-ди
Творит.	тõблõ	тõблõ	тõблõрлõ	тõблõрлõ
Местн.	тõбдõ	тõбдõ	тõблõрдõ	тõблõрдõ
Исходн.	тõб-нõн	тõб-дõн	тõблõр-дõн	тõблõр-дõн
Основн.	бала «ребенок»	бала	балдар	балдар
Родит.	бала-дын	бала-нын	балдар-дын	балдар-дын
Дат.	балага	балага	балдарга	балдарга
Винит.	бала-ды	бала-ны	балдар-ды	балдар-ды
Творит.	балала	балала	балдарла	балдарла
Местн.	балада	балада	балдарда	балдарда
Исходн.	бала-нан	бала-дан	балдар-дан	балдар-дан
Основн.	õзýм «растение»	õзýм	õзýмдер	õзýмдер
Родит.	õзýм-дин	õзýм-нин	õзýмдер-дин	õзýмдер-дин
Дат.	õзýмге	õзýмге	õзýмдерге	õзýмдерге
Винит.	õзýмди	õзýмди	õзýмдерди	õзýмдерди
Творит.	õзýмле	õзýмле	õзýмдерле	õзýмдерле
Местн.	õзýмде	õзýмде	õзýмдерде	õзýмдерде
Исходн.	õзýм-ден	õзýм-нен	õзýмдер-ден	õзýмдер-ден
Основн.	ýун «собрание»	ýун	ýундар	ýундар
Родит.	ýун-дын	ýун-нын	ýундар-дын	ýундар-дын
Дат.	ýунга	ýунга	ýундарга	ýундарга
Винит.	ýунды	ýунды	ýундарды	ýундарды
Творит.	ýунла	ýунла	ýундарла	ýундарла
Местн.	ýунда	ýунда	ýундарда	ýундарда
Исходн.	ýун-дан	ýун-нан	ýундар-дан	ýундар-дан
Основн.	ан	ан	андар	андар
Родит.	ан-дын	ан-нын	андар-дын	андар-дын
Дат.	анга	анга	андарга	андарга
Винит.	анды	анды	андарды	андарды
Творит.	анла	анла	андарла	андарла
Местн.	анда	анда	андарда	андарда
Исходн.	ан-дан	ан-нан	андар-дан	андар-дан

Рассмотрев изменение некоторых существительных теленгитского диалекта и литературного языка по падежам, можно отметить, что существительные теленгитского диалекта, оканчивающиеся на гласные, в родительном, винительном и исходном падежах единственного числа имеют различия в окончаниях.

В родительном падеже диалект имеет окончание *-дин-дын* вместо литературного *-нин-нын*, в винительном *-ди-ды* вместо *-ни-ны* и в исходном падеже *-нан-нен* вместо *-дан-ден*.

В падежных окончаниях существительных теленгитского диалекта, имеющих различия с литературным языком, при сравнении с другими тюркскими языками, наблюдается сходство с акногайским диалектом ногайского языка,¹ киргизским и башкирским языками².

Рассмотрим сходство окончаний родительного, винительного, ис-

¹ Примеры взяты из ст. С. А. Калмыковой «О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка». Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, вып. III, Черкесск, 1959.

² Примеры взяты из «Исследования сравнительной грамматики тюркских языков», изд. АН СССР, ч. II, М., 1956.

ходного падежей теленгитского диалекта с указанными языками на конкретных примерах:

а) теленгит. диалект

кеме-дин — лодки
бала-дын — ребѣнка
эм-дин — лекарства
кан-дын — крови
тан-дын — зари
кеме-ди — лодки
бала-ды — ребѣнка
тилим-ден — из кусочка
тон-дон — из шубы
тан-дан — с зари

акногайский диалект

кеме-дјнѣ — парохода
бала-дынѣ — ребѣнка
адем-дјнѣ — человека
кѣан-дынѣ — крови
танѣ-дынѣ — зари
кеме-дј — парохода
бала-ды — дитя
келјм-денѣ — из дохода
тон-дан — из шубы
танѣ-данѣ — с зари

Таким образом, теленгитский диалект имеет сходство с акногайским диалектом ногайского языка в единственном числе в окончаниях родительного и винительного падежей после основ на гласные и в окончаниях исходного после основ на согласные м, н, ѣ.

б) теленгит. диалект

кийим-дин — одежды
казан-дын — котла
тан-дын — зари
кийим-ден — с одежды
казан-дан — из котла
тан-дан — с зари

киргизский язык

кийим-дин — одежды
казан-дын — котла
тан'-дын — зари
кийим-ден — с одежды
казан-дан — из котла
тан'-дан — с зари

Из приведенных примеров видно, что сходство падежных окончаний данного диалекта с киргизским языком наблюдается в окончаниях родительного и исходного падежей единственного числа после основ на согласные м, н, ѣ.

в) теленгит. диалект

абра-нан — с телеги
кижи-нен — с человека
јайым-дан — от свободы
койон-дон — из зайца
тан-дан — с зари

башкирский язык

арба-нан — с телеги
сэскэ-нэн — из цветка
кэлэм-дэн — из пера
куян-дан — из зайца
тан'-дан — с зари

Итак, теленгитский диалект имеет сходство с башкирским языком в окончаниях исходного падежа единственного числа после основ на гласные и согласные м, н, ѣ.

2. Некоторые отличия личных местоимений

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в рассматриваемом диалекте оформляются через гласный а. Личное местоимение 2-го лица множественного числа оформляется посредством гласного е, например:

теленгит. диалект

*маа//мага
саа//сага
селер*

литературный язык

*мее//меге — мне
сее//сеге — тебе
слер — вы*

Личное местоимение 1-го лица множественного числа в родительном падеже наряду с аффиксом *-тин* имеет аффикс *-тун*, например:

теленгит. диалект

*бис-тин колхоз
бис-тин малус
бис-тун бызаа*

литературный язык

*бис-тин колхоз — наш колхоз
бис-тин малыбыс — наш скот
бис-тин бозубыс — наш теленок*

3. Аффиксы принадлежности единственного числа и аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа в диалекте употребляются с губными вариантами. Аффиксы принадлежности единственного числа с губными вариантами употребляются в словах с основами на губные гласные, например:

теленгит. диалект

*кѳѳз-ѳм
кол-ум
мойун-ум
ѳдѳг-ѳн
орун-ун
койун-ун
мѳр-ѳ
орн-у
мултуг-у*

литературный язык

*кѳз-им — мои глаза
кол-ым — моя рука
мойын-ым — моя шея
ѳдѳг-им — твоя обувь
орун-ым — твоя кровать
койын-ым — твоя пазуха
бѳр-и — его листья
орын-ы — его место
мылтыг-ы — его ружье*

Аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа с губным вариантом употребляется в усеченной форме, например:

теленгит. диалект

*мал-ус
тартар-ус
барар-ус
билбес-ѳс
божобон-ус*

литературный язык

*мал-ыс — наш скот
тартар-ыс — будем возить
барар-ыс — поедем
билбес-ис — не знаем
божобогон-ыс — не были сво-
бодны*

*божоткон-ус
ѳлеаар-ус
былаар-ус
кѳшеаар-ѳс
ѳдеаар-ус*

*божоткон-ыс — отпустили
ѳлер-ис — будем делить
блаар-ыс — отберем
кѳчѳр-ис — будем переезжать
ѳдѳр-ис — будем проходить*

4. Глаголы прошедшего времени в 1-м лице множественного числа в усеченной форме принимают аффиксы *-к* вместо литературного аффикса *-с*, ср.:

теленгит. диалект

*баарды-к
берди-к*

литературный язык

*барды-с — ушли
берди-с — отдали*

келди-к
јатту-к
јүрдү-к

келди-с — пришли
јатты-с — лежали
јүрди-с — ходили

В теленгитском диалекте глаголы прошедшего времени наряду с аффиксами *-ди-ды-ти-ты* имеют варианты с губными гласными *у, ү*, ср.:

теленгит. диалект

јат-ту-с
ук-ту-с
тур-ду-с
ал-ду-с
иште-дү-с
көстө-дү-с

литературный язык

јат-ты-с — мы лежали
ук-ты-с — мы слышали
тур-ды-с — мы стояли
ал-ды-с — мы взяли
иште-ди-с — мы работали
көстө-ди-с — мы выдвинули

Аффиксы с губными вариантами больше употребляются в речи представителей старшего поколения и детей дошкольного возраста.

5. Причастие настоящего-будущего времени имеет только аффикс *-аар* с долгим гласным без фонетических вариантов, а по действующим нормам орфографии алтайского литературного языка причастия настоящего-будущего времени имеют аффикс *-ар* с фонетическими вариантами *-ер-ор-өр*, в которых долгота гласных зависит от конечного звука основы слова, ср.:

теленгит. диалект

ише-аар
көдүр-аар
күйе-аар
кезе-аар
келде-аар ба!
кире-аар
иште-аар
көкте-аар
кожомде-аар

литературный язык

ич-ер — будет пить
көдүр-ер — будет поднимать
күй-ер — будет гореть
кез-ер — будет резать
келд-ер бе! — пришли!
кир-ер — будет заходить
иште-ер — будет работать
көктө-өр — будет шить
кожомдо-ор — будет петь

6. Причастие прошедшего времени в диалекте наряду с аффиксом *-ган* с фонетическими вариантами имеет аффиксы *-аан-ан*, которые образовались в процессе выпадения согласных *г, к* в аффиксе *-ган*. Аффиксы *-аан-ан* употребляются в отрицательных причастиях и в причастиях с основами на гласные.

В тех случаях, когда отрицательная частица и основа слова выступают с гласным *а*, употребляется аффикс причастия прошедшего времени *-ан*. Если отрицательная частица и основа слова — с гласным *е*, то употребляется аффикс *-аан*, например:

теленгит. диалект

бар-ба-ан
сал-ба-ан
угул-ба-ан
тур-ба-ан
кышыр-ба-ан
јүр-бе-аан

литературный язык

бар-ба-ган (бар-ба-ан) — не ходил
сал-ба-ган (сал-ба-ан) — не ложил
угул-ба-ган (угул-ба-ан) — не слышно
тур-ба-ган (тур-ба-ан) — не встал
кычыр-ба-ган (кычыр-ба-ан) — не приглашал
јүр-бе-ген (јүр-бе-ен) — не ходил

<i>түш-пе-аан</i>	<i>түш-пе-ген (түш-пе-ен)</i> — не спустился
<i>бер-бе-аан</i>	<i>бер-бе-ген (бер-бе-ен)</i> — не давал
<i>жет-пе-аан</i>	<i>жет-пе-ген (жет-пе-ен)</i> — не доехал, не дошел
<i>черетел-бе-аан</i>	<i>черетел-бе-ген (черетел-бе-ен)</i> } — 'небелёный
<i>өл-бе-аан</i>	<i>өл-бө-гөн (өл-бө-өн)</i> — не умер
<i>төлдө-бе-аан</i>	<i>төлдө-бө-гөн (төлдө-бө-өн)</i> — не платил
<i>тиште-аан</i>	<i>тиште-ген (тиште-ен)</i> — укусил
<i>ўже-аан</i>	<i>ўжы-ган (ўжы-ан)</i> — приморозил

7. В теленгитском диалекте отрицательная частица *ба-бе, па-пе* имеет фонетический вариант с гласным *и (би-пи)*, ср.:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>бар-ба-ан</i>	<i>бар-ба-ган</i> — не ходил
<i>тур-ба-ан</i>	<i>тур-ба-ган</i> — не вставал
<i>ойно-бе-аар</i>	<i>ойно-бо-гор</i> — не играйте
<i>бер-бе-аар</i>	<i>бер-бе-гер</i> — не давайте
<i>кеч-пе-аар</i>	<i>кеч-пе-гер</i> — не переходите
<i>кир-би-нче</i>	<i>кир-бе-генче</i> — не заходя
<i>иштен-би-й жат</i>	<i>иштен-бе-й жат</i> — не работает
<i>кел-би-нче</i>	<i>кел-бе-генче</i> — не приходя
<i>ыйлеаа-би-й жат</i>	<i>ыйла-ба-й жат</i> — не плачет
<i>бас-пи-й-там</i>	<i>бас-па-й-там</i> — не хожу
<i>садыш-пи-й жат</i>	<i>садыш-па-й жат</i> — не торгует
<i>эт-пи-й жат</i>	<i>эт-пе-й жат</i> — не делает

8. Послелог *была-биле* в диалекте употребляется в полной форме, ср.:

Ойын была, ыргал была [юртуп отурат. — Едет играя и веселясь. Эки канаттыг алдына *кара сангис была* бичик чийди. — Написала письмо под крыльями черной смолой. *Эрди биле* сарын салат, *эргек биле* шоор тартат. — Губами песню поет, большим пальцем в дудку играет. Ак малын *камчы была*, албаты-жонун *ўлдў биле* айдады. — Скот угонял бичем, людей — саблей.

9. Словосочетание *тўк наар, тўкў наар* — «туда» указывает направление. Оно по значению соответствует литературному словосочетанию *ту анары* — «туда», но имеет другое оформление. Указательная частица *ту* — «вон», оформлена в виде *тўк, тўкў*; наречие *анары* — «туда», оформлено в виде *наар*, например: *тўк наар баарды* — туда ушел; *анын ўйи тўк наар* — его дом — туда; *өлөнгө тўкў наар баарды* — за сеном уехали туда; *тўкў жадыры* — вон лежит.

10. Слово *кайди* в теленгитском диалекте употребляется в усеченной форме *кай, кайа, кайы*, ср.:

теленгит. диалект	литературный язык
<i>кай баарды</i>	<i>кайда барды</i> — куда ушел
<i>кай креде</i>	<i>кажы киреде</i> — в какое время
<i>кай унудубас</i>	<i>канайда ундыбас</i> — как, каким образом не забыть
<i>кай азеаар</i>	<i>канайда азар</i> — как, каким образом варить
<i>кайа салааайын</i>	<i>кайда салайын</i> — куда положить
<i>кайы айда</i>	<i>кажы айда</i> — в каком месяце

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Собранные материалы свидетельствуют, что в словарном составе теленгитского диалекта имеется множество понятий, которые обозначаются иными словами, чем в литературном языке.

Их можно разделить на следующие группы:

1. Термины родства

теленгит. диалект	литературный язык
уулда	таада — дедушка по отцу
тайдам	таада — дедушка по матери
аба	ака — старший брат
чааны	бблб — двоюродный брат
	двоюродная сестра
абызын	баја — сношенница

2. Названия продуктов питания

арајан/аркы	аракы — вино
айрак	чеген — кислое молоко
тараа	тараан — просо, пшено
јапа	теке саал — дикий батун
сббктү чай	чуй чай — зеленый чай

3. Названия домашних животных и птиц

ийнек	уй — корова
бызаа	бозу — теленок
таак	такаа — курица
ортбк/чүрек	ортбк/суугуш — утка

4. Названия частей тела человека

саадак сокор	түн тиш — зуб мудрости
сокол	кбргүзечи сабар — указательный палец

5. Названия предметов домашнего обихода, одежды, украшений

јендү	сковорода — сковорода
челек	күп — посуда для квашения
јамдуур, јалмуур, јамду	молока
јамда	јалмуур/сибирги — веник
зрүле	сибир/јалма — подметать
кобыкчы	шкап — шкаф
тепшүүр	билектүүш — браслет
чанда	булавка — булавка
	шанда — ободранная кора
ашкар	березы
	азыра — кормить, питать

керени *үй*
сыр
јарган *јер*
таптаал, таптаа
кјүдүйн *јат*
көлдөн, чамча
јалаа
чири *өдүк*

кийис айыл — войлочная юрта
будук — краска
сүрген *јер* — вспаханная земля
тапкай — щелка
кабырып *јат* — пасет
чамча — рубашка
чачак — кисть шапки
тере *өдүк* — кожаная обувь

6. Некоторые другие имена различных категорий

төнгөк//төнгөзөк
түнке
суук
јарым
туш
сарын (јагар) *кожон*
өксүс
кептү
јалпыр

кайкалар
кайар
канаар
кайсы, кайызы

төнгөш — пеня
төнгөзөк — кочки
соок — холод, мороз
кезик — некоторый, отдельный
өй — время, пора, срок
кожон — песня
өксүс — сирота
кеберлү — подобный, похожий
бооду — неповоротливый, не-
уклюжий
канайдар — что делать
кайдар — что делать
кайдаар — куда
кажызы — который

7. Некоторые глаголы

туур
сингиреп
салып *куй*
ийе

салар — нестись
кезедип — угрожая, запугивая
салып *кой* — положи
ийе — утвердительная частица *да*

Таковы наиболее характерные особенности теленгитского диалекта. К статье приложены:

1. Список населенных пунктов, в которых собирались материалы.
2. Образцы текстов.

Тексты представляют собой запись разговоров, слышанных во время бесед, на собраниях и пр. Большинство этих разговоров носит бытовой характер. С точки зрения содержания они не представляют интереса и имеют ценность лишь как языковой материал в качестве иллюстраций.

По Улаганскому аймаку

1. Улаган	7. Саратан
2. Чибиля	8. Язула
3. Кара-Кудур	9. Коо
4. Тужар	10. Кок-Паш
5. Балыктуюль	11. Кайру
6. Паспарта	12. Балыкта

По Кош-Агачскому аймаку

1. Кош-Агач	7. Мухор-Тархата
2. Ортолук	8. Теленгит-Сортагой
3. Чаган-Узун	9. Ак-Тал
4. Курай	10. Кокоря
5. Чибит - <i>шиги Чибит</i>	11. Белеш
6. Бельтир	12. Узул-Тал

Образцы текстов отдельных предложений

Баажым агара берди, азу тижим тўже берди. — Голова поседела, клыки выпали.

Буун ойто баады. — Сегодня уехал обратно

Маа айтпады. — Мне не сказал.

Саа одун акелди бе? — Тебе привезли дрова?

Турнаа ўни танылу. — Голос журавля отличительный.

Озеаагы улус. — Прежний народ.

Печке баар ла *быжыраарга боожым* јок. — Печь есть, но нет времени печь.

Көбдүре улус андый. — Весь народ такой.

Көбзүм неме јетпий јат. — Глаза видят плохо.

Суук алган. — Простудился.

Сокиды бери акел. — Ступку принеси сюда.

Тошту сууды кечеаарге меним адым тайкылбас, *толчуур* согуп *ойнеаарга* меним колум чылабас. — Переехать реку, покрытую льдом, мой конь не поскользнется, играть на топшууре моя рука не устанет.

Тобдин курсагы. — Корм верблюда.

Эки өрбөкдин малын јангыс *кижаа* бичидип салган. — Скот двух семей записали на одного человека.

Магазиндан алган. — В магазине купили.

Адамдын ады Күмеш. — Отца имя Күмеш.

Балады ашкараар. — Накормите ребенка.

Меним кичик балам келди. — Пришел мой маленький ребенок.

Күскүде бистун иш көп. — Осенью у нас много работы.

Албатыды кылыш пыла ак быяанды *камчы* была айдады. — Людей угонял саблей, скот — бичом.

Ыраак албатыды бичик пиле кычырып турды, јуук јаткан эл-јонды *элчи биле* кычырып турды. — Людей, живущих далеко, приглашал письмами, живущих близко — через посланника.

Маа айтпады. — Мне не говорил.

Селер кайы барып тураар? — Куда вы едете?

Кыстарым үчүлбези кижжа барды. — Все три дочери вышли замуж.

Экилбези андап баарды. — (Все) двое уехали на охоту.

Јаш агышка мўр чаарган изў јай кайда. — Где лето, одевшее листвои молодые деревья.

Сырлу пол јакшы. — Крашеный пол хороший.

Бышкак өдүк јылу. — Обувь из лапок теплая.

Јаан-јаан јапаларды үзеаалып јизеаа ашу. — Если сорвать большой дикий батун и кушать, то горько.

Улда, Сереш сөс укпый јат. — Дедушка, Сережа не слушается.

Абам берди. — Дядя дал.

Боо келбинча барбыйтан. — Пока не побудет здесь, не поедет.

- Кай баарды.* — Куда поехал.
Аркыды кай азар. — Как перегонять араку.
Түйкү көрүнөт. — Вон виднеется.
Түйк наар угулды. — Вон там слышно было.
Конок кожо жаттык. — Жизнь прожили вместе.
Турады тудуп бердик. — Дом построили.
Чулмус бала турбий. — Ребенок, оказывается, бойкий.
Иштеаарге кичеабий жат. — Работать не старается.
Кечеаадый жылу болор. — Как вчера будет тепло.
Колу йжеаан јеринен тјшкеаан. — Рука, в обмороженном месте, отпала.
Куру тјшпеаан. — Заморозков не было.
Одүйктј көктигеаар. — Может шить обувь.
Бала экинчеаа көшкөдий ба? — Ребенок перейдет во второй?
Төртинчеаа көшкөм. — Перешел в четвертый.
Баладаг ла тургуза мунда иштеаан киж. — С детства работает здесь.
Буун на бастайтан. — Сегодня же начнет.
Чыккан күнүн бјлгүлебий жат. — День рождения не знают.
Күреш јадурус. — Боремся.
Ойноп алдус. — Наигрались.
Јерди јаркјйгон. — Землю вспахали.
Қырда шешектер көп. — На горе много цветов.
Тонмос суу. — Незамерзающая вода.
Чый сјтти кай ичеаар. — Как пить некипяченое молоко.
Күрмјш уйгенди суура салды. — Серебряную узду снял.
Алтыртынан көргөндө алты толукту Кан-Алтай, йстјртинен көргөндө үч толукту Кан-Алтай. — Если снизу посмотреть, то шестиугольным кажешься ты, почтенный Алтай, если сверху посмотреть, то треугольным кажешься ты, почтенный Алтай.
Ол кайдун баарды? — Куда он ушел?
-

АЛТАЙСКИЕ ВАРИАНТЫ КАЗАХСКОГО ЭПОСА «КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СЛУ»

I. «КОЗЮЙКЕ И БАЯН» Н. УЛАГАШЕВА, ЕГО СОСТАВ И ВАРИАНТЫ

Эпос «Козюйке и Баян» получил широкое бытование у северных алтайцев. Наиболее полный и распространенный его вариант был записан со слов сказителя Н. У. Улагашева в 1940 году. Запись произведена А. Роголевой и затем отредактирована Н. Куранаковым. Литературный перевод на русский язык сделан поэтом Евг. Березницким. Эпос был издан на русском языке в 1941 году, в Новосибирске, в сборнике «Алтай-Бучай»¹ на алтайском языке, в 1940 году — в сборнике «Чёрчөктөр»² и в 1960 году — во втором томе алтайского героического эпоса «Алтай баатырлар»³.

В своих примечаниях к «Козюйке и Баян» писатель А. Л. Коптелов пишет: «Узнав, что в репертуаре Н. У. Улагашева есть поэма, близкая к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу», мы заинтересовались — не есть ли это прямое заимствование от казахов. Но выяснилось, что Н. У. Улагашев никогда за пределы своего района не выезжал и с казахами не встречался. Поэму он перенял от своего отца, который исполнял ее с молодых лет. Отец его всю жизнь провел в той же долине Сары-Кокши, от которой до ближайших казахских кочевий было более четырехсот километров»⁴.

Возникает вопрос: откуда и каким образом появился этот эпос у алтайцев?

Чтобы ответить на него, необходимо проследить историю бытования вариантов эпоса у соседних с алтайцами племен и народов — телеутов и кузнецких татар. Как свидетельствуют источники, эпос «Козы-Корпеш и Баян-Слу» бытовал у сибирских татар⁵ и телеутов⁶.

Эпос «Козюйке и Баян», в отличие от ранее рассмотренного нами

¹ Н. У. Улагашев, «Алтай-Бучай». Ойротский народный эпос, под ред. А. Коптелова, Новосибирск, 1941, стр. 241—288.

² «Чёрчөктөр», Ойрот-Тура, 1940.

³ «Алтай баатырлар», т. II, Горно-Алтайск, 1960.

⁴ Примечания к «Козюйке и Баян», Н. Улагашев, «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941.

⁵ В. В. Радлов, «Образцы...», том IV, 1876 (наречие бараб. татар).

⁶ Г. Н. Потанин, «Телеутские материалы», Труды Томского общества изучения Сибири, Томск, 1915, т. III, вып. I.

алтайского эпоса «Козыи-Эркеш»¹, более близок к казахскому «Козы-Корпеш и Баян-Слу», и нам остается присоединиться к гипотезе А. Л. Коптелова о заимствовании его от казахов. Мы считаем, что это заимствование было не прямым, а опосредствованным. Передатчиком текста от казахов оказались сибирские татары и телеуты, находившиеся в близком контакте с алтайцами и казахами. О том, что это так, свидетельствуют варианты, записанные от этих народов, которые более близки к варианту Улагашева, нежели казахский вариант. В «Козюйке и Баян» совпадения с казахским «Козы-Корпеш и Баян-Слу» наиболее значительны в первой части. Что касается второй части, то здесь имеются существенные расхождения с казахской версией, но зато эта часть у алтайцев близка к вариантам барабинских татар и телеутов.

Говоря о заимствовании, мы отнюдь не собираемся умалять роль сказителей в творческом обогащении эпоса на алтайской почве бытования. Творческая обработка эпоса сказителями, напротив, очень ощутима. Длительное бытование эпоса на новой почве оставило свои заметные следы. Он был значительно приближен к эпической традиции алтайцев и подвергнут художественной и идейной переработке с учетом жизненных потребностей народа. Анализ текста показывает, что поэтические и художественные приемы, использование «общих мест», зачина, а также средств художественного изображения соответствуют эпической традиции алтайцев. Эпос «Козюйке и Баян» принял, если так можно выразиться, алтайскую, национальную форму.

Кроме Н. У. Улагашева, «Козюйке и Баян» знали сказители старшего поколения: Кабак Тадыжеков, Кадыр Отлыков, Сабак Боченов, которых Н. У. Улагашев считал своими учителями. Все они вели кочевой образ жизни, часто переходя от одних племен к другим. Возможно, что эти сказители слышали его от казахских жыгенов, а вернее всего — от телеутов. В настоящее время, кроме улагашевского варианта эпоса, известен текст, записанный со слов колхозника Алмадакова Григория Павловича², жителя того же района, в котором родился и жил Улагашев. По свидетельству земляков сказителя Улагашева, эпос «Козюйке и Баян» очень популярен среди северных алтайцев.

Уроженец того же села, что и Н. У. Улагашев, В. А. Адуков сообщает: «Козюйке и Баян» у нас знали все. Особенно любили эту поэму юноши и девушки». Как пишет А. Л. Коптелов, сам Улагашев также подтверждал большую популярность этого эпоса среди северных алтайцев. Он говорил: «Козюйке и Баян» вся чернь знает». И далее А. Л. Коптелов приводит легенду, рассказанную ему самим сказителем: «Давно когда-то в большом городе собрались люди, посланные разными народами, разговорились, у кого какие сказки есть. Ойрот (алтаец — С. К.) рассказал про Козюйке и Баян. Всем понравилось. А тюрк (подразумевается казах — С. К.) сказал: «У нас тоже есть эта сказка и еще интереснее вашей». Рассказал и все подтвердили, что его сказка интереснее»³.

¹ Подробный анализ эпоса «Козыи-Эркеш» см. «Ученые зап.» Г-Алтайск, НИИ, вып. 2, 1958.

² «Козюйке и Баян-Ару», смешанный текст — частично в поэтическом изложении, частично в прозаическом. Запись произведена С. Каташ в 1956 году в Горно-Алтайской автономной области.

³ Н. Улагашев, «Козюйке и Баян», сб. «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941, к эпосу «Козюйке и Баян», стр. 391—392.

Как мы указывали, новая национальная среда бытования эпоса «Козюлке и Баян» придала ему совершенно иной вид, и он бытует ныне как самостоятельное произведение. Так же, как эпос «Козын-Эркеш», он отличается от казахского «Козы-Корпеш и Баян-Слу» своей жанровой формой. На алтайской почве эпос огеронизировался, образы действующих лиц приобрели эпические черты и «...оказались поднятыми до величия богатырей, в эпосе исчезли бытовые детали и, взамен их, появились элементы сказочности, гиперболизации».¹

Для более полного представления ознакомимся с составом улагашевского варианта эпоса «Козюлке и Баян».

СОСТАВ ЭПОСА «КОЗЮЛКЕ И БАЯН»

Жили два хана. Одного звали Караты-Кан, другого — Ак-Кан. Оба они почитали друг друга и «как два пальца одной руки, дружно жили...», никогда не враждовали и не ссорились.

Однажды приятели выехали на охоту. Охотились порознь. Вдруг Ак-Кан замечает на вершине горы самку марала.

Он приготовился пустить в нее стрелу, «не знающую промаха», но неожиданно «животное заговорило человеческим голосом»:

«Эрке Тана абакайым,
Мен чилеп ок,

Айы кўни једип келген,
Эмчек сўди сазмчип калган.
Эрке уулын сақип јат!»

«...Жена твоя, Эрке Тана, так же,
как и я

Последние дни дохаживает,
Грудь ее тоже молоком
наполнилась —
Она сына ждет!»

Услышав такие слова, Ак-Кан промахнулся и, быстро вскочив на коня, поехал домой. По пути к дому он встречает своего друга Караты-Кана и рассказывает о случившемся. Оказывается, с Караты-Каном в тайге случилось точно такое же чудо: встреченная им самка марала предсказала ему рождение дочки.

Ханы договариваются поженить будущих детей.

После торжественного договора они направились домой. Вначале оба заходят к Ак-Кану и убеждаются, что жена его Эрке-Тана, действительно родила мальчика. Обрадованные друзья едут к Караты-Кану. Жена Караты-Кана — Алтын-Сырга, родила дочь. Предсказания сбылись. Друзья договариваются о сватовстве. Одновременно они объявляют состязание — придумать подходящие имена младенцам. Так началось торжество по случаю наречения новорожденных.

Из толпы выходит столетний старик Ак-Сагал и предлагает назвать мальчика Козюлке. Предложение Ак-Сагала народ одобряет. Названное имя обоим ханам понравилось, и они вознаграждают старика обещанными подарками. Затем выходит дряхлая старуха и предлагает назвать дочь Караты-Кана именем Баян. Оно тоже было одобрено всеми. После этого состоялся обряд бракосочетания малолетних детей.

Эки абакай једип келди,
Эки баланы бар кабайга саалди.
Куда-кууй тыгый берди,

Два друга приблизились,
В одну люльку детей уложили.
Свадебный той разгорелся.

¹ Н. Улагашев. «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941, примечания А. Коптелова к эпосу «Козюлке и Баян», стр. 392.

² Н. Улагашев. «Козюлке и Баян», сб. «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941, стр. 480.

Кулун эдин амзай берди.

Ачу аракыны иче берди.

Мясо одюлетних жеребят все есть
принялись.

Крепкую араку пить стали.

Но радость омрачается печалью. Во время байги (бегов) сивый конь сбрасывает Ак-Кана. Он падает на острый камень и убивается насмерть. Всеобщая радость сменяется скорбью. Схоронив хана, народ разъезжается по домам.

Қараты-Кан, по приезде домой, объявляет об отказе выдать дочь за сироту и тем самым нарушает клятву. Он откочевывает, забыв о чести и долге.

Далее идет повествование о детстве Козюйке. Мальчик растет со сказочной быстротой и становится метким охотником. Так же, как в «Козын-Эркеше», он берет на себя обеспечение своей матери и себя пищей и одеждой. Однако, в отличие от героя эпоса «Козын-Эркеш», Козюйке не лишен детских шалостей и забав. В этом отношении он близок к герою казахского эпоса. Так же, как казахский Козы-Корпеш, герой алтайского эпоса играет со своими сверстниками в бабки. Играя с ребятами, Козюйке обижает их. Тогда один из мальчиков с насмешкой говорит ему:

Каан кижиниг уулу болзог, —
Бисле беришпей жүргейзин?
Катыг барын билер болзог,
Оны барын не айрыбайзин?
Баатыр күчтү уул болзог,
Баян-катыг не албайзин?

Если ты ханский сын,
С нами зачем играешь?
Если знаешь, что есть у тебя жена,
Почему ее не разишешь?
Если ты богатырем родился,
Почему невесту Баян прозевал?

Услышав эти намеки, Козюйке тут же возвращает им свой выигрыш и отправляется во дворец к матери. Точно так же, как герой казахского эпоса, он выпытывает тайну у матери, которая вынуждена была рассказать правду о невесте.

Козюйке решает отправиться на поиски нареченной, но не знает, где взять коня и доспехи. Тогда мать советует обратиться к старику Ак-Сагалу, который когда-то придумал ему имя.

Ак-Сагал удовлетворяет его желание так же, как Бачикай-Кара в эпосе «Козын-Эркеш». Между этими персонажами много общего. Вообще в алтайском эпосе герой всегда находит покровителя. Роль Ак-Сагала в эпосе «Козюйке и Баян» именно такова. Ак-Сагал является добрым гением героя.

Изловив богатырского коня, Козюйке возвращается домой. К его удивлению, конь оказывается одаренным человеческой речью и обещает герою быть верным другом. Боевые доспехи ему были доставлены «шестьюдесятью семью богатырями» по приказу всемогущего старика.

Таинственный образ Ак-Сагала, фантастический конь, наделенный человеческой речью, сцены, связанные с бытом и хозяйственным укладом алтайцев — все это есть элементы творческой переработки казахского эпоса на новой интонационной почве.

И эпизоды прощания с матерью, и протест матери, и путь героя к невесте — так же подвергнуты значительному изменению и переработке. Здесь очень заметно влияние эпической традиции алтайцев — усиленная гиперболизация, чрезмерная фантастика, эпическая сказочность и волшебство.

Интересной особенностью рассматриваемого эпоса является то, что

в улагашевском варианте прощание героя с матерью драматизировано. В отличие от алтайского «Козын-Эркеша» и казахского эпоса «Козы-Корпеш», в рассматриваемом эпосе «Козюйке и Баян» мать не насылает проклятие сыну, не чинит на его пути препятствий, но предупреждает его о всех предстоящих невзгодах. Причем монологи матери и сына даны в форме песен, чего нет в казахском «Козы-Корпеше» и алтайском «Козын-Эркеше», но они имеются в варианте барабинских татар и телеутов. Все это говорит за то, что эпос «Козюйке и Баян» пришел на Алтай через посредство этих племен.

Для примера сравним эти монологи.

В эпосе «Козюйке и Баян» мать, провожая сына, нежно запела:

Козюйке эрке Козулим!
 Козиме чечек, Козулим!
 Ат да оттоб аралдан,
 Айу чыгар, кайдатан?
 Мбидур оттоб ол ймштан
 Борү чыгар, кайдатан?
 О, Козулим, Козулим!
 Козимниг оды, Козулим!
 Ылан ймыл оттойтби,
 Ыш та болор, кайдарыг?
 Чымыл учуп оттойтби,
 Кара йш болор кайдарыг?
 Козулим мениг, Козулим!
 Коксимниг кани, Козулим!

Козюйке, милый мой Козюйке!
 Моим глазам цветок, Козюйке!
 Из леса, где коню не пройти,
 Медведь к тебе выйдет, что сделаешь?
 Из чащи, что град не пробьет,
 Серый волк бросится, что сделаешь?
 О, Козюйке, Козюйке!
 Зрачки глаз моих, Козюйке!
 Через лес, где змея не проползти,
 Как ты пройти сумеешь?
 Сквозь чащу, где мухе не пролететь,
 Как ты сможешь проехать?
 Козюйке, мой сын Козюйке!
 Кровь моя, родной Козюйке!..

Но герой неумолим. Он отвечает своей матери песней:

«Ой, энейим, энейим!
 Эркелеген энейим!
 Аралдан айу чыкса да,
 Ок-саадагым бар эмей!
 Ыштан, борү чыкса да,
 Мбикүлү огым бар эмей!
 Ой, энейим, энейим,
 Ончозын кира адарым.
 Ылан оттоб йш болзо
 Јуучыл огым бар эмей!
 Чымыл оттоб йш болзо
 Канду кастак бар эмей!
 Ой, энейим, энейим,
 Јол чыгара адарым.
 Ажузы јок јер болзо,
 Адым кайткан, энейим
 Кечүзи јок суу болзо,
 Кочкыр кайткан, энейим?
 Ой, энейим, энейим,
 Оны бар да болзо бдорим!
 Казыр јаман каан болзо
 Эр эрегим мениг кайда,
 Калап күчтү эр болзо,
 Эр буткен күчим кайда?
 Ой, энейим, энейим,
 Олордог мен коркыбайдым!

Ой, мама, милая мама!
 Ласковая моя мама!
 Если медведь на меня выйдет —
 Есть у меня лук!
 Если волк на меня бросится —
 Есть у меня стрела!
 Ой, мама, милая мама,
 Диких зверей убью.
 В лесу, где змея не проползти —
 Боевая стрела мне поможет,
 В чаще, где мухе не пролететь —
 Кровавая стрела выручит.
 Ой, мама, милая мама,
 Стрелой себе путь пробью!
 Высокую гору без перевала
 На верном коне перевалю,
 Широкую реку без переправ
 На кроваво-кауром перееду.
 Ой, мама, милая мама,
 Ничто меня не удержит!
 В битве со свирепыми ханами —
 Твердая рука не дрогнет,
 В бою с озверелыми силачами —
 Богатырская сила не ослабнет.
 Ой, мама, милая мама,
 Сын твой не знает страха!»

В варианте барабинских татар предостережения матери выражаются в песне такими словами:

«..Сегодня я видела плохой сон,
 дитя мое:

В низине собралось тридцать
 волков.

все препятствия он преодолевает, ибо надеется на свою мужскую храбрость.

Мы видим, что во всех вариантах в отношениях сына и матери нет такого антагонизма, как в эпосе «Козыи-Эркеш». Мать и сын пытаются уговорить друг друга. Разговор их доброжелателен. Ответы Козюйке в песне соответствуют вопросам-предупреждениям матери, т. е. герой довольно смело и убедительно отвечает ей, как он преодолеет эти препятствия. И, наконец, сохранение песенного текста в монологах матери и сына во всех трех вариантах (татарском, телеутском, алтайском) является доказательством того, что алтайский вариант пришел из казахского эпоса через сибирских татар и телеутов.

По свидетельству телеутов, песня матери и Козюйке в народе исполняется отдельно и имеет определенную мелодию. Так, сказочник Сыркашев Иван Степанович, рассказывая нам содержание телеутского сказания «Козика и Баян-Слу», монолог матери и сына передал в песенной форме¹.

Таким образом, наши предположения сводятся к тому, что казахский эпос «Козы-Корпеш и Баян-Слу» был вначале воспринят телеутскими, а затем уже через них был перенят алтайскими сказителями.

С отправкой Козюйке на поиски невесты начинается вторая часть повествования.

Здесь, как мы уже указали, наблюдаются значительные расхождения с казахским текстом. Герой, отправившись на поиски невесты, не вступает в конфликт с матерью. Мать вынуждена была согласиться с желанием сына. Поэтому на пути героя не встают искусственно возникающие препятствия, как они изображены в казахском эпосе, а здесь просто показаны естественные трудности на пути героя. Козюйке своей стрелой прокладывает дорогу через непроходимые леса и неприступные горы. Преодолеть желтую пустыню ему помогает конь. Когда на встречу герою выходили хищные звери, он ловко расправлялся с ними, убивая их наповал, потому что с детства был приучен к охоте.

Сам Козюйке объясняет трудность пути и возникновение препятствий коварством тестя — Караты-Кана. Будучи в трудном пути, герой не перестает думать о матери и родичах. Поэтому он посылает своего коня узнать, что нового на родине. Сам же тем временем, смастерив музыкальный инструмент из сухой дудки «и мирно отдыхая» в ожидании коня, стал играть на «шооре» и петь красивые песни. Природа и птицы были упоены его искусством.

Среди птиц герой увидел черного ворона, который не слушая Козюйке, стал громко хохотать, насмехаясь над его игрой.

Богатырь расправляется с ним, «прострелив шею черному ворону стрелой», бросает его в ядовитое море. Но вот перед ним появляется серая ворона, которая точно так же начала смеяться над ним. Герой и с ней расправляется. Введение в эпос этих птиц-недоброжелателей, очевидно, связано с народным представлением о злых силах.

Увидев журавля, Козюйке посвящает ему хвалебную песню и обращается с просьбой.

Суть просьбы состояла в том, чтобы журавль помог разыскать переправу через желтое море. Птица соглашается исполнить ее. Точно с таким же вопросом, сопровождая свою просьбу пением, герой обра-

¹ Магнитофонная запись текста хранится в рукописном фонде ОНТ ИЯЛ Каз. ССР.

шается к гусю. Гусь также удовлетворяет его желание. Когда герой пропел тридцатую песню, вдруг около него садится маленькая птичка по имени Боскара и спрашивает Козюйке:

Кажы Алтайдаг келген
Кандый ададаг буткен?
Жорук жүрген кижі болзо,
Жортып барар жаңду эди,
Азып жүрген кижі болзон,
Албаты-жонног сурагай эди.

Из какого Алтая пришел ты?
Кто твой отец? Скажи.
Идущие в путь
Цель свою заранее знают,
Когда дорогу теряют. —
У встречающих обычно спрашивают.

С веселой маленькой птичкой богатырь добродушно заговорил и ответил на все вопросы. В разговоре с ней он узнает, что эта птичка прилетела из владений Караты-Кана и что сейчас хан готовится к свадьбе — единственную свою дочь Баян замуж за сына бая Саныскана отдает. Этот эпизод изображен несколько иначе, чем в эпосе «Козын-Эркеш». Герой узнает о намерении хана выдать свою дочь через Кодыр-Уула. В казахском эпосе об этом герою рассказывает пастух-тазша. В «Козюйке и Баян» в качестве информатора героя выступает птичка Боскара, в телеутских вариантах, так же, как в казахском, об этом герой узнает через пастуха. Козюйке же, услышав об этом, просит птичку слетать в стойбище Караты-Кана и разузнать подробности о свадьбе. Боскара слушается героя. По возвращении птичка сообщает о разгаре торжества по случаю выданья Баян. Козюйке взволнован сообщением. Он снова садится на коня и держит путь в стойбище ханатеста.

Достигнув стойбища Караты-Кана, конь советует герою преобразиться, т. е. изменить богатырский вид. Козюйке по совету коня превращается в Тас-Таракаю. Сцены превращения героя в плешивца и его коня в лоншака совпадают со сценами оборотничества Козын-Эркеша и героя казахского эпоса Козы-Корпеша. В телеутских версиях сцена оборотничества изображается точно так же.

Незамеченным Тас-Таракай — Козюйке оказывается в гуще пирующих. Достав свой шоор¹, он заиграл на нем и запел песни. Изумленные искусством плешивца, люди окружают его тесным кольцом. Заметив странного певца, слуги докладывают об этом Караты-Кану. Хан приказывает доставить плешивца во дворец.

На вопросы хана, кто он такой и откуда, Козюйке кротко ответил, что он не знает места рождения и что прибыл на той, как и другие, повеселиться. Хан приказывает накормить заморыша мясом двухлетнего жеребенка и напоить аракой. После этого Козюйке выдворяют из дворца и сажают среди нищих. Герой поет такую песню:

«Караты-Канныг журтында
Калык жуулып той эттир,
Кара жагыс Баян балазын
Эрге берип турган эмтир.
Казандагы сеинг ажыг
Кабортго тогып калар,
Аркыттагы сеинг ажыг
Артары жок тогып калар.
Торко тондор жаказы
Тожонгырын көрбөрим».

На стойбище Караты-Кана
Большой той устроен.
Дочь свою единственную
Сыну бая Саныскана и жены
Караты-Кан собрался отдать.
Мясо в котлах
До половины промерзнет,
Арака в аркытах² застынет до дна.
Воротники шелковых шуб
От холода заиндевеют.

¹ Шоор — национальный музыкальный инструмент, напоминающий флейту.

² Аркыт — сосуд для вина, сделанный из кожи.

Караты-Клааның журтында
Карга тұшкенин көрбiрiм.
Санысқан-Байдың тойына
Санысқан тұшкенин көрбiрiм»

На стан Караты-Кана черная
ворона сядет.
На той Санысқан-Бая
Сорока пировать прилетит».

Есть ли это намек на души тех нечистых сил, с которыми герою пришлось расправиться на пути к невесте? В самом деле, после этой песни на землю спускается страшный мороз и заковывает все окружающее в толстый лед. На стойбище Караты-Кана герой насылет смертельное бедствие. Зять Караты-Кана—сын Санысқан-Бая — предлагает тестю откочевать в его земли, мотивируя тем, что там тепло.

Как только хозяева и богатые гости откочевали, «Козюлке снова тепло на землю вернул». Состоялась радостная встреча влюбленных. Построив белый дворец, они стали мирно жить. Но счастливая жизнь героев продолжалась недолго. Враги Козюлке решили расправу над ним: хитростью заманить к себе и отравить.

Приготовившись к расправе, они посылают к Козюлке послов с лестным приглашением на пир. Козюлке принимает приглашение, так же как делают герои эпоса «Козын-Эркеш» и «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Несмотря на предостережения Баян, он едет на пир.

Врагам не удается умертвить его. Ему помогает птичка Боскара, которая, вылетев из-за пазухи Козюлке, переставляет отравленную пищу врагу. Зло посмеявшись над своими недругами, Козюлке решил возвратиться домой.

Но не успел он добраться до дому, как ему встретился оборванный грязный старик и, не говоря ни слова, пустил в него ядовитую стрелу. Стрела попала в бедро, а старик, обернувшись в черного ворона, полетел. Козюлке успел расцечь плетью коварную птицу. Из внутренних «черного ворона» выпали злые шулмусы¹. Караты-Кана и, превратившись в золу (пепел), улетели во дворец хана и спасли от смерти отравленных врагов Козюлке.

Эпизоды, рисующие ранение героя, имеются в некоторых казахских вариантах и во всех версиях алтайцев. Раненый Козюлке вынужден был скрываться в местечке Дюк-Дюрюк (в казахском — Шоқ-Терек). С Баян он устанавливает связь, так же как и в казахском эпосе, через птичку. Но злые снохи хана устраивают западню и ловят птичку при очередном прилете от Козюлке. Снохи передают пойманную птичку хану, тот пытается её и узнает место, где находится раненый Козюлке.

Собрав огромное войско, хан отправляется к месту вынужденного убежища героя. Но Козюлке умирает раньше, чем прибыли войска хана. Баян, приготовив «шестьдесят лекарств», поспешила на выручку к другу, но, увидев мертвого богатыря, сквозь горькие рыдания песню запела:

«Олбiс бiткен эр эдiг
Олбiнiң емдi бу болды ба?
Барбас салымду баатыр эдiг
Барганың сенiг бу болды ба?
Айлу жерге жузтабазам да
Алыс жерге сеiле журтаарым.
Кiндi жерде кожо болбом до,
Кiн алыста кожо боларым!»

«Бессмертным силачом рздившiс,
Друг мой Козюлке погиб,
Сильный сердцем богатырь
Зеленый Алтай тжинул.
Если на подлунной земле
Нам вместе жить не пришлось,
После смерти мы вместе будем.
Если на солнечной земле
В разлуке с тобою жили,
На том свете будем вместе!»

¹Шулмусы — злые духи.

Пролет эту печальную песню, героиня кончает самоубийством и падает рядом с любимым. К месту гибели героев прибывают их недруги. Они бросают их трупы в ущелье. На месте гибели влюбленных вырастают две высокие скалы. От черной ненависти враги сами умирают. Изображение трагической гибели героев имеется во всех алтайских вариантах. Эпос заканчивается своеобразной концовкой сказителя:

Много веков миновало,
Но память о вечной любви,
Память о Козюйке и Баян
Народ навсегда сохранил.

Таков состав рассматриваемого эпоса «Козюйке и Баян».

II. ВАРИАНТ Г. АЛМАДАКОВА «КОЗЮЙКЕ И БАЯН-АРУ»

Помимо рассмотренных эпических вариантов эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу», на Алтае бытуют и другие версии¹. Первая версия, записанная в 1956 году со слов сказочника Г. П. Алмадакова, называется «Козюйке и Баян-Ару».

По свидетельству Алмадакова, данная версия широко бытует у северных алтайцев, в частности — у тубаларов.²

Алмадаков слышал эту сказку от своей тетки Адуковой Марии, а также от сказителя Н. Улагашева. Следует отметить, что сюжет этой версии весьма близок к поэме Н. Улагашева «Козюйке и Баян». Правда, последовательность событий, которая отобразена в эпосе, здесь нарушена, но узловые сюжетные звенья и основные мотивы совпадают.

Главный герой, так же как в казахском эпосе и других алтайских вариантах, растет в сиротстве. Однако в версии Алмадакова не описываются обстоятельства смерти отца героя. Здесь герой, подобно Козын-Эркешу, сетует на свою судьбу, на то, что у него нет коня и доспехов... Как принято в алтайской эпической традиции, у героя находится покровитель. Таковым оказывается старик Ак-Сагал, такой же таинственный покровитель, как Бачикай-Кара, но выступающий под другим именем. Покровитель героя с именем Ак-Сагал встречается, как мы установили, в эпосе «Козюйке и Баян». В версии «Козюйке и Баян-Ару» Ак-Сагал успокаивает героя и исполняет его желания, а в телеутских версиях он находится во враждебном герою лагере.

Ак-Сагал снаряжает Козюйке богатырскими доспехами, одеждой и представляет ему на выбор коня из табуна. Козюйке, как и Козы-Корпеш, выбирает паршивого жеребенка, который впоследствии становится его незаменимым другом, умеющим понимать человеческую речь и говорить языком человека.

¹ Версия «Козюйке и Баян-Ару» записана С. Каташ в 1956 г. со слов сказочника Алмадакова Григория Павловича в пос. Тужар Улаганского аймака. Версия «Козика и Баян-Сылу» записана Д. Хлопатыным летом 1912 г. (сказка включена в «Телеутские материалы», собранные Г. М. Токмашевым) и опубликована в Трудах Томского общества изучения Сибири, т. III, вып. I. Под ред. Г. Н. Потанина, г. Томск, 1915. Версия «Козика и Баян-Сылу» записана С. Каташ в 1956 г. со слов сказочника Сыркашева Ивана Степановича в Горно-Алтайской а. о.

² Туба — родовая группа северных алтайцев.

В отличие от казахского эпоса и алтайских версий, герой о своей невесте узнает от Ак-Сагала. В данной версии отсутствуют эпизоды прощания с матерью. На пути к невесте вместо препятствий возникают необычные явления.

Вначале герой видит, как дорогу внезапно пересекает зверек. Козюлке думает: «Неплохо бы убить этого зверька и подарить невесте». Убив зверька, он прячет его в карман. Верный герою конь раскрывает ему тайну о том, что подстреленный им зверек на самом деле является старшей снохой. Козюлке засовывает руку в карман и действительно обнаруживает сноху, которая, засмеявшись, вылезает оттуда. Герой возмущается ее поведением. Чтобы избавиться от нее, богатырь бросает сноху в море.

Затем на пути героя появляется лиса и снова выясняется, что это опять та же сноха препятствует его поездке. Козюлке вынужден расправиться с лисой.

Но вот он встречается с сыном Караты-Кана — Кара-Батыром. Под золотым тополем они дают клятву быть друзьями. Аналогичный эпизод встречи героя с будущим своим соперником имеется как в казахском эпосе, так и в алтайских версиях.

О предстоящих торжествах у хана по случаю выданья дочери Баян-Ару за сына Саныскан-Кана герою рассказывает Тастаракай, как и в улагашевском варианте.

По дороге герой встречает пастухов Кюн-Кана. Узнав у них, где находится дворец хана, Козюлке направляется туда. По прибытии в ставку хана он участвует в состязаниях, дающих право претендовать на руку дочери Кюн-Кана. В этих состязаниях, так же как в эпосе «Козын-Эркеш», герой одерживает победу. Отец невесты не хочет отдавать дочь за Козюлке и прячет ее в темницу. Сам хан тем временем, сговорившись с богатыми сватами, задумывает расправиться с Козюлке, споня его отравленным вином. В этой версии героя предупреждает о готовящейся ловушке не девушка, как это изображено в «Козын-Эркеш» и «Козюлке и Баян» Улагашева, а его конь, который учит Козы магическим словам, спасающим от яда и опьянения. Затея с отравлением не удается. Тогда хан предлагает начать борьбу («күреш») и выставляет против Козюлке одного из женихов Баян — сына Саныскан-Кана — Кын-Сары. Козюлке бросает его на дно озера.

Разгневанный хан приказывает своим воинам взять под стражу героя. На помощь к богатырю опять же приходит конь. Он посылает к нему птичку, умеющую говорить по-человечески. Через эту птичку Козюлке устанавливает связь с невестой. Затем, при помощи коня, Козюлке превращается в птичку и проникает через дымоход в темницу Баян. Эпизодов, изображающих превращение героя в птичку, кроме этой в других версиях нет.

В роли главного соперника героя в разбираемой версии выступает сын Караты-Кана — Кара-Батыр. Его роль аналогична Кодару и Кодыр-Уулу.

Главная мотивировка отказа Кюн-Кана выдать свою дочь за Козюлке совпадает с казахским эпосом и со всеми алтайскими вариантами — это бедность героя и его сиротство.

Чтобы Козюлке не был помехой в предстоящей свадьбе, хан приказывает своим слугам расправиться с ним. Далее описывается свидание героя с героиней. В разговоре с невестой Козюлке, между прочим,

узнает, что главная причина того, почему хаң не соглашается на брак, состоит в желании иметь зятя, который бы «остался на его землях и управлял бы его богатством». Козюйке же не хотел остаться, мотивируя это так: «Как же можно оставаться там, откуда взята жена... Как бы беден я не был, кажим бы сиротой не рос, но все-таки есть земля, где жил мой отец и где я вырос богатырем».

В этом заключены интересы патриархально-родовых отношений с идеей сохранения рода. Мотивировка хаңа против выдачи своей дочери за представителя другого рода, очевидно, связана с идеей сохранения родовой славы.

Несмотря на козни врагов, влюбленные решают быть всегда вместе. Они договариваются, что и в случае смерти одного из них второй должен не поддаваться врагам и умереть. Кара-Батыру удается тяжело ранить героя. Перед смертью Козюйке прощается со своим верным спутником-конем и отпускает его пастись на вольные луга.

Враги, предвидя, что Козюйке может дать знать о себе невесте через посредство птички, устраивают западню. Они переводят девушку в другую темницу, а там, где она была заточена раньше, оставляют усиленную охрану и наблюдателей.

Когда птичка-вестница прилетела от Козюйке, слуги хаңа тут же хватают ее и путем пытки узнают место, где окрывается богатырь. Не вынеся истязаний, птичка раскрывает секрет. Враги едут к месту гибели героя во главе с Кара-Батыром. Убедившись, что Козюйке действительно погиб, Кара-Батыр по возвращении хвалится перед хаңом о том, что он расправился с Козюйке. Кюн-Кан выпускает Баян из темницы и оповещает о предстоящей помолвке дочери. Баян ставит перед отцом условие — убедиться лично в смерти Козюйке.

Тесть и жених исполняют желание Баян. Баян садится на коня и следует в сопровождении Кара-Батыра к месту гибели героя. Произнеся прощальные молитвы, героиня вынула из ножен Козюйке нож и, приставив конец рукоятки к сердцу Козы, легла на острие. Услышав печальную весть, хаң решает, что это несчастье послано всевышним по его вине, ибо он помешал счастью влюбленных. Чтобы искупить свои грехи, Кюн-Кан делает той на могиле влюбленных. Все приготовления, приуроченные к свадьбе Кара-Батыра и Баян, были теперь предназначены для свадьбы погибших.

Свое повествование сказочник заканчивает комментариями о том, что на могиле влюбленных ныне на Алтае стоит огромная скала. При виде ее люди вспоминают о трагической любви Козюйке и Баян и слагают об этом сказки, песни и легенды.

Из сказанного видно, что рассмотренная нами версия «Козюйке и Баян-Ару» является не чем иным, как своеобразной редакцией эпоса «Козюйке и Баян» Н. Улагашева. Вместе с тем, следует отметить, что версия «Козюйке и Баян-Ару» Алмадакова является компонентом двух эпических произведений. С одной стороны, в ней очень много эпизодов, воспринятых из алтайского эпоса «Козын-Эркеш», с другой стороны, эта версия тесно сочетается с эпосом «Козюйке и Баян». Сюжетная линия данного варианта не везде последовательна. В «Козюйке и Баян-Ару» получилось смешение с эпосом «Козын-Эркеш», особенно в первой части, и с эпосом «Козюйке и Баян», а также с другими эпическими произведениями алтайцев.

Об этом свидетельствует наличие в тексте традиционных общих мест, художественных приемов и т. п.

Словом, народный казахский эпос «Козы-Корпеш и Баян-Слу» получил новое развитие в особых условиях живой устно-поэтической традиции алтайского народа.

III. ТЕЛЕУТСКИЕ ВЕРСИИ ЭПОСА «КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СЛУ», СКАЗКА «КОЗИКА И БАЯН-СЫЛУ»¹

Телеутские прозаические версии эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» по своему составу идентичны. Запись этой версии, произведенная нами в 1956 году, не имеет существенных расхождений с записью 1912 года. Поэтому в дальнейшем будем говорить об этих двух записях как об одной и той же версии.

Г. Н. Потанин, издавший эту сказку в 1915 году в «Трудах Томского общества изучения Сибири», в своих примечаниях пишет: «Телеутская сказка есть вариант киргизской (т. е. казахской — С. К.) о «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Неясно, получили ли телеуты эту сказку из общего тюркского источника или это позднейшее киргизское влияние²». Мы считаем, что телеуты заимствовали её от казахов и именно телеутская сказка «Козика и Баян-Слу» является тем промежуточным звеном, сближающим казахский эпос «Козы-Корпеш и Баян-Слу» с его алтайской редакцией «Козюйке и Баян».

Казахский эпос проник к алтайцам через кузнецких татар и телеутов, которые имели тесные контакты как с тем, так и с другим народами. Изустная передача эпоса сказалась на ее форме, которая под воздействием новой среды бытования и творческой обработки телеутских сказителей приняла новую сказочную форму.

По всей вероятности, к алтайцам эпос «Козы-Корпеш и Баян-Слу» пришел как социально-бытовой эпос, сохранив основные сюжетные звенья с описанием казахского быта и социальных мотивов. Алтайцы, имеющие богатую эпическую традицию, придали ему новую форму, а именно: эпическую сказочность с присущей алтайцам фантастикой и героикой.

О том, что это так, свидетельствуют следующие элементы. В телеутских прозаических версиях сохранялись поэтические стихотворные строки, монологи героев, песни, лирические отступления и т. п. Это говорит в пользу нашей гипотезы о том, что эпос был воспринят от казахских акынов в его поэтической форме. Но так как в устном народном творчестве телеутов имела распространение сказочная традиция (бытование мелких жанров в виде сказок, легенд, побасенок, песен), казахский эпос деформировался. Затем, попав снова в среду, где господствовала богатая эпическая традиция алтайского народа, эта сказочная версия вновь обрела эпическую форму, но уже не прежнюю казахскую, а новую с учетом эпической традиции алтайцев. Только так можно объяснить наличие в социально-бытовом эпосе «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (в алтайской редакции «Козюйке и Баян») элемен-

¹ Версия «Козика и Баян-Сылу» записана С. К а т а ш в 1956 г. со слов сказочника И. С. Сыркашева в Горно-Алтайске.

² См. примечания Г. Н. Потанина к сказке «Козика и Баян-Слу». Труды Томского общества изучения Сибири, т. III, вып. I, г. Томск, 1915.

тов фантастики, героини со сказочными богатырями и мифологическими персонажами, хотя содержание эпоса, состав действующих лиц, а также сюжетные звенья и идейные мотивы соответствуют казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Наши предположения будут более убедительными, когда мы сделаем беглое сопоставление казахской, телеутской и алтайской редакций эпоса.

Сюжетная линия сказки «Козика и Баян-Слу» сравнительно последовательна. Повествование начинается так же, как в эпосе «Козы-Корпеш и Баян-Слу», с описания дружбы двух приятелей-ханов. Обязательства охоты их и встречи со стельной самкой марала таковы же, как в казахском и алтайском эпосе.

Заметив стельную самку, они не решаются убивать ее потому, что их жены были беременными. Ханы условились: так как наши жены беременны, заключим договор — «до сих пор мы были друзьями, а теперь да будем сватами. Если у одного из нас родится сын, а у другого дочь, пусть они поженятся и составят новый дом». (По-телеутски «айыл тутсундар» — С. К.) Приятели в знак согласия подкрепляют договор клятвами и затем возвращаются домой.

По возвращении домой ханы узнают, что жена Караты-Кана родила дочь, а жена Ак-Кана родила сына. Следует заметить, что в телеутской сказке описываемые события не детализируются, а лишь констатируются, в результате чего получаются большие разрывы в описаниях, по сравнению с казахским и алтайским эпосом. Это объясняется тем, что телеутские версии являются кратким пересказом эпического произведения с сохранением наиболее важных эпизодов.

Далее идет описание обрядов, связанных с наречением имен новорожденных. В казахском эпосе этого эпизода мы не встречаем, зато в алтайском он имеется и причем представлен очень широко, с большими подробностями в изображении обряда наречения героев и описаниями торжества по данному случаю. Это и есть один из примеров творческой переработки алтайцами телеутского варианта.

Несколько иначе во всех трех версиях описываются обстоятельства гибели отца героя. В казахском эпосе в одних вариантах Сарыбай умирает, не вынеся коварства Карабая, в других — возвращаясь домой, он падает с коня и погибает. В алтайском эпосе отец героя Ак-Кан участвует в байге и умирает, упав с лошади, а в телеутской сказке отец Козика — Ак-Кан везет в качестве подарка своей будущей снохе ножницы, но случайно, упав с коня, накальвается на них. Дальнейшие события разворачиваются так же, как в «Козы-Корпеш» и «Козюлке». Отец невесты, не желая выдать дочь за осиротевшего мальчика, откочевывает.

В отличие от казахского и алтайского варианта Улагашева, Караты-Кан, откочевывая подальше от Козика, чтобы замести свои следы, оставляет на дороге собак со словами: «Будьте голодными волками», домашних птиц со словами: «Будьте голодными орлами». Отъехав еще дальше, он бросает лунообразное зеркало и говорит: «Будь большим морем». Это есть препятствия на пути героя, которые встречаются в алтайском и казахском эпосе, но там они возникают в результате того, что герой не слушается советов матери, а здесь препятствия, как видим, чинятся отцом невесты.

Описание детства героя тождественно во всех вариантах. Мальчик проводит время в играх и забавах. Однажды, играя в бабки со

своими сверстниками, он обижает одного из них и слышит упрек в свой адрес что, будучи нареченным женихом, прозвал свою невесту.

Услышав об этом, Козика выпытывает тайну у матери путем причинения ей боли: он зажал в ее ладонях накаленные зерна пшеницы. Затем он выбирает из табунов полинявшего лошака и собирается на поиски невесты.

Так же, как в других вариантах, мать пытается отговорить сына не ездить, но безуспешно. Монологи матери и сына сохранили поэтическую форму и несколько напоминают монологи матери и сына из казахского варианта Жанака — Байсембая. Пытаясь уговорить Козика и, разжалобив его, вызвать к себе сострадание, она поет:

Кара беедине жал — куйругы	«Когда у вороной кобылы
Оны кем кезер, Козий? ^{карга тийип чийзе,}	Хвост и грива будут бороздить
Эм карыл калган энег ^{кунугып блэб}	Кто ей отрежет их, Козика? ^{по слегу,}
Кем жууп алар, Козий?	Когда я, мать-старуха, умру,
	Кто меня похоронит, Козика?

В казахском эпосе смысл отказа матери таков:

Артында ески каады мын ^{сан малыг,}	Позади тебя остаются без
Кыз катып алсаг да, ^{саган жетер.}	хозяйниа тысячные табуны.
Куратып мен сорлыны ^{тастап кетпей,}	Если возьмешь в жены девушку,
Елдэг тандап бир ^{сулу алсан жетер!»}	с тебя довольно,
	Не оставляй меня, беднягу,
	сохнуть здесь,
	Почему же тебе не выбрать
	Здесь красавицу!»

В алтайском эпосе мать героя пытается уговорить сына, пугая его трудностями пути.

Монологи матери и сына почти во всех вариантах совпадают.

Следует отметить, что между самими телеутскими сказками, записанными в разное время, имеются существенные различия в тексте. В записи 1912 года мать героя умирает, не вынеся горечи расставания с сыном. В записи 1956 года мать Козика остается дома, но по ходу дальнейшего развития сюжета её судьба остается неизвестной.

Эпизоды проникновения героя во владения своего тестя в казахском и алтайском эпосе изображаются иначе, чем в телеутских версиях.

Казахский несколько ближе к телеутскому варианту, но все же имеет свои особенности. В «Козюйке и Баян» герой узнает о том, что происходит в ставке хана через птичку Боскара. Птичка, выступающая в роли помощника героя, имеется во всех вариантах. Превращение героя алтайского эпоса в плешивца-заморыша происходит при помощи совета коня, а не путем переодевания одежды убитого пастуха, как это изображено в телеутской сказке и замерзшего пастуха — в казахском эпосе.

Оборотничество более присуще алтайскому эпосу, поэтому в алтайские варианты внесены изменения соответственно эпической традиции алтайского народа. В сказке «Козика и Баян-Слу» герой, превратившись в пастуха, загоняет овец в кошару, но они не идут. Рассердившись, он хватает их за ноги и пытается забросить их в пригон, но

Во всех вариантах роль птички одинакова. Она служит посредником между раненым героем и его невестой. Козика пишет письмо и привязывает его к крылу птички. Нововарные снохи Баян-Сылу устраивают ловушку и расправляются с птичкой, выпытав у нее тайну местонахождения героя. Сцены выпытывания у птички местопребывания героя во всех текстах также идентичны.

Своеобразным в данном тексте является то, что местечко «Чук-Терек» (в казахском «Шок-Терек») вызывается показать седой старик (Ах-Сагал). Этот персонаж в алтайском эпосе является, наоборот, покровителем героя и его добрым гением.¹

В сказке «Козика и Баян-Сылу» героя убивают снохи Баян. В алтайском и казахском эпосе обстоятельства гибели героя ридуются иначе. В «Козы-Корпеш» его убивает Кодар, а в «Козюлке и Баян» он умирает сам. Однако во всех текстах одинаково изображается месть Баян врагам, а также трагический финал.

В «Козика и Баян-Сылу» девушка топит соперников героя в реке, в казахском эпосе она расправляется с Кодаром, забросав его камнями, когда тот спустился в яму, чтобы достать для нее воды. В улагашевском варианте Козюлке сам расправляется с коварным тестем и своим соперником Санысканом. Во всех вариантах Баян кончает самоубийством.

Телеутская версия «Козика и Баян-Сылу» заканчивается тем, что претендент на руку Баян-Сылу — Яман, увидев, что девушка покончила с собой, убивает себя. Снохи, придя к месту гибели влюбленных, пытались их разъединить, перенесли трупы в разные стороны. Вместо Баян они положили к телу Козика собаку, а к телу Баян сына Саныскана — Ямана. Но спустя несколько дней, придя к месту, где лежали трупы, они увидели две скалы, сросшиеся вершинами. Снохи от огорчения кончают самоубийством. Их мужья, придя к этому месту, тоже кончают самоубийством. Родители Баян тоже умирают.

Итак, мы видим, что в телеутской сказке «Козика и Баян-Сылу» первоначальный сюжет казахского эпоса сохранен почти без изменения. В отличие от алтайского эпоса, телеутская версия «Козика и Баян-Сылу» стоит ближе к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу». В телеутской версии сохранились не только основные герои, но по существу не подверглись изменению как последовательность повествования, так и его идейно-тематическое направление. Кроме того, в этих вариантах встречаются казахские слова «хабар» — весть, «кетти» — ушел, а также упоминается река Иртыш, чего нет ни в одном алтайском варианте.

Приведенные сопоставления алтайских и телеутских версий с казахским эпосом «Козы-Корпеш и Баян-Слу» указывают на прямую связь между ними. Поэтому предположение о том, что телеутские версии являются мостом, через который казахский эпос проник к алтайцам, нам кажется, не вызывает сомнений. Рассмотренные алтайские варианты являются заимствованиями из казахского эпоса, которые деформировались на новой почве бытования, получив свою вторую жизнь в редакции алтайских сказителей.

¹ См. вариант Н. Улагашева «Козюлке и Баян» и вариант Г. Алмадакова «Козюлке и Баян-Ару».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемая статья об алтайских вариантах казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» является разделом диссертационной работы и имеет прямую связь с предыдущей статьей об эпосе «Козы-Эркеш», опубликованной в 1958 году.¹ Настоящая статья служит как бы продолжением предыдущей, поэтому в ней мы не повторяем ранее затронутых проблем: не даем анализа идейно-тематического содержания вариантов эпоса, образов героев, языка и т. п. Все эти вопросы рассмотрены нами в ранее опубликованной работе.

Эта статья ставит целью — ознакомление читателя с другими известными нам эпическими произведениями алтайцев, имеющими близость к казахскому эпосу. Некоторые из них (эпос «Козы-Эркеш») имеют общую древнюю основу с казахским, а рассматриваемые в данной статье варианты мы считаем заимствованными от казахов, но на новой почве бытования принявшими жанровую форму традиционного национально-алтайского эпоса: они по-новому героизировались; в них появились элементы сказочности — фантастики, гиперболизации, присущие алтайскому эпосу, и т. д.

Таким образом, автор преследует цель — ознакомить читателя с составом и вариантами бытующих на Алтае эпических произведений, которые были заимствованы из казахского эпоса.

---

¹ См. «Ученые записки» Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ, вып. II, 1958.

ДРАМА ПАВЛА КУЧИЯКА «ЧЕЙНЕШ»

Становление и развитие алтайской литературы неразрывно связано с именем Павла Васильевича Кучияка, талантливого писателя, человека разносторонне одаренного: поэта и прозаика, драматурга и незаурядного актёра, тонкого знатока и неутомимого собирателя устного творчества алтайского народа.

П. В. Кучияк расцветом своего таланта обязан Великой Октябрьской социалистической революции, которая спасла алтайский народ от вымирания, вывела его на широкую дорогу активного участия в строительстве новой жизни, открыла перед алтайцами, как и перед всеми другими народами многонациональной России, двери школ и университетов, двери передовой культуры и подлинного счастья.

Получив возможность свободного творчества, Кучияк пробовал свои поэтические силы в различных жанрах. Хорошо зная жизнь своего народа, Кучияк рисовал её в стихотворениях, поэмах, рассказах, повестях, всегда выступая поборником новой действительности, сторонником завоеваний революции. В ярких картинах, рисуемых Кучияком, раскрывается ненависть алтайского народа к угнетателям, его тяга к новой жизни, его духовное возрождение в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Одним из лучших произведений Кучияка, произведений, отмеченных подлинным новаторством и широтой изображения жизни, является пьеса «Чейнеш», в которой писатель решает одну из важнейших проблем, связанных с Октябрьской революцией — проблему пробуждения к жизни малого народа, обречённого в условиях самодержавия на бесправную нищенскую жизнь.

«Чейнеш» примечательна не только тем, что является лучшим драматургическим произведением Кучияка, но и тем, что по силе реалистического изображения действительности, по глубине обобщений, проникновенной народности и большевистской партийности она до настоящего времени продолжает оставаться непревзойдённым образцом алтайской драматургии. В «Чейнеш» Кучияк раскрылся как подлинный новатор, идущий в изображении событий от самой жизни, которую он так хорошо знал и в которой умел отобрать наиболее существенное, характерное для того или иного периода истории.

Великая Октябрьская социалистическая революция оставила неизгладимый след в жизни П. В. Кучияка. Писатель видел в революции начало коренного перелома в жизни алтайцев, начало новой эры,

солнце которой впервые в истории засветило над Алтайскими горами, молчаливыми свидетелями слез и страданий бедных алтай-кижи. Тема революции стала ведущей темой в творчестве Кучника, раскрывалась все более глубоко с каждым новым его произведением, наполняясь все более зрелым осмыслением величайшего перелома, в корне изменившего жизнь алтайского народа. Наибольшего успеха в раскрытии темы о гражданской войне на Алтае П. В. Кучник достигает в лучшей своей пьесе «Чейнеш».

В ней Кучник нарисовал яркую картину бесчеловечного угнетения бедняков-алтайцев баями, зайсанами, купцами, показал нарастающее протеста трудового народа против эксплуататоров и, наконец, изобразил активную борьбу революционных масс против врагов Советской власти, против каракорумских банд.

В пьесе «Чейнеш» изображаются события самого бурного трёхлетия в жизни Горного Алтая, всколыхнувшие все слои населения, изменившие в корне жизнь трудящихся масс.

Первые три действия происходят летом 1919 года, когда на Алтае господствовал контрреволюционный Каракорум, беспощадно уничтожая всё то, что было связано с Советской властью.

События четвертого действия происходят спустя три месяца после свадьбы Чейнеш, о чём свидетельствует реплика Ботпой: «Да, три месяца назад был той...», а также реплика Балаки: «Сват четвертого дня приходил, говорил, что зима подходит, печи поправлять надо...». Следовательно, события четвертого действия происходят осенью 1919 года.

В пятом действии изображаются события, связанные с окончательным разгромом белобандитов на Алтае, осуществлённом летом 1922 года. Об этом свидетельствует не только авторская ремарка, но и реплики действующих лиц.

«К ара... Вон поляна, где Козуйт справлял три года назад той...

Чейнеш... Мы вспоминали прошлое... Вспоминали всё, всё... Я в сотый раз рассказывала ей, как мы шли с тобой три года назад к красным партизанам...»

Таким образом, в пьесе мы видим изображение трёх своеобразных периодов в жизни алтайского народа, представляющих характерные, весьма напряжённые моменты его истории.

Первый период — разгул контрреволюции на Алтае и скрытый протест трудового народа против жолчаковщины, против бесчинств, творимых баями, купцами, шаманами. Народ ещё молчит, как-то терпит тиранию жолчаковщины, но в нём уже копится гнев, который, правда, пока не выливается в открытый протест, но уже таит в себе серьёзную угрозу для контрреволюционного каракорумского режима.

Трудовой народ не разделяет веселья бая Козуйта, купца Пескова, шамана Борогоша и старшины Кускенека в момент свадебного тоя, более того, реплики алтайцев-бедняков дышат ненавистью по отношению к поработителям, называемым ими не иначе как «жадными волками».

Но власть пока еще в руках эксплуататоров и, пользуясь этим, они издеваются над народом: силой заставляют Чейнеш выйти замуж за нелюбимого байского сына Яжняя, сажают в тюрьму батрака Андрея Куреева, избивают Кару, Ялакай и т. д.

Второй период — рост революционных настроений на Алтае, бур-

ное развитие партизанского движения и в связи с этим перерастание молчаливого протеста трудящихся алтайцев в протест открытый, активный. Героиня пьесы «Чейнеш» покидает аил Козуйтов и вместе с Карой уходит в партизаны.

Третий период — окончательная победа революционных сил над контрреволюционными бандами, духовный взлёт трудового народа, почувствовавшего себя хозяином своей земли.

К а р а... Этот дом выстроил своими руками Андрей Куреев... Эту печь клали мои руки... Думал ли я, что через три года войду сюда не батраком, а хозяином и впервые после долгой разлуки обниму мою золотую Чейнеш? Даже во сне никогда, ничего подобного не снилось!... Все, как в сказке. И какая красивая эта сказка!..»

В соответствии с этими тремя характерными для Горного Алтая этапами гражданской войны находится и композиция пьесы «Чейнеш».

В основе сюжета пьесы лежит социальный конфликт, острота которого усиливается личными мотивами столкновения между батраком Карой и байским сыном Яжняем. Кара и Яжняй вступают в столкновение из-за девушки Чейнеш, которая любит Кару. Но Чейнеш — это только повод для столкновения, причиной же столкновения являются социальные условия. Батрак Козуйтов Кара задавлен гнетом своих хозяев и готов бежать от них туда, «где нет людей».

Конфликт между Карой и Яжняем разрешается в четвертом действии: Кара убивает Яжняя. Являясь развязкой частной сюжетной линии, убийство Яжняя служит одновременно толчком для развития более сложного конфликта, конфликта социального, который с каждым новым действием проявляется все явственнее, и в конце пьесы перерастает в вооружённую классовую борьбу.

Тесное переплетение частного и социального конфликтов наполняет пьесу подлинным драматизмом, который, благодаря обилию импровизированных песен и музыки, приобретает явное лирическое оттенки, что и определяет жанровое своеобразие пьесы Кучияк «Чейнеш» как драмы музыкально-лирического звучания.

В соответствии с особенностями жанра пьесы и её композиционным своеобразием находится и группировка образов, основанная на социальных началах. Алтайец-батрак Кара и русский батрак Андрей Куреев с самого начала противопоставлены баю Козуйту и купцу Пескову. Этим самым исключается какая бы то ни была возможность возникновения конфликта на национальной почве. Более того, во взаимоотношениях бедняков мы видим проявление подлинного интернационализма, выражающегося в необыкновенно тёплом, человеческом отношении алтайцев Кары, Содона к Андрею Курееву, а последнего к алтайцам-беднякам.

Глубоким чувством искреннего уважения и братской любви к батраку Курееву наполнена песня Кары в четвертом действии:

Тёмно-серый мой конь,
Не увидев меня, не умрет,
Милый друг мой Андрей
В моём сердце любимым живёт,
Будет встреча у нас —
Пошелкаем орешков мы вдоволь,
Меж собой поведём
Золотой без конца разговор!

По-другому раскрываются взаимоотношения между русским купцом Песковым и представителями привилегированных сословий из среды алтайцев. Лагерь эксплуататоров охвачен внутренними противоречиями, которые проявляются сразу же, как только встаёт вопрос о частных интересах.

Так, в четвёртой картине купец Песков, желая воспользоваться добычей охотника Содона, порочит кама Борогоша, говоря о жадности камов вообще. Читатель, конечно, понимает (это подчеркивает и реплика Кары: «Нашелся купец добрее кама»), что у самого Пескова жадности ничуть не меньше, чем у кама. Именно это-то и раскрывает лицемерие купца, готового во имя личной выгоды совершить любой поступок.

Внутренние противоречия в среде эксплуататоров вызывают более или менее острые столкновения, в результате которых раскрываются гнусные натуры Пескова, Борогоша, Козуйта и т. п. Интересен в этом отношении диалог между Козуйтом и Борогошем в третьей картине. Борогош жалуется на Чейнеш, которая при попытке кама поцеловать ее пролила «священное» молоко.

«Борогош. Такого случая я не знаю! Чейнеш священное молоко пролила!

Козуйт. Как пролила?

Борогош. Я приказал ей приблизиться ко мне свои золотые губы, она оттолкнула меня и уронила чашку.

Козуйт. Зачем же тебе её губы? Где ты видел такой обычай??

Борогош (*нагло*). Приказания кама—божественные...

Козуйт. (*зло*). Что ж тут божественного?»

Но основным средством разоблачения купца, бая, кама является столкновение последних с бедняками, которым присуща наступательная сила и острое народное слово.

Идейным вдохновителем протеста алтайцев-бедняков против байско-купеческого засилья является Андрей Куреев. Именно с этим образом в первую очередь связано острое развитие социального конфликта пьесы. Появление Куреева подготовлено репликой Кары, уговаривающего Чейнеш бежать от бая Козуйта:

«Кара... Мой друг, козуйтовский батрак, Андрей Куреев, говорил мне, что скоро власти белых, власти их царя Колчака придёт конец... Для нас наступит совсем другая жизнь... Бежим, Чейнеш! Бежим!»

Андрей Куреев появляется во втором действии. Уже его первая реплика определяет наступательную позицию героя. В ней протест возмущения, в ней обвинение старшины и кама в зверстве, бесчеловечности. Факт избиения Кары Куреев рассматривает как насилие над батраком богачей, которые «езде одинаковы».

Образ Куреева примечателен тем, что в пьесе с ним связано проникновение большевистских идей в Горный Алтай. Куреев ведёт агитацию среди алтайцев, пробуждает их сознание, разжигает в них ненависть к баям и утверждает веру в скорое падение Каракорума и Колчака.

В своей агитационной работе Куреев находит надежную опору в алтайцах-батраках, в частности в Каре, который выразительно раскрывает основную деятельность Куреева.

«Кара... Андрей всегда говорил золотыми словами... Он говорил

мне, что царь Колчак и Каракурум не вечны... Скоро будет другая власть—народная. За эту власть борются большевики.

Содон (*пугливо*). Т-сс... Разве можно об этом говорить?!

Кара. Об этом, как объясняет Андрей, надо везде говорить, где живут бедные люди».

Правда, Куреев как агитатор не показан в действии, зато он ярко раскрывается как обличитель купца, бая, зайсана и кама. Его реплики—это вызов богачам, разоблачение их эксплуататорской сущности. Они зачастую проникнуты таким остроумием, которое выводит из состояния равновесия его противников, обезоруживает их.

Остроумие Куреева является его оружием в борьбе с притеснителями трудового народа. Оно выражает его силу и превосходство над байско-купеческим лагерем. Особый интерес в связи с этим представляет сцена аракования в аиле Содона и картина тоя.

Купец Песков, пытаясь унижить Куреева, насмешливо говорит: «Все время слышу чужой запах. Оказывается, это Андрей здесь...»

«Куреев. Вы правы. Хотя мне и пришлось жить в вашем доме батраком, но родней своей я вас не считаю».

Не менее остроумно парирует Андрей и реплику бая Козуйта: «Козуйт. Худая собака всегда лает».

Куреев (*насмешливо*). Для волка лающая собака — всегда худая».

Меткие реплики Куреева приводят в бешенство купца, бая и старшину. Больше других горячится Песков. Он не может смириться с тем, что его бывший батрак ведёт себя так независимо и смело. Купец пытается прибегнуть к старым средствам воздействия на Куреева.

«Песков (*встал, показал Курееву кулак*). Ты, кажется, знаешь, сколько это весит? Уходи, пока цел, отсюда».

Видимо, несколько лет назад, в пору работы у Пескова, Андрею пришлось не раз испытать на себе тяжесть купеческих кулаков. Но с тех пор многое изменилось. Андрей Куреев стал другим человеком. Он твердо верит в скорый приход власти, за которую борются большевики. Эта вера делает Куреева смелым и сильным человеком, открыто бросающим вызов своим классовым врагам.

«Куреев (*тоже показывает кулак*). Вес этого кулака вы, господин купец, узнаете скорее, чем думаете».

Картина тоя интересна тем, что в ней столкновение Куреева с Песковым и другими происходит при народе, который восторгается силой и ловкостью Куреева, выступившего в роли «Жеребца». Куреев чувствует поддержку народа, что придаёт ему еще больше смелости и решительности. Он изобличает в грабеже Козуйта, резкой репликой заставляет замолчать Пескова, издевается над Кускенеком.

«Кускенек. Взять его! Заприте в холодный амбар! Караулить не спуская глаз с дверей... Если убежит, ответите своими головами! Вы слышали? Живо!»

Куреев (*смеясь*). Ох, и кипяток же ты, ваше превосходительство! Кричишь, а зачем, сам не знаешь. И люди тебя плохо слушаются. Ты думаешь, что ты страшный? Нисколько! Ты — противный.

Песков. Чёрт знает, что такое! (*Кускенеку*) Заставьте его замолчать!

Куреев. Сам молчу. (*Людям Кускенека*). Ну, идемте. Шагом арш!..»

Одной из особенностей драмы «Чейнеш» является наличие в ней наряду с острыми драматическими ситуациями, ситуаций комических, которые выполняют функции изобличения эксплуататоров средством смеха, смеха едкого, беспощадного.

В приведенной сцене смех рождается контрастным состоянием действующих лиц: гнев Кускенека и веселое спокойствие Куреева, многочисленные приказания истерического старшины и совершенно безучастное отношение к ним народа.

Смех вызывается и несоответствием функций персонажей их действительным обязанностям. Так, Куреев, будучи под стражей, командует охранниками: «Ну, идемте, Шагом, арш!..» Этот момент интересен не только как комический, но и как логически вытекающий из реплики Куреева о том, что Кускенека «люди плохо слушаются». Шутливое командование Куреева на глазах у властей раскрывает, с одной стороны, бессилие последних, с другой — авторитет Куреева среди алтайцев-бедняков.

Глубокое проникновение в события революции и гражданской войны дали возможность П. Кучияку создать произведение социалистического реализма, рисующее становление нового человека в борьбе за новую жизнь на Алтае. Обращает на себя то обстоятельство, что ведущим героем пьесы драматург делает простую алтайскую женщину, так как именно она с наибольшей силой раскрывает то характерное в жизни алтайского народа, что принесла с собой революция. Алтайская женщина более всего испытала на себе гнет. Пробуждение женщины-алтайки к борьбе наиболее ярко раскрывает изменения в психологии алтайского народа. Октябрьская революция принесла с собой не только раскрепощение женщины, но дала ей все права человека в строительстве новой жизни.

Существует распространенное мнение о влиянии на драму П. Кучияк «Чейнеш» пьесы Островского «Гроза», в связи с чем в некоторых статьях, посвященных П. Кучияку, встречаются параллели (Катерина-Чейнеш) не всегда оправданные, а иногда и просто надуманные. Нет никаких оснований называть Чейнеш «ойротской Катериной», равно как и нет причин сравнивать «темное царство» Кабанихи и Дикого с «темным царством» колчаковской реакции на Алтае. Никто не станет отрицать того обстоятельства, что Кучияк воспитывался на русской литературе, лучшие произведения которой были для него образцами творчества. Но основной исходной позицией для Кучияка была жизнь алтайского народа. Писатель шел от самой жизни, и именно это прежде всего определило оригинальность образов, остроту проблем и жизненность его произведений.

Влияние Катерины Островского на Чейнеш Кучияка связывают с тем, что перед постановкой «Чейнеш» алтайский национальный театр ставил «Грозу» Островского, и это якобы отложило на произведение Кучияка зримый отпечаток. К сожалению, никто из критиков и исследователей алтайского писателя не обратил внимания на то, как долго и настойчиво Кучияк искал пути и средства создания активного женского образа, показанного в столкновении с гнусной дореволюционной действительностью, — в поэзии, в прозе и в драматургии еще задолго до постановки «Грозы» в алтайском национальном театре.

В стихотворении «Смерть Янар» девушка-батрачка в ответ на притязания Курдым-бая кончает жизнь самоубийством. В поэме «Ар-

бачи» оскорблённая баем женщина-алтайка в своей ненависти к богачам доходит до вооружённой борьбы с ними.

Но наиболее глубокого, логически последовательного и убедительного изображения женщины-алтайки Кучияк достигает в образе Чейнеш.

В поэме «Арбачи» писатель хорошо справился с задачей изображения нечеловеческих условий жизни Арбачи, но крайне схематично показал ее путь к сознательной борьбе за революцию. Путь Чейнеш к сознательной борьбе против баев является закономерным, логически вытекающим из всего хода событий.

Чейнеш — это ведущая героиня пьесы Кучияка. Ее образ подкупает читателя своей задушевностью, чистотой, любовью к людям, своей романтической устремлённостью к прекрасному в жизни, которое для нее, как и для других бедняков, существует только в мечтах, в воображении.

Мрачная действительность дореволюционного Алтая душила трудовую народ, но мечта о лучшей жизни не меркла в его сознании, она расправляла крылья и парила высоко над миром слез и горя бедняков-алтайцев, пусть не сразу выливаясь в ясно представляемую народом цель, в ясное видение путей и средств достижения этой цели.

Будучи душой народной поэзии, мечта о счастье поднималась над жизнью, и уже одно это являлось вызовом тусклой действительности байско-зайсанского гнёта, от которого стонал алтайский народ.

В начале пьесы Чейнеш мечтает о том, как бы «превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко-далеко». Жизнь молодой девушки, как и жизнь её подруг Ботпой и Ялжак, отравлена суровой действительностью. Чейнеш должна выйти замуж за нелюбимого байского сына Яжня, в то время как она страстно любит байского батрака Кару. Предстоящий выход Чейнеш замуж за Яжня обусловлен тем, что родители ее попали в кабалу к баю Козуйту, и теперь у них нет другого выхода, кроме как выдать любимую дочь за байского сына.

Юная жизнь Чейнеш отравлена. Героиня не видит путей ее улучшения. Только мечта и песня дают возможность на время забыть и тем самым смягчить суровость действительности.

Мечта о счастье зажгла в душе Чейнеш любовь к Каре, который страстно рассказывает девушке о скорой перемене жизни. Рассказ Кары восхищает Чейнеш и одновременно огорчает её. Восхищает тем, что он переключается с её мечтой, огорчает потому, что Чейнеш не видит счастья на земле, не видит реальных возможностей его осуществления.

Чейнеш отказывается бежать с Карой. Её представления о жизни очень наивны. Ей кажется, что могущественнее Козуйтов нет людей на земле.

Не в традиции женщины-алтайки, тем более девушки, самостоятельно решать вопрос о своей жизни. Поэтому Чейнеш отвергает предложение Кары немедленно бежать от угнетателей, она пытается найти защиту от Козуйтов у отца с матерью, но безуспешно.

В третьей картине Чейнеш просит Козуйтов отпустить её на волю, но, будучи злыми людьми, они тиранят её, издеваются над её любимым человеком Карой.

Только в конце четвёртой картины, доведённая байской семьёй до отчаяния, Чейнеш порывает с Яжнем и вместе с Карой уходит к партизанам.

Учитывая сложность процесса революционирования женщины-алтайки под воздействием окружающей среды, Кучияк осторожно, порой прибегая к приёму замедленного развития действия, проводит Чейнеш от неверия в возможность изменения жизни к активному участию в борьбе за революцию. Замедленность эволюции характера Чейнеш обусловлена стремлением Кучияка к широкой, многосторонней мотивировке её поступков, чем драматург добивается убеждённости читателя в том, что героиня в данной ситуации иначе поступить не могла.

Для разрыва Чейнеш с ненавистным миром байской тирании достаточно было насильственной выдачи героини замуж за нелюбимого ею байского сына. Но Кучияк не ограничивается этим. Он рисует еще ряд причин, сделавших этот разрыв не только возможным, но и неизбежным. Так, показав невыносимые условия жизни Чейнеш, отданной Козуйтам, Кучияк рисует и нечеловечески трудную жизнь её возлюбленного Кары. Кроме того, автор раскрывает полное разочарование в Козуйтах не только Содона, но и Баланки, которая убеждается, что её зять негодяй. Напряженность ситуации усиливается убийством Яжная, делающим уход Кары и Чейнеш в партизаны единственно возможным выходом из сложившейся обстановки.

Ярким образом в лагере борцов за новую жизнь является и пастух Кара, связанный тесной дружбой с батраком Андреем Куреевым. Кара по натуре своей поэт, мечтатель. Его песни наполнены оптимизмом, верой в лучшее завтра. Дружба Кары с Куреевым открыла пастуху глаза на мир, заставила по-другому смотреть на жизнь. Куреев убедил Кару в скорой гибели баев и зайсанов, в скором приходе новой жизни. Под влиянием Куреева мечта Кары становится более целеустремлённой и жизненной. Кара с самого начала пьесы рисуется как убежденный противник баев и зайсанов, но тем не менее его образ претерпевает определённую эволюцию. В начале пьесы мечта Кары о новой жизни носит отвлечённый характер. Кара не представляет себе новой жизни, не видит путей её осуществления, более того, не видит своего места в борьбе за эту жизнь. Каре кажется, что новая жизнь придёт сама собой, а ему с Чейнеш надо только дожидаться её в тихом надёжном месте.

«К а р а. Дорогая Чейнеш... бежим туда, где нет людей, где гуляют только маралы да дикие косули!»

Такие рассуждения Кары связаны с недооценкой собственных сил и возможностей. Причины их коренятся в постоянном внушении байско-зайсанской верхушкой бедному люду мысли о его неполноценности.

Но жизнь по-другому распорядилась судьбой Кары. Она заставила его быть активным борцом с баями и зайсанами. В пятой картине Кара предстает перед читателем в образе командира-разведчика, «настоящего большевика».

В образах Чейнеш и Кары Кучияк убедительно раскрыл, как социалистическая революция пробуждает к творческой деятельности широкие народные массы, даёт им возможность «проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами».¹

В драме «Чейнеш», как и в других произведениях, Кучияк утвер-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 367.

ждает идею, связанную с массовым участием бедняков-алтайцев в революционной борьбе против эксплуататоров. Эта идея утверждалась в противовес распространённому в своё время ошибочному мнению о том, что якобы во время Октябрьской революции многие алтайцы ничего не понимали в происходивших событиях и поэтому дали себя обмануть колчаковцам. Руководствуясь этой точкой зрения на алтайский народ, некоторые писатели, касаясь темы гражданской войны, старались обойти вопрос о месте алтайцев в революционной борьбе, не давая их крупным планом. Даже Чагат-Строев в поэме «Кара-Корум» — одном из лучших поэтических произведений о гражданской войне на Алтае — изобразил алтайский народ в общих чертах.

Впервые тему революции и алтайского народа Кучияк пытается разрешить в пьесе «Работа белых» (1933 г.). Рисуя разгул контрреволюции на Алтае, писатель раскрывает отношение алтайцев-бедняков к колчаковским бандам. В «Работе белых» Кучияк делает попытку создать образ передового человека — партизана Мёрёна, который несёт правду алтайскому народу. Вместе с Мёрёном к партизанам уходят бедняки Теке, Сары-Уул, батрак Бетук. Правда, образы эти (не исключая и Мёрёна) еще схематичны. Без должной глубины в «Работе белых» раскрывается и сама революция. Кучияк еще слабо владел мастерством отбора наиболее характерных закономерностей жизни. Так, в пьесе на первый план выступает грабёж колчаковскими бандитами населения и недовольство народа этим грабежом.

В драме «Чейнеш» Кучияк ставил перед собой более широкие задачи, а именно: изобразить процесс революционирования алтайского народа, показать закономерность его прихода к революционной борьбе с классовыми врагами, нарисовать братскую дружбу русского батрака с алтайскими бедняками в их совместной борьбе с эксплуататорами, наконец, создать образы новых людей — задушевных, простых, располагающих к себе, людей бесстрашных и человечных.

В «Чейнеш» алтайцы-труженики различными путями приходят к борьбе за новую жизнь. У одних этот путь прям и короток (Кара, Чейнеш), у других — сложен и трагичен (Содон), у третьих — мучителен и долог (Баланка, Ботной). Но все представители трудового народа в той или иной форме солидаризируются с Советской властью.

Особое место в лагере тружеников занимают родители Чейнеш — Содон и Баланка. Содон — это типичный алтаец-бедняк, задавленный чуждой, проживший безрадостную жизнь. Рабская жизнь выработала в нём покорность — смирение. Баи и зайсаны сумели внушить Содону, что «воля неба посылать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей».

По-другому раскрывается характер его жены Баланки. Будучи, как и Содон, жертвой байской эксплуатации, она сама оказывается подверженной морали и психологии господствующей верхушки.

Содон — человек по природе своей очень добрый, доверчивый. Бесправный и нищий, он потерял всякую надежду на человеческую жизнь, чего, в отличие от него, не потеряла еще его жена, увидевшая в предстоящем замужестве дочери средство избавления от нищеты. «Ты, глупая, — говорит она, обращаясь к Чейнеш, — не хочешь счастья ни себе, ни нам». Может быть, именно этим и объясняется более активная позиция Баланки, чем Содона. Последний не может противостоять настойчивости жены в вопросе выдачи Чейнеш замуж за байского сына,

так как обстоятельства сложились не в его пользу: он задолжал Козуйту «выше головы». Содон сознаёт своё бессилие перед Козуйтами, понимает и то, что любимая дочь Чейнеш насильно выдается замуж.

«Баланка. Замучила она меня. Вы, говорит, меня силой замуж отдаёте...

Содон (*сад, смотрит в землю*). Она правду говорит. Но другого выхода нет, Козуйты давали нам всегда лошадей. Они давали ячмень, давали обувь, хотя это были обноски. Волос на голове не хватит за все заплатить!

Чейнеш. Я буду работать и день, и ночь, без сна...

Содон (*качает головой*). Нет... поздно, поздно...»

По мере развития действия отношение Содона к выдаче Чейнеш замуж за Яжняя изменяется. Хитрый Козуйт старается задобрить бедняка. Он обещает погасить все его долги и при первой же необходимости помочь Содону всем, чем богат.

Но Содона покоряют не столько обещания Козуйты, сколько то, что его признают за человека такие высокие гости, как бай, зайсан, шаман и купец, что они разговаривают с ним как с равным. Добрый, доверчивый Содон принимает льстивые разговоры гостей за чистую монету, и, растроганный, он от души благодарит их. Не избалованный людским вниманием и лаской в жизни, Содон быстро отзывается на каждое доброе слово по отношению к нему. Но слишком много невзгод и горя перенёс он, чтобы долго оставаться в плену лицемерных речей своих гостей. Содон так же чуток к обиде и оскорблению, как и к доброму человеческому слову. Насильственный увод Чейнеш байскими слугами из родительского аила убеждают Содона в том, как он жестоко обманут Козуйтом. На просьбу Чейнеш спасти её, Содон сокрушён — но роняет: «Ничего я не могу... Милая моя Чейнеш, ничего я не могу...»

Содон — сложный характер, обладающий способностью чуткого реагирования на ход событий, что определяет его постоянное движение, развитие.

Полной противоположностью Содону в этом является его жена Баланка. Её характер раскрывается прямолинейно, без психологических нюансов. Баланка последовательно борется за право быть в родстве с Козуйтами, при помощи чего надеется избавиться от условий нищенской жизни. Нужда и подневольный труд ожесточили её, притупили в ней даже материнские чувства. На протяжении первых трёх картин Баланка ни разу не посочувствовала своей дочери. И только в четвёртой картине, окончательно осознав, что замужество Чейнеш не принесло счастья ни дочери, ни родителям, Баланка в первый раз по-матерински нежно жалеет Чейнеш, страдает оттого, что не может помочь ей и призывает её быть покорной.

В четвёртой картине мы видим намечающееся сближение Содона с Карой. Содон со страхом слушает рассказ Кары о том, что «царь Колчак и Каракорум не вечны... скоро будет другая власть — народная. За эту власть борются большевики». Кучияк не показывает, как терпеливый и покорный Содон восстаёт против Козуйтов. Мы только узнаём о том, что он расстрелян ими.

Жизнь Содона является характерной для той части алтайцев, которые были далеки от понимания социальной борьбы, которые были забиты, задавлены нуждой, смирились со своим рабским положением.

но силой обстоятельств, могучим движением народных масс за свободу и счастье были вовлечены в ожесточённую классовую борьбу за новую жизнь, за революцию.

Баланка тоже приходит к новой жизни, но её эволюция не всегда соответствует логике развития характера. Её реплика в конце четвёртого действия «Собаке—собачья смерть» в адрес Яжная звучит совершенно неожиданно. Ведь Баланка до этого была яркой сторонницей родственных связей с Козуйтами, сторонницей старых традиций, связанных с покорностью и беспрекословным повинованием каму, зайсану.

Правда, в конце пятой картины, когда Баланка встречается с Карой, её симпатии к Советской власти имеют гораздо большую мотивировку, чем неожиданный выпад против байского сына в конце четвёртого акта. Баланка имела время поразмыслить (между четвертой и пятой картинами промежуток времени примерно в два с половиной года) над тем, что её дочь Чейнеш находится у партизан; она могла окончательно возненавидеть Козуйтов за то, что они принуждали Содона пойти с оружием в руках против Советской власти и, не добившись этого, расстреляли его.

Естественность слов Баланки: «Дети вы мои родные! Милая моя Чейнеш, прости ты меня, глупую...» — усиливает жизнерадостная картина торжества новой жизни, картина победы молодых революционных сил над мраком контрреволюции.

Лагерю борцов за новую жизнь в пьесе противостоят контрреволюционные силы в лице бая Козуйта, бывшего зайсана Кускенека, кама Борогоша и купца Пескова. Кучияк показал всех представителей эксплуататорской верхушки, выступающих единым фронтом перед грозой революции и не жалеющих ни сил, ни денег для её подавления.

«Кускенека. Хорошую речь вы, Иван Пантелеевич, сказали. У нас народ думает, что русские против Каракорумской управы. Теперь они убедились, что вы ничего не жалеете для нас... Двадцать тысяч — это не шутка.

Песков. Сто дам, только бы антихристово племя раздавить.

Козуйт. Другой цели у нас сейчас нет».

Одним из наиболее ярких образов представителей контрреволюционного лагеря в пьесе является бай Козуйт. Богатый человек, он полновластный хозяин своего края. Даже русский купец Песков (не говоря о зайсане Кускенеке и каме Борогоше, а тем более о бедных алтайцах) признаёт его силу и власть. «Ура нашему хозяину Козуйту!» — провозглашает он во время тоя.

Хитрый Козуйт держит в своих руках всю округу, закабальет и алтайцев, и русских.

Будучи по природе своей стяжателем, человеком жадным и хищным, Козуйт умеет создать видимость доброты и заботы о людях. В картине сватовстве он сумел так растрогать бедняка Содона, что тот согласился отдать свою дочь Козуйтам. Во время тоя Козуйт поит аракой народ, устраивает для него веселье. Кучияк постоянно подчеркивает хитрость поступков Козуйта, которая приводит в восторг даже такого хитреца, как кам Борогош.

Так, в картине сватовства, когда Баланка заставляет Содона приказать Чейнеш выйти замуж за Яжную, Козуйт, не желая быть свидетелем скандала, говорит: «Мы, мужчины, выйдем... Невеста хочет поговорить с родителями. Пусть поговорит...»

«Кускенеж. Совершенно верно. Уйдемте.

Борогош. Ловко придумано!»

В картине тоя, когда Андрей Куреев разоблачает волчью натуру Козуйта, последний, зная, как алтайцы-бедняки прислушиваются к голосу русского человека, тут же заставляет выступить купца Пескова, чтобы сгладить впечатление от слов Куреева.

Постоянно акцентируя внимание зрителя на хитрости Козуйта, его расчётливости и сметливости, Кучияж одновременно беспощадно разоблачает его антинародную сущность, его гнусный характер эксплуататора и кровопийцы.

Во время сватовства Козуйт обещал Содону погасить все его долги, а через три месяца он припомнил ему коня, которого год назад задрал волк.

Организацией тоя Козуйт хочет показать свою доброту, но тут же выясняется, что он из-за жадности не уплатил Андрею Курееву за работу.

Стремление к обогащению, жажда власти над народом сделали Козуйта одним из организаторов контрреволюционной банды в Горном Алтае.

Другим ярким образом контрреволюционного лагеря является кам Борогош, развратник и самодур, использующий религию в целях удовлетворения своих низменных побуждений.

Кучияж от картины к картине всё ярче и глубже раскрывает гнусный характер Борогоша. Так, во время аракования в аиле Содона кам говорил о том, что ему боги велют любить Чейнеш, как дочь. В конце аракования пьяный Борогош заявляет: «Люблю, люблю Чейнеш» (уже не как дочь). В начале третьей картины Борогош от слов переходит к делу: пытается насильно поцеловать Чейнеш «по велению богов». В конце этой картины, не добившись победы над Чейнеш, Борогош в сердечном разговоре с купцом Песковым заявляет о своей готовности, на худой конец, вступить в связь и со старой женой Яжная — Базым.

Наконец в последней картине кам насилует Ялакай и доводит её до самоубийства.

Такой приём трагедии даёт возможность драматургу к концу пьесы выявить всю отвратительную сущность «богослужителя».

Одним из средств разоблачения Борогоша является смех, чаще всего возникающий в результате кричащего противоречия между «божественностью» слов кама и «небожественностью» его поступков. В конце третьей картины Борогош в аиле Козуйтов произносит такую — «божественную» — реплику: «В последние дни я много молился, чтобы нечистые духи близко к этой кровати не приближались... И тут же, минутой позже, происходит разговор совершенно другого — «небожественного» — плана.

«Песков (Борогошу). У Яжная губа не дура... Какова Чейнешка-то, а?

Борогош. Я и от Базым не отказался бы».

Подобная ситуация складывается и в момент поднесения камом невесте «священного» молока во второй картине.

Интересной с точки зрения целенаправленности смеха в пьесе является сцена ухода богатых гостей из аила Содона.

«Борогош. Постойте, ташаур надо на дорогу взять!..

Козуйт. Аил наш не за горами, божественный отец...

Борогош. Не за горами, а все-таки... (Взял ташаур и ушёл вслед за другими).

Если бы так поступил кто-нибудь другой, возможно, это было бы воспринято как выходка весёлого человека. Когда же так делает «божественный отец» (именно так Борогоша называет Козуйт), то смех приобретает характер обличения.

В изображении характера кама Кучияк следует передовым тенденциям народного творчества алтайцев, которые (при всей их темноте и страхе перед богом) ненавидели жадных богослужителей и высмеивали их в своем творчестве. Так, в сказке «Шелковая кисточка» кам изображён как корыстный, жестокосердный старик, наказанный самой жизнью за свои проделки. В сказке «Ырысту» камы высмеиваются как шарлатаны, которых ловко проводит мальчик Ырысту.

Кам во многих произведениях народного творчества алтайцев является воплощением жадности, зла. Не случайно зачастую шамана называли не именем, а различными нехорошими кличками.¹ В духе народного изображения кама в устном творчестве нарисован и шаман Борогош.

Во второй картине отец Чейнеш Содон жалуется на свою бедность: «Болезнь детей нас разорила. Шесть ребят умерло. Последний окот в жертву богу отдал. Божественный отец знает об этом».

Нищенские условия жизни алтайцев-бедняков являлись причиной частых случаев смерти детей. Хитрые камы, как и русские попы, использовали несчастные случаи в жизни людей в своих интересах.

Большую смертность детей в дореволюционные годы шаманы объясняли не тяжёлыми материальными условиями жизни алтайцев, не жестокой эксплуатацией баев, чиновников и шаманов, а тем, что злые духи уносят ребятнишек. Поэтому родители под влиянием шаманских проповедей давали своим детям самые отталкивающие, иногда похабные имена, чтобы оттолкнуть этим злых духов. Можно привести ряд таких имен: Ийт-Кулак—собачье ухо, Ийт-Коден—собачий зад, Чичкам—мышь, Баргаа—дурная трава, Бохту—пачкун. Дьяман-Дыт—плохо пахнущий, Айруш—вилы, Бакаш—лягушечка, Борбуй—кожаный мешок, сосуд, Кёгён—овод, Куйрук—хвост, Тюбек—беда, Кучук—щенок, Тырмак—ноготь, Багай—плохая, негодная, Сирке—гнида и многие другие».²

Тёмный народ под воздействием шаманского дурмана верил в то, что можно при помощи камов задобрить духов и порой отдавал «богослужителям» все своё имущество.³

Наделив кама Борогоша отвратительными чертами характера—жадностью, лицемерием, ханжеством, половой распущенностью и т. д.—Кучияк создал типичный образ, несущий в себе наиболее существенные, характерные стороны шаманского сословия.

Ярым врагом народа, революции является и купец Песков. В его характере много общего с характером Козуйта. Подобно Козуйту, Песков стремится задобрить человека, расположить его к себе, а потом ободрать, как липку.

¹ П. Е. Тадыев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма, Горно-Алтайск, 1955, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ См. об этом в книге Л. П. Поталова «Очерки по истории алтайцев». Изд. АН СССР, 1953, стр. 109—110.

В четвертой картине Песков приходит к возвратившемуся с охоты Содону с целью оцонить его водкой и завладеть добычей. «Я тебе, славный охотник, подарочек привез... Возьми от чистого сердца...»

Сколько в словах купца заискивания перед охотником, слащавости и наигранного добродушия к нему. Содон тронут. Он очень отзывчив на доброе слово и поэтому не знает, как отблагодарить Пескова. «Милостивый человек! Дай бог вам здоровья», — говорит он. Следующая за этим реплика Кары обнажает истинные замыслы Пескова, проявляя фальшивость его доброты и расположения к бедному человеку:

«Сверху слегка помажет — снизу лопатами загребет».

Ответная реплика Пескова — «Ты, кажется заговариваешься, мой милый... Подержи-ка язык за зубами...» — с головой выдает Пескова, подтверждая его корыстные цели прихода к Содону.

Но ведущая роль в разоблачения Пескова принадлежит не Каре, а Андрею Курееву, когда-то батрачившему у купца и испытавшему на себе его «характер». Именно Песков имеется в виду в реплике Куреева: «Кулаки везде одинаковы. У всех у них большие и злые клыки. Я семь лет батрачил и испытал силу этих клыков на собственной шкуре».

Песков видит в Андрее Курееве врага и стремится всеми средствами бороться с ним, уничтожить его. «Таким бродягам поблажки никогда не надо давать», — говорит он во второй картине. «Предайте его суду. Я пойду свидетелем...» — уговаривает Песков Кускенека в третьей картине.

Ненависть к народу, поднявшемуся на борьбу за свою свободу, привела Пескова, как и Козуйта, к организации контрреволюционной банды.

В конце пятой картины мы узнаём о том, что Песков убит Андреем Куреевым. Это логический конец врага революции. Побеждает Советская власть, принёсшая радость трудовому народу.

Пятая картина отличается от четырёх предшествующих картин своей жизнерадостностью, бодрым настроением людей, завоевавших своё право на счастье.

Со времени написания и первой постановки «Чейнеш» прошло двадцать с лишним лет, но пьеса продолжает волновать сердца читателей и творческих коллективов.

Если кратко ответить на вопрос: «В чем сила драмы «Чейнеш?» — то прежде всего следует сказать о подлинной народности этой пьесы, которая так ярко проявляется в психологии трудового алтайского народа, поднявшегося на борьбу против эксплуататоров, в его образе мыслей, так выразительно раскрывающих ненависть простых людей к баям, камам, зайсанам, которые на протяжении всей пьесы наделяются эпитетами, присущими хищным животным.

Народность пьесы проявляется в широком использовании народного творчества: своеобразных алтайских пословиц и поговорок, так ярко раскрывающих быт и занятия алтайцев, замечательных легенд о ку-кушке, о девушке, о богатыре.

Характерно то, что народная поэзия в пьесе связана преимущественно с образами алтайцев-тружеников, эксплуататорская верхушка почти не прибегает к народной поэзии, что оттеняет её оторванность от психологии и образа мыслей трудового народа.

Народность пьесы «Чейнеш» проявляется в том особенном музы-

кально-песенном звучании, которое гармонирует с природой Алтая: тихим звоном долин, стремительным переливом буйных рек, еле уловимым шумом тайги. Музыкальность и песенность придают пьесе своеобразный оттенок того особенного лиризма, который возможен только при импровизации.

В драме «Чейнеш» Кучияк ярче всего раскрылся как художник, сумевший показать жизнь своего народа со всеми её характерными чертами и закономерностями в период борьбы за Советскую власть.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ НАКАНУНЕ МАССОВОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(июнь 1918 год — июль 1919 год)

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны Горный Алтай был одним из крупных центров партизанского движения в Западной Сибири. Из отдельных отрядов партизан здесь была сформирована партизанская дивизия, насчитывавшая в своем составе более 18 тысяч бойцов. Длительной и героической борьбой партизаны отвлекали на себя значительные силы противника и тем самым оказывали активную помощь Красной Армии.

Борьба партизан Горного Алтая ускорила разгром Каракорум-Алтайской уездной земской управы — органа власти байско-купеческой националистической верхушки.

Партизанское движение, начавшееся действиями мелких, разрозненных групп, вылилось под руководством большевиков во всенародную борьбу трудящихся масс против белогвардейцев и интервентов за восстановление власти Советов.

О гражданской войне в Горном Алтае опубликовано несколько работ.¹ Однако в них вопросу предыстории массового партизанского движения уделено недостаточное внимание. Между тем этот период представляет большой интерес. Настоящая статья имеет скромную задачу осветить некоторые вопросы истории Горного Алтая указанного периода.

При написании статьи использованы как опубликованные, так и новые, впервые вводимые в научный оборот материалы.

Советская власть в Горном Алтае начала устанавливаться в конце декабря 1917 года.² Созданные волостные Советы находились в подчинении Бийского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских

¹ Л. П. Мамет Ойротия, М., 1930.

И. Я. Третьяк. Партизанское движение в Горном Алтае, 1919 год. Новосибирск, 1932.

А. Худяков. Гражданская война на Алтае. Барнаул, 1952.

П. Е. Тадыев. Гражданская война в Горном Алтае. 40 лет Советскому Горному Алтаю. Сборник статей. Горно-Алтайское книжное издательство, 1957.

Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Сборник воспоминаний и документов. Горно-Алтайск, 1957.

² 40 лет советскому Горному Алтаю, стр. 36.

депутатов. А такой, например, как Шебалинский Совет, возглавляемый В. И. Плетневым, в своей работе опирался на вооруженный отряд Красной гвардии.³

Организация Советов в Горном Алтае встретила сильное противодействие со стороны байско-купеческой националистической верхушки. В противовес местным Советам, алтайские буржуазные националисты в марте 1918 года в селе Улала (ныне г. Горно-Алтайск) созывают, так называемый, Учредительный съезд, который принял решение выделить горную часть Алтая из состава Алтайской и Томской губерний в особую административную единицу, наименовав ее «Каракорум-Алтайским округом» и избрал исполнительный орган — «Каракорум-Алтайскую окружную управу». Конечной целью этого съезда был отрыв Горного Алтая от Советского государства.⁴ Таким образом, в Горном Алтае весной 1918 года, наряду с Советами — органами власти трудящихся, возник буржуазно-националистический орган. На первых порах Каракорумская управа открытых антисоветских действий не проявляла. Наоборот, боясь разгрома со стороны Советов, созданных в большинстве волостей, она всячески маневрировала и маскировалась под национальный орган советской местной власти.⁵ Но фактически, являясь органом власти баев, торговцев, кулаков и буржуазных националистов, Каракорумская управа вскоре превратилась в скопище контрреволюционеров, бежавших от Октябрьской революции из центра страны. В ее стенах нашли приют бывшие помещики, эсеры, белогвардейские офицеры. С помощью последних Каракорумская управа создала свои вооруженные отряды, которые в мае 1918 года дважды совершили вылазку против Шебалинского и Бийского Совдепов, но получили достойный отпор. Это была первая попытка Каракорума развязать гражданскую войну в Горном Алтае.

Ввиду подобных антинародных действий управы, Алтайский Губернский Совдеп издал приказ об аресте ее главарей. Однако выполнить его не удалось. 25 мая 1918 года корпус бывших чехословацких военнопленных поднял организованный державами Антанты антисоветский мятеж и захватил Мариинск, Новониколаевск (Новосибирск), Челябинск и другие города по транссибирской железнодорожной магистрали. Все силы и внимание губернских партийных и советских органов были направлены на борьбу с отрядами чехословаков и белогвардейцев, наступавших из Новониколаевска на Барнаул. По призыву Губкома РКП(б) и Губисполкома в городах губернии формировались красногвардейские рабочие отряды и отправлялись на фронт. Энергичные меры по формированию отрядов Красной гвардии провели бийские большевики.

В начале июня по призыву Бийского Совдепа из с. Шебалино на фронт выехал и отряд горно-алтайских красногвардейцев под командованием В. И. Плетнева. По пути в Бийск отряд проводил в селах митинги с призывом выступить на защиту Советской власти и значительно пополнился за счет добровольцев.

Бывший председатель Бийского Совдепа З. Я. Двойных в своих воспоминаниях пишет: «Фронт требовал новых и новых сил; работники

³ И. В. Плетнев. Командир Красногвардейского отряда. Горно-Алтайск, 1957 г.

⁴ Л. П. Потапов. Очерк по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 284—285.

⁵ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 14.

Совета валились с ног от усталости, на городских площадях шло спешное обучение красногвардейцев...

Плетнев приехал вечером. Я сидел в кабинете и диктовал свой какой-то приказ. Вдруг резко открылась дверь, и в комнату вошел человек среднего роста, черный, подвижной, энергичный, в коротком казачьейской полушубке, с двумя наганами и тремя гранатами за поясом; в правой руке он держал новый винчестер.

Плетнев отрапортовал:

— Прибыл в ваше распоряжение! Отряд в сто семьдесят бойцов у здания Совета!

Я с комиссарами вышел на балкон. Мы увидели крепкий отряд, ровной шеренгой выстроившийся перед зданием Совета. Бойцы — на подбор, фронтовики всех родов оружия: матросы, артиллеристы, пехотинцы знаменитых сибирских полков, кавалеристы.⁶ После непродолжительного летучего митинга отряд немедленно отправился на вокзал.

Фронт проходил по реке Чумыш. Когда туда прибыли красногвардейцы Горного Алтая, то там уже бились с врагом бийские, барнаульские и семипалатинские отряды Красной гвардии.

Белочехи и белогвардейцы вели наступление одновременно по двум направлениям: по линии железной дороги и на пароходах по Оби. Утром 5 июня 1918 года, заняв станцию Черепаново, они повели наступление на станцию Тальменка, где разгорелись ожесточенные многодневные бои.

Силы были неравные. Отряды Красной гвардии отступили сначала на станцию Алтайскую, а затем — на Барнаул, Бийские и горно-алтайские красногвардейцы отступили на Бийск.

Воспользовавшись тем, что красногвардейцы выехали на фронт, каракорумцы подняли антисоветский мятеж. Их отряд под командой белогвардейского офицера Лукашевича занял большое предгорное село Алтайское. Бийский Совдеп оказался между двумя фронтами контрреволюции.

Антисоветский мятеж каракорумцев был поддержан торговцами, кулаками и эсерами. Местный Совдеп был ликвидирован, его члены, не успевшие скрыться, арестованы. В селе Алтайском мятежники образовали так называемое «Временное сибирское правительство». З. Я. Двойных так же вспоминает: «Меня они вызвали к прямому проводу. Разговор был краток. Я спросил:

— Кто вызывает?

Рычажок отбивал на узкой полоске ленты:

— Я, Уполномоченный Сибирского правительства Венярский, предлагаю тебе немедленно добровольно сдаться. Бийск окружен со всех сторон войсками Сибирского военного правительства. Если не сдашься, — повешу тебя и всех твоих совдепщиков.

Хотя и тяжелое время было, но не могли мы не улыбнуться «страшной» телеграмме. Телеграфист под мою диктовку нажимал ключ:

— Мы не для того власть завоевали, чтобы перед каждым бандитом сдавать позиции».⁷

По приказу Бийского Совдепа в село Алтайское немедленно был

⁶ З. Я. Двойных. Таежные партизаны. М. 1936, стр. 114.

⁷ З. Я. Двойных. Путь красночаменца-большевика. Воспоминания. Издательство «Старый Большевик». М., 1934, стр. 82.

отправлен отряд Плетнева. Встреча с противником произошла между селами Нижняя Каменка и Алтайское.

Разведав численность и расположение противника, красногвардейцы повели наступление на фланги. Хотя каракорумцы и имели численное превосходство, но, боясь окружения, они бежали на Алтайское, а затем — в Улалу.

Заняв село Алтайское, красногвардейцы освободили арестованных и восстановили Совдеп. Вскоре Плетневу стало известно о захвате арагами с. Бийска. Белогвардейцы по телеграфу предложили Плетневу сдаться, однако получили от него короткий и выразительный отказ.

Отряд оказался в тяжелом положении. Плетнев решил возвратиться в с. Шебалино. Жители села устроили красногвардейцам торжественную встречу. В те дни Шебалино было одним из немногих сел Горного Алтая, где еще свободно развеялось Красное Знамя.

Шебалинский Совдеп и его отряд Красной гвардии были окружены со всех сторон врагами. С юга угрожал карательный отряд Сатунчина, поднявшего контрреволюционный мятеж в с. Кош-Агаче, с севера — Каракорум. Небольшой отряд красногвардейцев, имея недостаток в оружии и боеприпасах, не мог вести продолжительную вооруженную борьбу с врагами.

В сложившихся тяжелых условиях нужно было найти новые пути борьбы. На совещании командного состава отряда и членов Совдепа было решено перейти в подполье, к партизанским формам борьбы. Такая тактика в тот период была единственно возможной и правильной. Она была рассчитана на сохранение боевых сил и подготовку их к предстоящим боям.

В своем выступлении на совещании Плетнев говорил: «Я верю, что придет время, когда враги революции будут сметены с лица земли. Но сейчас мы окружены и наши силы далеко не равны. Однако встать перед врагами на колени и просить пощады будет подлостью и позором. Пасть смертью в открытом и неравном бою — бессмысленно и бесполезно. Выход один — уйти в глубокое подполье и использовать все для накопления новых сил. Оружие надо сохранить для будущих боев...»⁸

В первых числах июля 40 вооруженных красногвардейцев во главе с Плетневым выехали из Шебалино. На лесной поляне Семинского перевала был проведен последний отрядный митинг. Для сохранения связи были определены места явок. Дав клятву продолжать борьбу за Советскую власть, красногвардейцы разъехались по горам небольшими группами.

В большинстве своем они находились в окрестностях своих сел: Шебалино, Черга, Алтайское, Сараса. Красногвардейцы В. М. Лыжин и А. П. Клепиков действовали в окрестностях Малой Черги, братья Владимир, Илья и Николай Зыряновы, преследуемые кулаками и каракорумцами, вынуждены были уйти в Барнаульский бор. Группа красногвардейцев во главе с Семеном Светиловым оперировала по реке Булукта. Однако каракорумскому отряду вскоре удалось ее обнаружить.

⁸ И. В. Плетнев. Командир красногвардейского отряда, стр. 21.

Плетнев В. И. вел активную подпольную работу в Бийском уезде, затем перешел линию фронта и в декабре 1919 г. вместе с регулярными частями Красной Армии прибыл в Бийск, где был назначен членом Ревкома. В 1920 г. был председателем Шебалинского районного и Горно-Алтайского уездного ревкомов. В 1935 г. умер в г. Фастове на Украине.

Окруженные врагами красногвардейцы дрались до последнего патрона. Некоторые погибли в неравном бою, остальные, в том числе С. К. Светоносов, П. В. Снягирев, были схвачены белогвардейцами.⁹

В боях с карателями смертью храбрых погиб молодой красногвардеец из села Алтайское Ларион Губин. Он отстреливался от наседавших врагов до тех пор, пока не был тяжело ранен. Молодой патриот был подвергнут палачами жутким истязаниям. Исключительную храбрость и находчивость проявил красногвардеец И. И. Паушев, житель села Черги. Для того, чтобы его арестовать, белогвардейцам потребовался целый взвод солдат.

Перейдя в подполье, бойцы Красной гвардии не сложили оружия. В дальнейшем они приняли активное участие в партизанском движении, были выдвинуты командирами. Так, красногвардеец В. С. Зырянов стал начальником штаба 1-ой горно-конной партизанской дивизии. В. М. Лыжин — командиром 6-го партизанского полка.

Каракорумская управа вела борьбу не только против отряда В. И. Плетнева. Она была соучастником и в гибели сводного отряда Красной гвардии под командованием П. Ф. Сухова.¹⁰ Как известно, этот легендарный отряд состоял из красногвардейцев Барнаула, Семипалатинска, Кольчугино (ныне город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области) и бывших военнопленных венгров, выступавших на защиту Советской власти. 15 июня красногвардейцы отступили из Барнаула на станцию Алейскую. Проведя ряд успешных боев с белыми в Кулундинской степи, они в начале августа 1918 года вступили в горы Алтай. Отряд имел намерение пробиться в Советский Туркестан через северо-западную Монголию и Китай.

Каракорум предпринял спешные меры по преграждению движения суховцев в горы Алтай. В своих телеграммах он требовал от волостных управ организовать местные дружины для борьбы с отрядом Красной гвардии, установить охрану паромных переправ и разведку по дорогам, информировать о направлении движения «прорвавшихся большевиков».¹¹

Так, в телеграмме от 3 августа, направленной в Шебалино, Онгудай, Кош-Агач, Каракорум требовал от волостных земских управ «оказывать упорное сопротивление при движении их (красногвардейцев — С. П.) вглубь Алтая», по пути их следования угонять скот, в особенности лошадей.¹² В тот же день, в целях координации своих действий с бийскими властями, Каракорум запросил у Бийской земской управы телеграфной информации о принимаемых ею мерах по борьбе с отрядом Красной гвардии. Наутро, докладывая начальнику бийского гарнизона о формировании отрядов для борьбы с прорвавшимися в Горный Алтай красногвардейцами, Каракорумская управа одновременно просила выделить на эти цели денежные ассигнования.¹³

Члены управы настолько были отвлечены борьбой с суховцами, что

⁹ С. К. Светоносов погиб в с. Шебалино от рук матерого карателя, белогвардейского офицера Сатунина. Газета «Колхозник Алтая» (с. Алтайское) от 4 апреля 1957 года.

¹⁰ К. Урманов. Красная Гвардия не сдастся. Барнаул, 1961 г.

¹¹ Государственный архив Алтайского края. (ГААК), дело № 3 Алтайской Горной думы. Телеграммы за 1918 год.

¹² Там же.

¹³ Там же.

не смогли даже принять участие на губерньском съезде общественных деятелей в г. Барнауле. В своем объяснении они указывали, что делегировать съезд не могут по «причинам военных действий (на) Алтае», а также в связи выезда членов управы в Омск.¹⁴

Еще до того, как суховцы прибыли в Абай, из Улалы в Уймон был направлен белогвардейский отряд под командой поручика Любимцева. Последнему, при помощи кулаков и эсеров, удалось организовать заградительные отряды, и в 7 километрах ниже села Тюнгур в узком кагунском ущелье устроить две засады. С тем, чтобы завлечь красногвардейцев в подготовленную ловушку, эсер Казарцев выехал к ним на встречу. Ему удалось найти себе сообщника из числа эсеров, затесавшихся в отряд. Вследствие предательства эсеров, белогвардейцам удалось разбить отряд Красной гвардии. Спаслись удалось немногим красногвардейцам.¹⁵ Блуждая по таежной незнакомой местности, они попадали в руки озверевших врагов. Был схвачен и командир П. Ф. Сухов.

Одна из групп красногвардейцев наткнулась на пастушью стоянку айтайца Курушпая Чимчикова и обратилась к нему за помощью. «К нам в юрту пришла группа человек в 30, — рассказывал в 1936 году участникам экспедиции по пути движения отряда П. Ф. Сухова Чимчилов. — Наши старики испугались... бежали в бор, я остался. Я хорошо говорил по-русски, потому что служил в батраках у кержаков. Они просили дать несколько лошадей и отвезти их на Чуйский тракт. Я поймал своих лошадей и повез их до тракта. Когда я спросил: — В какую сторону пойдете? — то они отвечали: — К монгольской границе».¹⁶

Все красногвардейцы отряда Сухова, попавшие в руки врагов, были расстреляны.¹⁷

Красногвардейцы показали пример беззаветной борьбы за власть Советов. Они умерли героями, преданными солдатами социалистической революции. Своей героической борьбой они подготовили почву для зарождения партизанского движения на Алтае. Как уже отмечалось в печати, оставшиеся в живых красногвардейцы впоследствии приняли активное участие в организации нелегальных большевистских групп и партизанских отрядов.¹⁸

В результате иностранной интервенции и антисоветского мятежа белочехов, сибирской контрреволюции удалось одержать временную победу. Однако главной причиной ее победы явилось колебание среднего крестьянства, вызванное, в основном, экономическими трудностями в стране. Советы Сибири за непродолжительный период существования не успели раскрыть своих глубоких потенциальных возможностей. Про-

¹⁴ Там же.

¹⁵ В числе оставшихся в живых был И. И. Долгих — командир 1-го Барнаульского отряда.

¹⁶ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5, оп. 2, л. 811, л. л. 78—79. По-видимому, это была группа, возглавлявшаяся начальником штаба отряда Д. Г. Сулимом и погибшая у села Усть-Иня в неравном бою с белогвардейско-кулацким отрядом под командой сына ниже-уймонского кушца, офицера Малкина.

¹⁷ В с. Тюнгур, по приказу казачьего полковника Волкова, были расстреляны П. Ф. Сухов и 144 красногвардейца. В настоящее время Тюнгур переименован в село Сухово. На месте последнего сражения отряда Красной гвардии и в с. Катаиде на доме, где 9—10 августа 1918 г. останавливался штаб Сухова, установлены мемориальные доски. Над братской могилой установлен памятник.

¹⁸ В. Мирзоев. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1919 гг.), Кемерово, 1957, стр. 11.

довольственные органы Советов для снабжения промышленных центров и городов вынуждены были брать излишки хлеба и другого продовольствия не только у кулаков, но и у среднего крестьянства, что пришлось ему не по душе.

Среднее крестьянство Сибири не поддержало вооруженную борьбу красногвардейцев. Оно проявило колебание в сторону кулачества и партий эсеров и меньшевиков. Последние, используя экономические трудности Советского государства, демагогически обвиняли в них коммунистов и старались настроить трудящихся против Советской власти. Путем обмана и лживых обещаний мелкобуржуазным демагогам удалось ввести в заблуждение значительную часть колеблющегося среднего крестьянства. «Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России, — говорил В. И. Ленин. — В Сибири крестьяне не получили помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам.»¹⁹

Придя к власти, сибирское эсеро-меньшевистское белогвардейское правительство начало свирепый массовый террор против коммунистов, красногвардейцев, деятелей Советов и, вообще, всех сторонников Советской власти. Тюрьмы были переполнены политическими заключенными. Без суда и следствия были расстреляны и замучены тысячи людей.

Каракорум оказал активную поддержку белогвардейскому правительству Сибири. Мероприятия эсеро-меньшевистских правителей по реставрации буржуазно-помещичьих порядков соответствовали интересам байской эксплуататорской верхушки. Войдя под крыло сибирской контрреволюции, баи и торговцы, не без основания, надеялись сохранить свои богатства и власть.

Вместо волостных и сельских Совдепов были созданы волостные управы и сельские управления во главе со старостами. Окружная управа была переименована в Каракорум-Алтайскую уездную земскую управу, а Каракорумский округ — в уезд.²⁰

Будучи уездным учреждением, Каракорумская управа находилась в полном подчинении губернских властей и должна была исполнять все директивные указания омогого белогвардейского правительства. Но при всем этом, управа стремилась, чтобы ее деятельность служила интересам местных байско-кулацких, купеческих элементов.

Союзниками Каракорума были различного рода авантюристы, всплывшие на поверхность из глубин белогвардейского подполья. В числе их был штаб-капитан Сатуфин.

Примазавшись к советской экспедиции, направленной в Монголию для закупа скота, Сатуфин весной 1918 года прибыл в Горный Алтай. Когда ему стало известно о выступлении белочехов, он в пограничном селе Кош-Агач поднял мятеж против Советской власти. Захватив ценности монгольской экспедиции, он на эти средства организовал карательный отряд до 100 наемников и двинулся обратно по Чуйскому тракту.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 30, стр. 113.

²⁰ Официально Каракорумский уезд в составе Алтайской губернии был образован постановлением колчаковского правительства 30 декабря 1918 года. ГААК, ф. 233, оп. 3, д. 77, л. 14. В него входило 23 волости. Население их в 1914 году составляло 85 879 человек, из которых русского — 38 826 человек (45,2%). Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. (ЦГАОР и СС), ф. 1701, оп. 7, д. 17, л. 46.

Мечтая стать «главнокомандующим» и «князем» Алтая, этот проходивец присвоил себе титул «атамана народной армии». В своих карьеристских целях он усердно поддерживал и разжигал националистическую пропаганду каракорумцев об изгнании всего русского крестьянства из Горного Алтая. Разумеется, в это число входили, прежде всего, сторонники Советской власти, но отнюдь не крупные торговцы, мараловоды и все белогвардейцы.

С тем, чтобы привлечь на свою сторону местную байско-националистическую верхушку и заручиться ее поддержкой, Сатунина объявил себя «спасителем» «инородческого» населения. Выступив под каракорумским лозунгом «Алтай для алтайцев», он стремился возглавить националистическое движение, конечной целью которого была буржуазная автономия Алтая.

Отряд Сатунина, состоявший из байско-националистических и уголовных элементов, по пути движения из Кош-Агача в Улалу оставил кровавый след. Совдепы повсеместно были разогнаны. Причем их ликвидация сопровождалась массовыми порками, расстрелами и другими зверствами.

6 июля 1918 года Сатунина прибыл в Онгудай и произвел аресты, расстрелы и массовую порку сторонников Советской власти. Руководители «союза фронтовиков» Петр Елистратов, Силангий Шербаков, Николай Зятьков, Андрей Семенов и другие после издевательств и порки были отправлены в Улалу, а затем — в Бийскую тюрьму. По указанию Сатунина 76 семей сторонников Совдепа должны были в трехдневный срок выехать из Онгудая, бросив на произвол судьбы свои жилища и имущество.

14 июля, явившись с отрядом в Улалу — «столицу» Каракорума, Сатунина объявил автономию Алтая и потребовал от Временного сибирского правительства передачи «всей власти на Алтае военным организациям».²¹ Сменив караулы у арестных домов, он дал приказ перепороть всех заключенных розгами. На другой день каратели выехали в обратный путь, забрав с собой 10 человек из числа арестованных. В селе Шебалино 9 человек из них были карателями расстреляны.²²

Авантюрист Сатунина имел связь с забайкальским палачом Семеновым, ставленником японских империалистов, которого даже интервенты характеризовали как «вождя банды убийц».²³ Касаясь этих связей, газета «Думы Алтая» сообщала, что «в отряде Сатунина находится сотник Шустов — забайкальский казак, командированный на Алтай есаулом Семеновым...»²⁴

В д. Нижняя Каянча отряд Сатунина выпорот плетью двух арестованных, в том числе 63-летнего старика. Сатунина угрожал жителям этой таежной деревни тем, что он еще раз прибьет к ним для окончательного искоренения «крамолы» и будет не только пороть, но и рас-

²¹ Газета «Алтайские губернские известия», № 2 от 4 августа 1918 г.

²² В том числе: председатель Удальинского Совета И. И. Некоряков, руководитель подпольной группы в селе Улала М. Попов, красногвардейцы отряда Плетнева С. К. Светоносков, П. М. Лучкин и др.

²³ М. Жанен, Отрывки из моего сибирского дневника. Колчаковщина. Л. 1930, стр. 139.

²⁴ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 171.

стреливать. Как сообщала та же газета, «население терроризировано Сатуниным и скрывается где попало, жители боятся ночевать дома».²⁵

Сложившуюся политическую обстановку в Сибири Сатунин решил использовать для захвата власти в Горном Алтае. В этих целях он в Онгудее организовал так называемый «Алтайский центральный военный совет», включив в него некоторых членов Каракорумской управы. Сконструировав, таким образом, на Алтае «центральный» орган власти, Сатунин пытался привлечь на свою сторону членов «Каракорум-Алтайского военно-революционного комитета», сформированного еще весной 1918 года в селе Улала белогвардейскими офицерами во главе с подполковником Катаевым.²⁶ Но последние не пожелали его признать.²⁷

За сепаратистские действия, а также отказ выполнить приказ военных властей о движении с отрядом на станцию Тулун Томской железной дороги «для борьбы с большевистской властью», Сатунин был объявлен «военным мятежником».

По требованию Министерства туземных дел Каракорум вынужден был отказаться от союза с Сатуниным. Последний, оказавшись без поддержки, с частью своего военного отряда возвратился в Кош-Агач, где вскоре был разоружен.²⁸

С первых дней временной победы контрреволюции неограниченную власть в Горном Алтае взяли военные чины. Белогвардейский комендант Улалинского района поручик Любимцев в своем первом же приказе объявил, что он вступил в эту должность по распоряжению военных властей Сибирского временного правительства с задачей освобождения района «от власти большевиков», для чего им будут формироваться добровольческие военные отряды, что всякие попытки лиц предпринять «враждебные действия» по отношению к этому правительству будут им беспощадно пресекаться силою оружия.²⁹

Свои угрозы комендант осуществлял с исключительной жестокостью. В отзыве народного собрания жителей села Улалы о коменданте Любимцеве говорится, что его действия были схожи с действиями «кровавого зверя». Заезжая в каждую деревню, он «производил расстрелы, порол плетями и шомполами за сочувствие к Советской власти».³⁰

В период разгула контрреволюции, кроме отрядов Сатунина и Любимцева, свирепствовало еще несколько отрядов карателей. Так каракорумский отряд под командой белогвардейского офицера Лукашевича, ворвавшись в село Шебалино, устроил жестокую порку схваченных ими красногвардейцев и членов их семей, не исключая женщин и стариков. Истязаниям карателей были подвергнуты борцы за власть Советов в селах Мыюта, Черга, Черный Анууй, Ильинское, Сараса, Алтайское и других населенных местах. Зверскую порку крестьян села Озеро-Куреево учинил карательный отряд поручика Жолтера. То же самое ка-

²⁵ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, 171.

²⁶ Госархив Алтайского края, ф. 227, оп. 1, д. 1, л. 38.

²⁷ Партархив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5, оп. 2, д. 1160, л. 24.

²⁸ В Горном Алтае каратель Сатунин вновь появился в декабре 1919 года вместе с отступающими в Монголию колчаковскими войсками. В селе Едро на Чуйском тракте он был убит своими солдатами, не желавшими уходить за границу.

²⁹ Госархив Алтайского края, ф. 227, оп. 1, д. 1, л. 67.

³⁰ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 214.

ратели этого отряда проделали в селах Улале и Майме, где многие были подвергнуты порке и расстреляны.³¹

Карательные отряды обычно разъезжали без военно-полевого суда. Начальники отрядов действовали по своему усмотрению, и поговорка «списать в расход» находила повсеместное применение.

Крестьяне некоторых волостей в первые месяцы прихода к власти белогвардейцев наивно полагали, что расстрелы и массовые порки исходят не от существа «новой» власти и Временного сибирского правительства, а являются лишь результатом самоуправства начальников карательных отрядов. Об этом наглядно свидетельствует постановление Озеро-Куреевского волостного собрания от 8 сентября 1918 года. Выражая поддержку Временному сибирскому правительству, участники собрания просили: «С другой стороны, мы желаем, чтобы Временное сибирское правительство зорко следило за своими агентами, чтобы они не проявляли самовольных действий, вроде порки, иногда расстрелов, как делал в нашей волости проезжавший отряд».³²

Однако отношение крестьян к Временному сибирскому правительству не во всех волостях было одинаковым. В некоторых местах они высказывались против поддержки новоявленных правителей, отказывались платить налоги и недоимки, взыскиваемые с населения за прошедшие четыре года. Как отмечено в докладе инструктора Бийской уездной земской управы от 15 июля 1918 года о настроениях крестьян уезда, в одной волости «население настроено довольно недоверчиво к существующей власти», в другой — «настроение большевистское», в третьей — «уклонение от раскладок и платежей». «Крестьянами села Шубенки единогласно было решено воздержаться от каких-либо решений и действий по поводу поддержки Временного сибирского правительства».³³

Повсеместное недовольство трудящихся политикой Временного сибирского правительства началось в связи с мобилизацией молодежи в белую армию, объявленной по указу от 31 июля 1918 года. В дополнение к указу командующий войсками сибирской армии генерал Гришин-Алмазов издает суровый приказ, по которому при призыве новобранцев предлагалось всех уклоняющихся от воинской повинности «арестовывать и заключать в тюрьмы для осуждения по законам военного времени», а в отношении агитаторов применять «самые решительные меры вплоть до уничтожения на месте преступления».

Политика белогвардейского правительства шла вразрез с интересами трудового крестьянства. Крестьяне отказывались отдавать в армию своих детей.

Так, сходы паждан многих сел Горного Алтая уклонились принять резолюции о поддержке Временного правительства и необходимости создания армии для «защиты» страны. Многие резолюции, составленные инструкторами Бийской уездной земской управы, были приняты под давлением последних. Чтобы получить одобренный приговор, инструктору Д. Сорокину, например, пришлось прибегать к угрозе вызова карательной экспедиции. В своей информации он признает, что население урючиц Ынырга, Верхний Ашпанак и Нижний Ашпанак не хотят давать

³¹ ЦГАОР и СС, ф. 1561, л. 357, л. 23.

³² Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 г.). Документы и материалы. 2 издание, Новосибирск, 1959, стр. 114.

³³ Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 143—144.

ходили под руководством местных партийных и беспартийных большевиков.

В результате временной победы контрреволюции большевистские кадры понесли тяжелые потери. Партийные организации, перейдя в глубокое подполье, собирались с силами, восстанавливали связи, готовили вооруженные восстания. Несмотря на исключительно тяжелые условия белогвардейского террора и разгула контрреволюции, большевики создавали подпольные организации и постепенно развертывали их работу. В Алтайской губернии подпольные группы были созданы во всех уездных городах и многих селах. Уже в августе 1918 года большевики Сибири сумели провести 1-ю областную подпольную конференцию РКП(б). Делегатом от Барнаула на конференцию ездил Э. А. Алексеев.⁴⁰

Восстание крестьян в Бийском уезде осенью 1918 года проходило под руководством Бийской подпольной большевистской организации, которая имела связь с партийными организациями таких крупных центров Сибири как Барнаул, Томск, Иркутск.⁴¹ Бийская организация была связана также с подпольными организациями ряда волостей. Прокурор Барнаульского окружного суда сообщал в Министерство юстиции, что в городе Бийске предполагалось выступление местных большевиков.⁴² Наряду с городом, готовились восстания в ряде волостей уезда. Все они должны были начаться одновременно под общим руководством из города Бийска.⁴³

В селах уезда началась активная подготовка к вооруженному восстанию. Тайно собирались члены подпольных групп и намечали подготовительные мероприятия. Были избраны штабы по руководству восстанием. Так, в Озеро-Куреевской волостной штаб восстания были избраны: А. Ф. Угровицкий — бедняк-переселенец, бывший фронтовик (из с. Озеро-Куреево), В. И. Якушев — бывший балтийский матрос (из с. Сайдып), П. М. Герус — сосланный в Сибирь с отметкой в паспорте «бунтарь» (из пос. Богдановка), П. Полковников (из с. Сайлап), П. Вдовкин, Г. Косяев (из с. Салазан, ныне с. Дмитриевка). Секретарем штаба был Ян Путинн — переселенец, по национальности латыш (из села Нижний Уймень) и другие.⁴⁴

Подпольные штабы имели между собой связь, готовили оружие и боеприпасы. Агенты белогвардейцев сообщали, что «четыре смежные волости: Марушинская, Новиковская, Карабинокая, Озеро-Куреевская — поддерживая связь особыми нарочными, подготовляли вооруженное выступление против существующей власти».⁴⁵

Первыми восстали крестьяне Марушинской и Карабинской волостей, затем пламя восстания перекинулось в соседние волости: Новиковскую, Озеро-Куреевскую, Усятскую, Солтонскую и Сузопекскую.⁴⁶

В селе Озеро-Куреево восставшие арестовали и обезоружили помощника участкового начальника милиции и трех милиционеров, зазва-

⁴⁰ Борьба за власть Советов на Алтае. Исторический очерк. Барнаул, 1957, стр. 213—215.

⁴¹ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, д. 1 б., л. 1.

⁴² Борьба за власть Советов на Алтае, стр. 228.

⁴³ Рукописный фонд Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИЯЛ), папка № 17, л. 23 (материалы Г. А. Пахомова).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Борьба за власть Советов на Алтае, стр. 228.

⁴⁶ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, д. 1 б., л. 6.

тили оружие, изъятое у населения белогвардейцами и находившееся в складе волостной управы, восстановили волостной Совдеп. Председателем Совдепа был избран А. Ф. Угровицкий.

Восставшими сразу же были посланы двое связных в село Карабинку, но они там были застигнуты карателями и не возвратились.

Против восставших крестьян Бийского уезда были направлены три карательных отряда численностью в 185 человек под общим командованием полковника Соколова.⁴⁷

В связи с провалом в середине ноября 1918 г. Бийской подпольной организации большевиков и арестом 9 человек,⁴⁸ восстание с самого начала было лишено партийного руководящего центра. Разрозненные, малочисленные и слабооруженные отряды повстанцев не устояли против вооруженных винтовками и пулеметами карателей. Восстание потерпело поражение.

Подавив восстание в Марушинской и Карабинской волостях, каратели ворвались в Озеро-Куреево. Им удалось схватить многих повстанцев. По доносу предателей был также схвачен руководитель восстания председатель Совдепа Угровицкий. Ему удалось уничтожить протокол собрания об организации Озеро-Куреевского Совета крестьянских депутатов с подписями двухсот человек и тем самым уберечь многих из них от репрессий карателей. Угровицкий был твердо убежден в победе социалистической революции. Во время ареста, прощаясь с женой, он говорил: «Если я и погибну, то дети мои в будущем будут жить хорошо».⁴⁹

Арестованными были заполнены две камеры. И палачи так жестоко избивали восставших крестьян, что полы и стены камер были покрыты их кровью. Истязания не смогли сломить волю повстанцев, горячо веривших в грядущую победу трудового народа над врагом. Из окон камер раздавались возгласы призыва к населению села: «Не останавливайтесь на начатом, ведите борьбу с палачами!»⁵⁰ На четвертый день начался военно-полевой суд, приговоривший 13 повстанцев к смертной казни, в том числе и руководителей восстания — Угровицкого, Геруса, Якушева. Казнь была совершена публично. Приговоренные настолько были истерзаны и изувечены белогвардейскими палачами, что кроме Якушева, Геруса и Заколдоминна никто из них не был в состоянии идти без помощи на место казни. Все они умерли героями, с глубокой верой в победу Советской власти. Идя к виселице, Герус заявил убийцам: «Сегодня нам петля, а завтра — вам».⁵¹ Якушев в последние секунды жизни, обращаясь к народу, призывал: «Врагам революции не прощайте, боритесь до победы!»

Восстания крестьян Бийского уезда были подавлены. По приговору военно-полевого суда более 120 человек были повешены и расстреляны. Сотни крестьян подверглись порке, а многие арестованы и погибли от рук палачей в тюрьмах. Исключительную жестокость карателей вынуждены были признать сами «представители власти». На губернском съезде управляющих уездами управляющий Бийским уездом кон-

⁴⁷ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, л. 1 б., л. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Рукописный фонд ГАНИИИЯЛ, п. 17, л. 29.

⁵⁰ Газета «За коммунизм» с. Турачак, 1-го сентября 1957 г., № 69 (1432).

⁵¹ А. Ум а н с к и й. Памятники культуры Алтая, Барнаул, 1959, стр. 215.

новобранцев, и «инцидент уладился» лишь после того, когда он пригрозил прибегнуть к вооруженной силе. Там же инструктор указывает, что в Ыныргинской волости «почти половина населения, если не безразлично, то с некоторым недоброжелательством относится к последнему перевороту и к Временному сибирскому правительству, не платит совсем недоимок». А когда этот белогвардейский прислужник стал хулить Советскую власть, то бывшие фронтовики ему дали вполне вразумительный ответ: «Нас эта власть распустила по домам, а лучшего мы и не желали».³⁴

Каракорумская управа оказывала всяческое содействие формированию белогвардейской армии. Более того, она пыталась мобилизовать в белую армию алтайцев. Это была очередная авантюра байско-националистических приспешников сибирской контрреволюции. Как известно, алтайцы, как и все нерусские народы Сибири, от несения воинской повинности царским законодательством были освобождены. Мобилизация алтайцев на военно-тыловые работы, согласно объявленной в июне 1916 года «реквизиции инородцев», вызвала народные волнения и была проведена с применением репрессий.

При формировании Сибирской армии белогвардейцы не решились призвать в нее «сибирских инородцев». Поэтому закон о мобилизации в белую армию на алтайцев не распространялся. Несмотря на это, Каракорумская управа услужливо обратилась в Министерство туземных дел с предложением о призыве в армию алтайцев. В своей телеграмме от 10 августа 1918 года в Омск она указывала, что якобы «от мобилизации инородцы не откажутся, пойдут охотно (в) кавалерийские части (с) своими лошадьми». Управа докладывала, что по этому вопросу она уже запросила «мнение инородцев на местах» и заверяла Омское правительство в том, что «мобилизация пройдет спокойно», а «формирование добровольческих дружин не пройдет».³⁵

Прислужническая политика байско-националистической Каракорумской управы не выражала интересов трудящихся алтайцев. Ее воинственные стремления не нашли поддержки со стороны народных масс и затея с мобилизацией алтайцев в белую армию провалилась. Надежды членов управы на то, что алтайцы охотно пойдут в кавалерийские части, также не оправдались. Поэтому управа уже через две недели после отправки указанной выше телеграммы в Омск вынуждена была дать отбой и пересмотреть свои планы. В постановлении от 24 августа 1918 года она указывала: «Вопрос о принудительном призыве инородцев Алтая оставить открытым до решения его в общетуземном масштабе законодательными учреждениями; со своей же стороны немедленно приступить к формированию добровольческих отрядов, о чем и довести до сведения минтуздел».³⁶ Каракорум и белогвардейские офицеры развернули усиленную агитацию по привлечению добровольцев в армию.

Но трудящиеся алтайцы под всяким предлогом уклонялись от службы в белой армии, несмотря на обещания различных льгот. В этом отношении показательна позиция населения Улаганской волости. Так, 15 ноября 1918 года Улаганское волостное земское собрание, обсудив вопрос о вербовке добровольцев в армию Временного сибирского тра-

³⁴ ЦГАОР и СС, ф. 1561, д. 357, л. 18.

³⁵ ЦГАОР и СС, ф. 1701, оп. 7, д. 17, л. 38.

³⁶ ЦГАОР и СС, ф. 1701, оп. 7, д. 17, л. 59.

вительства, в своем постановлении выразило сожаление «о неудавшейся по волости вербовке добровольцев по случаю зимнего времени» и решило этот вопрос «отложить до благоприятного времени—весны».²⁷

Однако с наступлением весны отношение улаганцев к службе в белой армии не изменилось. Об этом можно судить по решению их волостного схода граждан, созванного в мае 1919 года. Заслушав воззвание уполномоченного командующего войсками округа и предложение прапорщика Кайгородова о вступлении добровольцами в формируемый Алтайский туземный дивизион и пожертвовании средств на его содержание, участники схода ограничились незначительными пожертвованиями. От записки в дивизион улаганцы уклонились, сославшись, во-первых, на свои «темноту и невежество» и, во-вторых, на глубокое выпадение снега, в связи с чем они, будучи скотоводами и пастухами, не могут оставить свой скот.²⁸ Опасения управы в том, что «формирование добровольческих дружин не пройдет», подтвердились и в других волостях.

Каракорумская управа не приняла каких-либо мер по улучшению экономического положения трудящихся, особенно той части, которая занималась только охотой. Еще Горной думе²⁹ под видом помощи населению, занимающемуся охотничьим промыслом, удалось приобрести 50 пудов пороха и 70 пудов дрови. Однако эти припасы попали не охотникам, а были использованы для снабжения каракорумских банд, боровшихся против Советской власти. Кроме налогов, взыскиваемых омским правительством, с населения Горного Алтая взыскивались дополнительные поборы, производившиеся по инициативе Каракорума.

Трудовые слои крестьянства постепенно убеждались в антинародной сущности «новой» власти. С каждым месяцем росло число недовольных политикой эсеро-меньшевистских правителей. Как отмечалось выше, первое повсеместное недовольство трудящихся вызвала мобилизация молодежи в белую армию.

В октябре 1918 года междуведомственная комиссия правительства приняла решение о реквизиции у населения для нужд армии одежды военного образца, что сказалось, прежде всего, на бывших фронтовиках. Грабег населения под видом взимания недоимок и налогов, мобилизация молодежи и реквизиция форменной одежды, сопровождавшиеся репрессиями, все это вызывало сильное недовольство крестьян, которое осенью 1918 года в ряде мест вылилось в открытые вооруженные выступления.

Первым крупным крестьянским восстанием на Алтае было Славгородское, проходившее 1—10 сентября 1918 года и жестоко подавленное карательным отрядом атамана Аниенкова. Но едва белогвардейские власти успели сообщить, что Славгородский уезд «усмирен», как начались восстания крестьян в Змеиногорском, Каменском, а затем в Бийском уездах.

Эти восстания крестьян за восстановление Советской власти про-

²⁷ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 177.

²⁸ Госархив Горно-Алтайской автономной области; ф. 95, оп. 1, л. 29.

²⁹ Алтайская Горная дума была избрана на съезде представителей инородческих волостей Алтая, состоявшемся в июле 1917 года в г. Бийске. В начале 1918 г. она из Бийска переехала в село Улалу, где в марте этого же года созвала учредительный съезд, после чего прекратила свое существование. Как и Каракорумская управа, Горная дума выражала интересы байско-националистической верхушки и находилась под идейным руководством сибирских областников и эсеров.

статировал, что восстание в волостях «было подавлено с большой, невызываемой необходимостью, жестокостью, причем подверглись расстрелу и порке плетью не только виновные, но и лица, не имеющие никакого отношения к восстанию».⁵²

Алтайская губерния не была исключением, где проходили крестьянские восстания против сибирского эсеро-меньшевистского правительства. Осенью 1918 года волна восстаний прокатилась и по другим губерниям Сибири.⁵³ Все они были звеньями единой цепи. Наряду со стачками рабочих и восстаниями солдат⁵⁴, крестьянские восстания осенью 1918 года были значительным ударом по контрреволюции. Они свидетельствовали о начале поворота трудящихся масс крестьянства Сибири на сторону Советской власти.

Крестьянские восстания осенью 1918 года сыграли важную роль в развертывании массового партизанского движения. Уцелевшие от репрессий участники восстаний переходили на нелегальное положение и создавали партизанские отряды.

Скрываясь от властей, уходили в партизаны не только участники восстаний. Гнет и произвол белогвардейцев выводил из «нейтральной» позиции все большее число трудящихся масс.

Если еще летом 1918 года во время борьбы красновардейцев с чехословацким мятежным корпусом и белогвардейцами значительная часть крестьянства была пассивной и смотрела на исход борьбы Советской власти с контрреволюцией безучастно, то с осени 1918 года и особенно с весны 1919 года всё большая часть трудового крестьянства начала переходить к активной революционной борьбе. Но этот переход от позиции «посмотрим, чья возьмет и чья власть лучше» к вооруженному выступлению против угнетателей за власть Советов совершился ценою многих жертв. «Действительно, — говорил В. И. Ленин, — тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне поплатились за свою доверчивость. Мы перенесли тяжкий опыт кровопускания сибирских рабочих и крестьян, но мы знаем, что этот опыт будет уроком для них. Этот опыт — лучший учитель большевизма для рабочих и крестьян. После него трудящиеся массы поймут, что середины нет. Нет иного выбора: либо власть рабочих и крестьян — власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков».⁵⁵

Поворот сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти, начавшийся осенью 1918 года, полностью определился после установления колчаковской диктатуры.⁵⁶

Колчак не внес существенных принципиальных изменений во внутреннюю политику своих предшественников — эсеров и меньшевиков. Он лишь усилил налоговый пресс, национальный и политический гнет трудящихся. Экономическое и правовое положение рабочих и крестьян при колчаковщине продолжало ухудшаться.

⁵² Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935, стр. 9.

⁵³ Почти одновременно с восстаниями на Алтае вспыхивают восстания крестьян в Токалинском уезде Тобольской губернии, в Мариинском уезде Томской губернии, в Минусинском уезде Енисейской губернии и других местах Сибири.

⁵⁴ Освобождение Сибири от Колчака. Новосибирск, 1939, стр. 36.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 30, стр. 5.

⁵⁶ Д. К. Шелестов. Борьба за власть Советов на Алтае. М., 1959, стр. 100. Его же: К вопросу о крестьянских восстаниях в Сибири осенью 1918 года. Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960, стр. 166.

Были изданы драконовские законы и приказы, по которым окончательно ликвидировались остатки демократических прав, повсеместно запрещалось проведение собраний, забастовок, в любой форме пропаганда против «всероссийского правителя» и органов его власти. В каждом случае виновные предавались военно-полевому суду. Колчаковский генерал Сахаров издал чудовищный приказ о расстреле без суда и следствия лиц, заподозренных в большевизме. Характерным для колчаковщины является резолюция коменданта г. Барнаула на прошение барнаульских швейников о разрешении провести общее собрание членов профсоюза. Помимо отказа, комендант написал угрозу: «В случае устройства собрания расстрелять каждого десятого».⁵⁷ Дикий произвол военщины являлся системой. Начальник Бийской уездной милиции цинично называл револьвер сводом законов, а плетку — сенатскими разъяснениями к ним.⁵⁸

С установлением колчаковской диктатуры репрессии в отношении населения еще более усилились. Тюрьмы были переполнены политическими заключенными. В Бийской тюрьме в феврале 1919 года на 180 мест содержалось 470 заключенных. На просьбу войских чинов о переводе из Бийска 250 политических арестованных в Томск оттуда ответили: «Губернская тюрьма переполнена... перевод из Бийска политических (заключенных) нахожу невозможным».⁵⁹

В национальном вопросе колчаковское правительство продолжало политику царизма. Выдавая себя за «всероссийское» правительство, оно осуществляло лозунг «единой и неделимой России», боролось против малейшего проявления национальной самостоятельности.

Даже деятельность такого контрреволюционного органа местной власти, каким являлась Каракорум-Алтайская уездная земская управа, у колчаковцев вызвала подозрение. И несмотря на то, что управа на деле доказала свою верность контрреволюции, ее председатель Гуркин был обвинен в «посягательстве на отделение Алтая в самостоятельную республику» и 12 декабря 1918 года заключен в Бийскую тюрьму.⁶⁰ Для того, чтобы провести какой-либо национальный съезд или собрание, управа должна была получить на это санкцию от Алтайского губернского комиссара и военного коменданта города Бийска.

Подобные ограничения не смущали Каракорумскую управу. Она продолжала свою верную службу колчаковскому правительству. Управа поддержала инициативу прапорщика Кайгородова о формировании упоминаемого выше «туземного конного дивизиона», вербовала в него добровольцев, производила закупку продовольствия и сбор пожертвованных для белой армии.

За службу в дивизионе добровольцам были обещаны высокие вознаграждения и льготы. Каракорумская управа и колчаковские офицеры развернули широкую кампанию по набору добровольцев. Кроме обещаний и обмана ими были пущены в ход подкуп и угрозы. В этом им активную помощь оказали местные баи и торговцы. Только один купец Каравзев снарядил и отправил из Чолушмана в конный дивизион 20 че-

⁵⁷ П. А. Бородин. Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины. Барнаул, 1950, стр. 11.

⁵⁸ Д. К. Шелестов. Борьба за власть Советов на Алтае, стр. 103.

⁵⁹ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 14, дело 11, л. л. 1, 5.

⁶⁰ Госархив Алтайского края, ф. 227, оп. 1, р. 1, л. 112.

людей.⁶¹ В туземном дивизионе оказались не только сынки и родственники баев, но и некоторые из трудящихся алтайцев. Это были преимущественно те, кто поддавался обману каракорумцев и колчаковских офицеров.

Комплектование дивизиона сопровождалось усилением буржуазно-националистической пропаганды. Байско-жулические элементы, исходя из своих классовых интересов, пытались обострить межнациональные отношения, порожденные колониальной политикой царизма. Они стремились возбудить былую ненависть трудящихся алтайцев к царским угнетателям и использовать ее для борьбы с Советской властью. Буржуазно-националистический лозунг «Алтай для алтайцев» некоторое время помогал каракорумцам обманывать часть трудящихся алтайцев, удерживая ее на своей стороне. Однако, как уже отметил профессор Л. П. Потапов, большинство трудящихся алтайцев, живших смешанно или в тесном общении с русским трудовым населением, не поддались лживым буржуазно-националистическим лозунгам.⁶² Это видно и по результатам формирования дивизиона. Каракоруму и колчаковским офицерам удалось набрать лишь три сотни солдат. Тем не менее, антинародная националистическая пропаганда каракорумцев нанесла громадный вред трудящимся Горного Алтая.

Дивизион формировался в г. Бийске и предназначался для карательных целей. Когда солдатам стало известно об этом, многие из них дезертировали.⁶³

Вывуштрованный колчаковскими офицерами дивизион был использован для борьбы с партизанским движением в Каракорумском и Бийском уездах.⁶⁴

Не получив желаемых результатов по набору добровольцев в «туземные» части, колчаковское командование и Каракорум решили втянуть трудящихся алтайцев в очередную авантюру — перевести их в сословие казаков. Последняя была вызвана наступлением Красной Армии на Восточном фронте и усилением партизанского движения в колчаковском тылу.

Как известно, летом 1919 года Красная Армия, освободив Урал, вышла на широкие просторы Западной Сибири. Под ее могучими ударами армия Колчака терпела одно поражение за другим и откатывалась к рекам Тоболу и Ишиму.

Колчаковские генералы настойчиво требовали от своего правительства новых пополнений. Генерал-майор Лебедев в своем докладе Совету Министров 2 июля 1919 года писал: «Происходящие на фронте интенсивные бои требуют непрерывной высылки пополнений, вследствие чего в срочном порядке необходимо произвести очередные призывы.»⁶⁵

Военные поражения и большие потери на фронте заставили колчаковское правительство прибегнуть к новой мобилизации солдат. Если постановлением Совета Министров от 8 апреля 1919 года в армию до-

⁶¹ Госархив Горно-Алтайской авт. обл. ф. 95, оп. 1, д. 16, л. 45.

⁶² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 387.

⁶³ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 181.

⁶⁴ На 25 октября 1919 г., т. е. ко времени наибольшего подъема партизанского движения, в нем числилось 326 солдат (ЦГАОР и СС, ф. 182, оп. 1, д. 44, л. 32). Позднее остатки дивизиона послужили ядром банды Кайгородова и в 1922 г. были полностью разгромлены частями Красной Армии и особого назначения (ЧОН).

⁶⁵ ЦГАОР и СС, ф. 182, оп. 4, д. 11, л. 17.

срочно призывались лица рождения 1900 и первых трех месяцев 1901 года, то новым постановлением Совета Министров от 1 июля 1919 года в войска уже призывались лица, родившиеся с 1 апреля по 31 декабря 1901 года, т. е. юноши 17—18-летнего возраста. Призвать же старшие возрасты правительство по-прежнему опасалось, так как к этому времени в среде рабочих и крестьян имелось «сильное большевистское движение».

В поисках дополнительных источников людских ресурсов, колчаковское правительство вновь обращается к вопросу о «привлечении инородцев к военной службе». Для изучения этого вопроса была образована междепартаментальная комиссия из представителей различных министерств. И эта комиссия, принимая во внимание, с одной стороны, обстоятельства, вызвавшие в 1916 году при призыве «инородцев» в военно-рабочие команды ряд восстаний и «возможное противодействие агитаторов из их же среды», и с другой — успешное наступление Красной Армии на Восточном фронте и активные действия партизан в тылу, пришла к заключению: 1. «Призыв сибирских инородцев на военную службу обязательным приказом при переживаемых государством современных условиях борьбы с большевиками не желателен... 2. Признать необходимым самое широкое привлечение инородцев на военную службу в качестве добровольцев.»⁶⁶ Колчаковцы опасались, что призыв нерусских народов Сибири может вызвать восстания и привести к усилению партизанского движения в тылу.

Что касается каракорумцев, то они, убедившись в том, что трудящиеся алтайцы не желают служить в белой армии и попытка формирования добровольческих отрядов оказалась безуспешной, по указанию колчаковского командования выдвинули новую затею о переводе алтайцев в сословие казаков. Активную деятельность в этом проявил авантюрист Кайгородов, стремившийся сделаться «атаманом Алтайского казачьего войска».

Политика байско-националистической верхушки по вопросу перевода алтайцев в казачество на деле означала сделать их оплотом контрреволюции на Алтае. Она была явно антинародной и выражала интересы баев, буржуазных националистов, но отнюдь не трудящихся масс.

Кайгородов и члены национального комитета Каракорум-Алтайской уездной земской управы стали проводить среди алтайского населения широкую агитацию теперь уже за переход алтайцев в казачество, формирование туземных конных частей и отправление их на фронт. При этом колчаковские и каракорумские демагоги сулили населению Горного Алтая большие привилегии и радужные перспективы. С тем, чтобы втянуть трудящихся алтайцев в свою очередную авантюру, колчаковцы-каракорумцы шли на любой обман, на любое предательство интересов народа. Но к этому времени каракорумская управа и Колчак уже достаточно разоблачили себя в глазах трудящихся. И та часть алтайского населения, которая первоначально связывала свое национальное освобождение с Каракорумом, все более разочаровывалась в своих надеждах. Новая авантюра каракорумцев и колчаковских офицеров также не увенчалась успехом.

Каракорумская управа все яснее обнажала свою антинародную сущность. Некоторые из числа политически более развитых алтайцев

⁶⁶ ЦГАОР и СС, ф. 182, оп. 1, д. 35, лл. 60, 66.

выступили против буржуазно-националистической политики каракорумцев, сеявших национальную рознь. Они собирали вокруг себя маленькие группы, устраивали собрания. Разоблачая обман каракорумцев, они в своих беседах разъясняли, что русские и алтайские бедняки—родные братья, что общими врагами трудящихся являются бэи, русские жуппы и кулаки, а не русские вообще.

В Мыютювской волости такую разъяснительную работу проводил алтаец М. С. Актелов. Его помощниками в агитационной работе были Бужулаков, Черин, братья Пахомовы и другие. За то, что они на сельском сходе выступили против националистической пропаганды каракорумцев, последние объявили их большевиками. «Для расправы с нами, — указывает в своих воспоминаниях М. С. Актелов, — в Мыютю приехал карательный отряд. Нам, к счастью, удалось скрыться. Однако двое были схвачены белобандитами, увезены в Улалу и там подвергнуты пыткам в застенках каракорумской милиции.

«Много крестьян ушло в горы, в тайгу от преследования озверелых колчаковцев».⁶⁷

Все арестованные направлялись в уездный центр—Улалу, где военные власти, обычно, подводя их под категорию «общественно-опасных, зараженных большевизмом лиц», пороли, вешали, расстреливали. Один из руководителей Каракорума вынужден был признать, что в Улале истязания и порки в управлении милиции происходят чуть ли не ежедневно, что офицеры-каратели Рожков и Лукашевич ввели истязания в систему и превратили управление милиции в застенок.⁶⁸ Многих сделал жертвами белогвардейского террора колчаковский опричник Кайгородов.

Военщина имела неограниченную власть. Касаясь этого, колчаковский министр Сукин писал, что созданная в Сибири власть представляла собою чисто военную диктатуру; гражданские власти были в полной зависимости от военщины.⁶⁹ То же самое было и в Горном Алтае. Колчаковские офицеры были здесь полными хозяевами. В их руках Каракорумская управа была послушным орудием.

Повсеместное недовольство трудящихся было вызвано не только белым террором. Огромную роль в разоблачении колчаковщины сыграла грабительская финансово-экономическая политика колчаковского правительства, которая сильно ухудшила материальное положение трудящихся. В Сибири были сохранены все виды старой системы обложения, существовавшие при царизме. С населения взимались так называемая «государственная оброчная подать», земские, мирские, церковные и другие сборы. Кроме перечисленных сборов на плечи трудящихся тяжелым бременем ложились различные косвенные налоги.

Конфискации и реквизиции следовали одна за другой. У крестьян забирали лошадей, скот, хлеб, фураж, седла, упряжь, одежду военного образца и т. д. Грабеж интервентов и белогвардейцев совершенно разорил крестьянство.

Тяжелые бедствия испытывали трудящиеся малых народностей Си-

⁶⁷ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 68—69. Актелов и другие недовольные и преследуемые колчаковско-каракорумской властью алтайцы позднее приняли активное участие в партизанском движении.

⁶⁸ Партерхив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5, оп. 2, д. 1155, л. л. 7—14.

⁶⁹ С. Ф. Найдан. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958, стр. 161.

бири. Была запрещена продажа пороха и дрови. Это резко ухудшило экономическое положение народностей, основным источником существования которых были пушной промысел и охота. Такое запрещение обрекало их на голодную смерть.

Характеризуя тяжелое положение семей промысловиков-охотников, члены подпольного Сибирского областного комитета РКП(б) А. Масленников и М. Рабинович в своем докладе ЦК РКП(б) от 21 марта 1919 года писали: «Те уезды, в которых население занято пушным промыслом, подвергаются такого рода гонениям со стороны правительства Колчака, что их экономическое состояние не только не улучшилось, а продолжает ухудшаться».⁷⁰

Данная характеристика отражала и положение населения Горного Алтая, занятого охотничьим промыслом. Колчаковские органы власти не только не помогли населению снабжением охотничьими боеприпасами, но реквизировали и их остатки. У населения изымалось все огнестрельное оружие.

Тяжелые лишения переносили не только охотники, но и пастухи, особенно центральной и южной части Горного Алтая, где скотоводство носило кочевой и полукочевой характер. Глубокие снега зимой 1918—1919 гг. исключительно затрудняли пастбищное содержание скота. Испытывался острый недостаток кормов. От бескормицы и вспыхнувшей эпизоотии погибли десятки тысяч голов скота. В некоторых селениях падеж скота составил более половины общего поголовья. В это трудное для скотоводства время Каракорумская управа, вместо оказания помощи населению, провела дополнительное обложение его налогом: с каждой головы крупного рогатого скота по 5 рублей.⁷¹

Народные массы Горного Алтая на собственном опыте убедились не только в антинародной контрреволюционной сущности Каракорумской управы, но и в том, что она является жалким придатком власти Колчака. По определению В. И. Ленина, «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...»⁷² Испытав на себе все ужасы этой военизированной буржуазной диктатуры, трудящиеся повсеместно ответили языком восстаний. Кровавая колчаковская диктатура послужила главной причиной партизанского движения как в центральных областях Сибири, так и на ее окраинах.

Вдохновителем и организатором борьбы трудящихся масс Сибири против интервентов и их ставленника Колчака была Коммунистическая партия. Партийным организациям Сибири приходилось работать в жесточайших условиях белогвардейского террора.

ЦК РКП(б), несмотря на трудности, имел связь с сибирским подпольем, посылал письма, инструкции, оказывал помощь опытными кадрами, денежными средствами, партийной литературой. Эта помощь у колчаковцев вызвала тревогу. В феврале 1919 года директор департамента милиции МВД в своем секретном письме управляющим губерний и областей писал: «Из Советской России в Сибирь командированы эмиссары с крупными деньгами для партийной организационной работы и для раздачи в пособие семьям, пострадавшим при выступлениях ра-

⁷⁰ Партизанское движение в Сибири, стр. 98.

⁷¹ Парта́рхив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5, оп. 2, д. 1160, л. л. 8—9.

⁷² В. И. Ленин. Соч. т. 30, стр. 194.

бочих».⁷³ По докладу руководителей сибирского подполья на март 1919 года из Советской России всего было получено 475 тыс. рублей.⁷⁴

Для руководства партийными организациями Урала и Сибири в начале января 1919 года было создано специальное Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б), в состав которого от сибирских подпольных организаций были введены А. Масленников, М. Рабинович и А. Нейбут.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов лично занимались руководством и оказанием помощи сибирскому большевистскому подполью. На это указывает ряд документов.⁷⁵ Помощь ЦК партии и письма руководителей партии и государства вдохновляли коммунистов Сибири, вселяли твердую уверенность в победе над интервентами и белогвардейцами.

Важное значение в организации партийных сил и в развертывании партизанского движения имели решения 2-й и особенно 3-ей сибирских подпольных партийных конференций, проведенных 23 ноября 1918 года в Томске и 20—21 марта 1919 г. в Омске.⁷⁶ Главное внимание в решениях этих конференций было уделено организации партизанского движения и партийного руководства им.

Строжайшие условия конспиративной работы, с одной стороны, и белогвардейский террор — с другой, не позволили сохранить большую часть документов подпольных групп. Тем не менее, известно, что некоторые подпольные группы Горного Алтая в своей работе руководствовались решениями сибирских подпольных конференций.

Бывший фронтовик, участник революционных выступлений солдат 1917 года, инструктор разведки 2-го полка 1-ой горно-конной партизанской дивизии И. Н. Кудрявцев в своих воспоминаниях указывает: «Незадолго до восстания нашей группе удалось получить от члена подпольной группы волостного села Куяган С. Г. Черникова инструкцию по организации деревенских комитетов, крестьянских штабов и отрядов, разработавшую II Всесибирской (3-ей сибирской — С. П.) конференцией РКП(б) в марте 1919 года.

К практическому осуществлению вооруженного восстания мы приступили, уже ясно сознавая его цели и задачи».⁷⁷

Проникновение решений партийных конференций даже в дальние таежные деревни Горного Алтая свидетельствует о широких связях и активной деятельности сибирского большевистского подполья в деревне.

В Горном Алтае подпольные группы в период иностранной интервенции и гражданской войны имелись во многих селах. В большинстве своем это были большевистски настроенные группы. В них входили, прежде всего, преследуемые белогвардейскими властями бывшие члены Совдепов, красногвардейцы, фронтовики, участники крестьянских восстаний 1918 года, дезертиры белой армии. И хотя подпольные группы формально не были оформлены в партийные ячейки РКП(б), но фактически, по существу своей деятельности, по своим задачам и целям борьбы, почти все они стояли на большевистской платформе. В этом

⁷³ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 15, д. 23, л. 1.

⁷⁴ Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 108.

⁷⁵ Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. Сборник документов, Барнаул, 1957, стр. 226, 229. Борьба за Урал и Сибирь. ГИЗ, 1926, стр. 221.

⁷⁶ Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 59—108.

⁷⁷ И. Н. Кудрявцев. Стихи и песни, рожденные в боях. Горно-Алтайск, 1959, стр. 3.

главная особенность большевистски настроенных нелегальных групп, действовавших в Горном Алтае в 1918—1919 годах. Их существование лишний раз свидетельствовало об авторитете и влиянии партии большевиков не только в центре страны, но и на окраинах. К сожалению, вопрос о их деятельности почти не исследован.

В период зимы 1918—1919 годов подпольные группы были еще малочисленны, разрозненны, активных действий против колчаковцев-каракорумцев не проявляли, они готовили оружие, накапливали свои боевые силы.⁷⁸

Кроме местных нелегальных групп действовали отдельные группы, прибывшие из Бийска, Барнаула и других мест. Горы и леса Алтая служили для них неплохим укрытием. Бывший фронтовик, житель с. Дмитриевки Турачакского аймака В. П. Вдовкин в своей автобиографии указывает, что после свержения Советской власти в 1918 году он вместе со своими братьями вступил в группу, которая готовила восстание против белогвардейского правительства. После разгрома повстанческого отряда в Карабикке и занятия карателями территории Озеро-Куреевской волости, их отряду пришлось скрыться в тайге, где установили связь с И. Е. Морозовым⁷⁹ и большевиками из города Барнаула, которые скрывались от преследования колчаковцев на Ульмене.⁸⁰

Группа повстанцев Змеиногорского уезда в количестве 6 человек после поражения восстания крестьян осенью 1918 года скрывалась в лесах Успенской волости. В ночь на 13 июня 1919 года в поселке Михайловском колчаковцам удалось ее обнаружить. Во время перестрелки один из них погиб, другой, будучи раненым, скрылся в тайге, остальные четверо были схвачены.⁸¹

К лету 1919 года подпольные группы активизировали свою деятельность. В связи с этим начальник милиции Каракорумского уезда в предписании сельским старостам требовал немедленно установить по деревням наблюдение за деятельностью большевиков.⁸² Кроме подобных предписаний, колчаковские органы власти предпринимали другие меры борьбы с подпольными и партизанскими группами.

В населенные пункты уезда был усилен поток различного рода провокаторов, агентов. На дорогах и тропях устанавливались секретные посты. Так, подпольной группой в пос. Боровлянка Тайнинской волости

⁷⁸ В период массового восстания крестьян летом 1919 г. подпольные группы явились ядром партизанских отрядов, а их руководители возглавили партизанское движение. Так, командирами партизанских отрядов были избраны Д. А. Красков (с. Усть-Кокса), Г. Е. Вязников (д. Усть-Мута), П. Д. Кожорин (д. Демино), В. Н. Кудрявцев (д. Александровка), Е. П. Нохрин (д. Успенка, ныне с. Чоя Майминского аймака), М. Е. Нагих (д. Бяльгра), Ф. И. Усольцев (Тайнинская волость, ныне Красногорский район, Алтайского края) и другие руководители подпольных групп.

Партийные ячейки были созданы в начале 1920 г., когда Первая горно-конная партизанская дивизия вошла в состав 26 дивизии Красной Армии.

⁷⁹ Морозов Иван Емельянович в 1912 г. прибыл в пос. Полушкино Озеро-Куреевской волости из г. Уфы, скрываясь от ареста за участие в забастовке рабочих. В период временной победы контрреволюции в 1918—1919 г. руководил нелегальной группой. После восстановления Советской власти был организатором партийной ячейки РКП(б) и сельхозкоммуны в пос. Дмитриевка, затем — секретарем Озеро-Куреевского волларткомма. Погиб в бою с засадой банды Штанакова и Славорещкого вблизи Телешского озера в 1921 г. Похоронен в с. Дмитриевке Турачакского аймака.

⁸⁰ Горно-Алтайский областной краеведческий музей, Архивный фонд. Автобиография Вдовкина Василия Петровича, Ульмень — правый приток реки Бии.

⁸¹ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, л. 16, л. л. 27, 41.

⁸² Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 180.

на горе Борсунак были ликвидированы два колчаковских милиционера, посланные для поимки партизан. В этой группе состояли дезертиры колчаковской армии, скрывавшиеся в окрестных лесах. Осенью 1919 года на горе Бове (Турачакский аймак), в охотничьей избушке одним из дезертиров был опознан колчаковский лазутчик, подосланный бийской контрразведкой. Он имел при себе листовки Бийской подпольной организации РКП(б), которыми пользовался для провокационных целей. Кроме листовок у него был изъят свисок некоторых выявленных им в селах уезда членов подпольных групп.⁸³ Разоблачение вражеского агента спасло жизнь десяткам сторонников Советской власти.

Колчаковская милиция по волостям уезда рассылала распоряжения об аресте скрывающихся большевиков с подробным перечислением их примет. По такому распоряжению председатель Ыныргинской земской управы 12 июня 1919 года дал предписание Нижне-Аштанскому сельскому старосте об аресте и доставлении в волость большевика Конова-лова.⁸⁴

В аресте членов подпольных групп колчаковской милиции усердно помогали кулаки, попы, баи, торговцы. Так, по доносам местных кулаков, несколько раз арестовывался бывший фронтовик, председатель Черно-Ануйского волостного Совета А. Е. Бабушкин. Но ни аресты, ни порки, ни 8-месячное заключение в Бийской тюрьме не сломили волю беспартийного большевика. А. Е. Бабушкин дважды бежал из-под расстрела, позднее принял активное участие в партизанском движении.⁸⁵

В поселках Паспаульской волости действовала нелегальная группа, возглавляемая П. М. Сумбаевым, бывшим политическим смыльным, председателем Паспаульского волостного Совдепа. Подпольная группа готовила вооруженное восстание, но колчаковцам удалось ее раскрыть. Член этой группы Ф. М. Бабинин в своих воспоминаниях указывает: «Колчаковская контрразведка разгромила нашу группу, арестовала тов. Сумбаева и ряд других ребят».⁸⁶

К лету 1919 года Колчак окончательно разошелся с широкими слоями сибирского населения. Отношение крестьянства Алтая к «верховному правителю» наглядно характеризует решение третьего чрезвычайного Алтайского губернского земского собрания от 26 мая 1919 года по поводу предложения губернских властей о посылке приветственных телеграмм Колчаку и представителям чехословацких войск. Предложенный текст телеграмм гласными собрания был забаллотирован.

По поводу этого управляющий Алтайской губернии в своей докладной в Министерство внутренних дел отмечал, что хотя большинство собрания состояло «из крестьян совершенно аполитичных и беспартийных» и «прямой открытой агитации против принятия предложения о приветствии собственно не наблюдалось, но предложение это при обсуждении его на частных гласных совещаниях встретило возражение со стороны гласных из тех частей губернии, в которых действовали так называемые карательные воинские отряды и, главным образом, гласные из Змеиногорского уезда».⁸⁷ Как бы то ни было, отказ губернских глас-

⁸³ Воспоминания бывшего члена подпольной группы пос. Бороваянка Н. С. Боатенко.

⁸⁴ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти, стр. 183.

⁸⁵ Госархив Горно-Алтайской авт. обл., ф. 36, оп. 1, д. 616, л. л. 1, 6.

⁸⁶ Там же, ф. 48, оп. 2, д. 65, л. л. 17, 20, 22.

⁸⁷ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 10, д. 33, л. 59.

ных послать приветствия Колчаку и белгешским войскам выражал политическое настроение крестьян Алтая. Этот отказ говорил о повороте крестьянства Алтайской губернии на сторону Советской власти.

Что касается настроения гласных Змеиногорского уезда, то в этом оказались, прежде всего, дикие бесчинства карательных частей атамана Анненкова, под властью которого находился уезд. Атаман и его сподручные беззастенчиво грабили население. Производимые Анненковым у населения реквизиции продовольствия и фуража обычно не оплачивались. На вопрос полевого контроля об оплате произведенных реквизиций Анненков дивично ответил: «Я реквизирую, а кто будет платить — не мое дело».⁸⁸ О том, что из себя представляла дивизия Анненкова, наглядно свидетельствуют письма солдат. В одном из них, процитированном в донесении колчаковского цензора, грабитель пишет: «Мы стояли в экономии Кургендубаева, где пожили, что и требовать лучшего нельзя. За это время мы украли 200 штук гусей, 150 индюшек, много кур, уток и поросят».⁸⁹

Отряды атамана Анненкова не являлись исключением. Грабеж трудящихся карателями производился и в других уездах губернии и Сибири в целом. Из агентурных сведений колчаковцев, характеризующих настроение сибирского крестьянства, явствует, что если крестьяне «и ждут большевиков, то только потому, что с приходом их надеются на установление нового порядка и избавление от теперешнего гнета, выражающегося в обысках, порках и прочее».⁹⁰

Крестьяне с огромным интересом слушали сообщения о перемещении фронта с Урала в Западную Сибирь. Победа Красной Армии на Восточном фронте вселяла в них уверенность в освобождении их от ига Колчака. Вести с фронта привозили возвращавшиеся домой раненные и бывшие военнопленные. Сообщали эти вести населению также и члены подпольных групп.

В связи с усилением в селах губернии большевистской агитации и большого интереса крестьян Алтая к получению «свежих сведений», начальник губернской охраны 19 июля 1919 года доносил: «На станциях замечается скопление крестьян окрестных деревень в целях получения свежих сведений от беженцев, от возвращающихся военнопленных, под видом которых появляются агитаторы с Запада».⁹¹

Диктатура буржуазии и военщины послужила поучительным и сильным уроком политической грамоты для сибирского крестьянства. К лету 1919 года, то есть через год со времени победы контрреволюции, в политическом сознании трудящегося крестьянства произошли огромные сдвиги. За год среднее крестьянство Алтая, испытав на себе различные стороны и оттенки власти имущих, сделало единственно правильный и окончательный выбор — Советскую власть.

Таким образом, понадобилось время, чтобы среднее крестьянство могло сделать сравнение с одной стороны — политики Советской власти, а с другой — эсеро-меньшевистской «демократии» и затем помещичье-буржуазной диктатуры Колчака. И когда оно на собственном горьком опыте убедилось в антинародной сущности белогвардейских прави-

⁸⁸ А. Будберг. Дневник белогвардейца. Изд. «Прибой», 1926, стр. 5.

⁸⁹ ЦГАОР и СС, ф. 167, оп. 15, д. 2, л. 3.

⁹⁰ Там же, ф. 147, оп. 15, д. 25, л. 19.

⁹¹ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, д. 1 б, л. 103.

тельств, защищавших интересы капиталистов и помещиков, оно отделилось повсеместными восстаниями, переросшими в мощное партизанское движение.

Начало массового партизанского движения в Горном Алтае было положено восставшим крестьян села Зимино (теперь Толчихинского района), вспыхнувшим 2 августа 1919 года. Восстание было подготовлено и от начала до конца проходило под руководством местной подпольной организации большевиков, возглавляемой старым питерским рабочим, членом РКП(б) с 1908 г. Г. С. Ивкиным. Восстание, начавшееся в Зимино, быстро перекинулось в соседние села и Горный Алтай, «стало поворотным пунктом в истории вооруженной борьбы трудящихся Алтая против колчаковщины».⁹²

Характеризуя колебания крестьянства Сибири, Урала, Украины в период Октябрьской революции и гражданской войны, В. И. Ленин писал: «Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружались в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Денишину.

Далее, опыт колчаковской и денюкинской «демократии», о которой любой газетчик в колчакии и денюкии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учрединловке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как плавно-го представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина».⁹³

⁹² Борьба за власть Советов на Алтае, стр. 261.

⁹³ В. И. Ленин. Соч. т. 30, стр. 244.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. ТОЩАКОВА, Женщина-алтайка в советский период	3
Н. А. БАСКАКОВ, Фонетические особенности кумандинского диалекта	22
Т. М. ТОЩАКОВА, Союзы и частицы в алтайском литера- турном языке	45
Н. А. КУЧИГАШЕВА, Теленгитский диалект алтайского языка	57
С. С. КАТАШ, Алтайские варианты казахского эпоса «Козы- Корпеш и Баян-Слу»	73
М. Д. БОЧАРОВ, Драма Павла Кучияка «Чейнеш»	91
С. Я. ПАХАЕВ, Горный Алтай накануне массового партизан- ского движения (июнь 1918 год—июль 1919 год)	106

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Г. М. Тоцакова (главный редактор),
Н. Е. Семин, С. Я. Пахаев, Н. А. Кучигашева,
Г. Д. Голубев, Т. С. Тухтенев.*

Утверждено к печати Ученым Советом
Горно-Алтайского НИИИЯЛ

Ответственный за выпуск Г. Д. Голубев.
Технический редактор М. И. Тухтеев.
Корректор Л. В. Ешева.

* * *

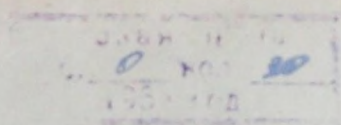
Сдано в набор 15/VIII 1961 г. Подписано
к печати 29/XII 1961 г. Формат 70×108^{1/16}.
Физич. печ. л. 8,25. Усл. п. л. 11,3. Уч.-изд. л. 10. Тираж 530.
АН 06501. Заказ № 2778. Цена 60 коп.

* * *

Горно-Алтайское книжное издательство,
Типография № 15, г. Горно-Алтайск,
проспект Коммунистический, 29.

Замеченные ошибки и опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
12	12-я снизу	доходы этого колхоза	Доходы колхоза "Кызыл Алтай" Шебалинского аймака
28	12-я снизу	между	между
47	15-я снизу	кайдар	кайлаар
55	9-я снизу	кайдар	кайлаар
49	3-я снизу	буквенном смысле	в буквальном смысле
52	11-я сверху	ийсер	ийер
99	21-я сверху	В дарме	В драме
112	4-я снизу	23 волости	29 волостей
118	13-я сверху	проходило	готовилось

Цена 60 коп.